

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРЕПИСКА
В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф. ФОН МЮЛЛЕРА
1828–1848

Вступительная статья Н.Е. Никоновой
Составление и комментарии Н.Е. Никоновой и
В.С. Киселева

Подготовка текста и перевод Н.Е. Никоновой и
И.А. Вяткиной при участии Е.Е. Дмитриевой,
О.Б. Лебедевой и Х. Зигеля

Научный редактор В.С. Киселев

Издательство Томского университета
2021

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос-Рус)1
П27

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века:
текстология, комментарий, публикация»).

Research was conducted at Tomsk State University and supported by the
Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 “Russian
Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology,
Commentary, Publication”.

Издание подготовлено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-18-00083)

Переписка В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера : 1828–1848 / вступ.
П27 ст. Н.Е. Никоновой; сост. и коммент. Н.Е. Никоновой и В.С. Киселева; под-
гот. текста и перевод Н.Е. Никоновой, И.А. Вяткиной при участии
Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой и Х. Зигеля; научный редактор В.С. Ки-
селев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. – 248 с.

ISBN 978-5-7511-2625-4

Книга представляет в полном объеме сохранившуюся переписку
В.А. Жуковского (1783–1852) и веймарского канцлера Ф. фон Мюллера (1779–
1849). В нее вошло 69 писем, публикуемых впервые или впервые полностью
(33 письма Жуковского, 35 писем Ф. фон Мюллера, 1 письмо А. фон Мюллера).
Переписка отражает как личные отношения выдающихся представителей двух
культур, так и динамику русско-немецких контактов в литературе, искусстве,
философии и политике.

Для преподавателей вузов и школ, аспирантов, студентов и всех интересу-
ющихся отечественной словесностью.

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос-Рус)1

© Н.Е. Никонова, вступительная статья, 2021
© Н.Е. Никонова, В.С. Киселев, составление, комментарии, 2021
© Н.Е. Никонова, И.А. Вяткина, подготовка текста, перевод, 2021
ISBN 978-5-7511-2625-4 © Издательство Томского университета, 2021

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф. ФОН МЮЛЛЕРА КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ РОМАНТИЗМА

Переписка двух поэтов и видных общественных деятелей России и Германии первой половины XIX в. неоднократно привлекала внимание ученых, однако она была осмыслена и издана лишь частично, хотя высокая актуальность этого корпуса документов, важных для понимания литературного и придворного быта России и Европы периода расцвета культур обеих стран, не нуждается в доказательствах. Достаточно вспомнить о ведущей роли канцлера фон Мюллера в институциональной истории веймарского классицизма и сохранении и приумножении его наследия и о сравнимом с нею значении культуртрегерства В.А. Жуковского, поэта, переводчика, мыслителя, покровителя искусств и наставника.

Импульсом к осмыслению переписки послужила выборочная публикация, осуществленная Адельгейдой фон Шорн в 1904 г. на страницах журнала «Deutsche Rundschau» [1]. Эта же ценная подборка вошла в ее мемуары о Веймаре. Автографы десяти частично опубликованных в книге посланий Мюллера ныне хранятся в фонде Жуковского РНБ. Эта публикация в начале XX в. привлекла внимание А.Н. Веселовского, сообщившего сведения о ней русскому читателю [2]. Впервые к папке с бумагами поэта, бережно собранными Мюллером, обратился Е.В. Петухов, указавший на принципиальную важность этих документов и подробно описавший хронологию и содержание данной части эпистолярного наследия русского романтика [3]. Он опубликовал выдержку программного характера из французского письма Жуковского от 12 мая 1846 г., в котором речь шла об «Арзамасе», а также одно предложение из письма без места и даты, поясняющего организующую роль буффонады и галиматьи для арзамасского братства [Там же. С. 343]. Выборочный русский перевод этих фрагментов включил в свою монографию об А.С. Пушкине и «Арзамасе» М.И. Гиллельсон [4. С. 169], но вы-

рванные из общего контекста эпистолярного диалога фрагменты нисколько не поясняли картину общения Мюллера и Жуковского, в которой, как справедливо указывает Р.Ю. Данилевский, «каждая, даже малосодержательная записка находит свое место и свой смысл» [5. С. 159].

Теодор Адам Генрих Фридрих фон Мюллер (1779–1849) родился в Кунройте. Его отец, а до него дед состояли на службе у семьи Эглоффштейн казначеями. Отношение семьи Эглоффштейн к Мюллерам, которые жили вместе с ними в замке, было патриархальным и очень теплым. Особенно трогательная дружба завязалась между Генриеттой фон Эглоффштейн и матерью Фридриха. Позже Генриетту выдали замуж за кузена, от этого брака родились две дочери – Каролина и Юлия фон Эглоффштейн, также входившие в круг близких друзей Гёте, с которыми Ф. фон Мюллер тесно дружил, уже будучи канцлером при дворе Карла Фридриха и Марии Павловны.

После курса юриспруденции в университете Эрлангена Мюллер в возрасте двадцати двух лет приехал в Веймар и получил должность в Государственной службе города. В 1804 г. он был назначен советником правительства в Веймаре. Когда в октябре 1806 г. Пруссия капитулировала перед французской армией, герцог Карл Август получил Мюллеру провести переговоры с победителем. От таланта Мюллера-дипломата зависела судьба герцогства. После того как в результате переговоров ему удалось добиться независимости герцогства, Карл Август даровал ему дворянский титул и назначил тайным советником. В 1809 г. Мюллер при посредничестве Гёте был принят в масонскую ложу «Амалия» и уже через три года стал государственным канцлером герцогства.

Мюллера ценили не только как одаренного политика и юриста. Высокообразованный и разносторонне одаренный человек, он пользовался благорасположением герцогини-матери Анны Амалии и правившего герцога Карла Августа. В период веймарского классицизма центральной фигурой при дворе был Гёте, который сыграл определяющую роль и в жизни Ф. фон Мюллера. Гёте ввел в его в круг самых близких друзей и ценил независимые суждения канцлера. Результатом их встреч стала самая известная из книг Мюллера «Беседы с Гёте» [«Unterhaltungen mit Goethe»]. В завещании Гёте назначил Мюллера с Эккерманом и Римером хранителями его лите-

ратурного архива; к тому же он поручил Мюллеру издание своих неопубликованных произведений.

Наследие Фридриха фон Мюллера как оратора и литератора заслуживает специального внимания. По свидетельству графини Каролины фон Эглоффштейн, он с детства писал стихи и, судя по архивным материалам, поэзия всегда оставалась его искренним увлечением. Сохранившиеся в архиве Гёте и Шиллера стихотворения выдержаны в основном в духе дружеских посланий, поэтических посвящений, многие до сих пор не изданы.

Практически все опубликованные прозаические сочинения веймарского канцлера относятся к жанру исторических мемуаров, основанных на лично пережитых событиях, как, например, «Воспоминания военных времен 1806–1813» [6]. Современникам Мюллер был известен как прекрасный оратор. Он являлся постоянным участником знаменитых на всю Европу научных и литературных вечеров, организованных Марией Павловной, на которых йенские профессора и веймарские поэты читали лекции, стихи и прозу. При жизни Мюллера вышли в свет отдельными изданиями его речи-некрологи о К. Иммермане «Иммерман в Веймаре» [7] и Ф.Ю. Бертухе «Надгробная речь канцлера фон Мюллера в память о Фридрихе Юстине Бертухе. Издание текста манускрипта 1822 г. для друзей, вновь изданное и снабженное послесловием Фритца Финка» [8], сочинение о веймарском гётеанце, музыкальном и театральном критике, писателе И.Ш. Шютце «Доктор Иоганн Штефан Шютце. Лекция Фридриха фон Мюллера в литературном кружке ее королевского высочества госпожи великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской, великой княгини российской» [9]. В архиве веймарского кружка Марии Павловны сохранилась еще одна неизданная речь канцлера в жанре некролога, произнесенная в память о влиятельном советнике и многолетнем помощнике Марии Павловны Антоне фон Цигезаре (1783–1843) [10].

Конечно, самую широкую известность снискали речи Мюллера о Гёте. Впервые они были собраны В. Бодде в издании «Goethes Persönlichkeit. Drei Reden des Kanzlers Friedrich v. Mueller, gehalten in den Jahren 1830 und 1832. Herausgegeben und eingeleitet von Dr. Wilhelm Bode. Berlin, 1901». Эти произведения канцлера были хорошо известны В.А. Жуковскому. В личной библиотеке поэта сохрани-

лись две речи канцлера, посвященные гению Гёте: «Муза королю» [«Dem Könige die Muse. 28. August 1827»]; «Золотой юбилей Гёте» [«Goethe's goldner Jubeltag»]. Изданные после смерти канцлера его мемуары о военных годах, представляющие собой самую значительную книгу автора, также были известны Жуковскому.

Хвалебные речи, речи по поводу знаменательных событий и памятные речи-некрологи, действительно, удавались Мюллеру. Канцлер бережно собирал, переписывал и хранил у себя все документы, связывавшие его с близкими друзьями и знакомыми. Самый известный проект Мюллера в этом русле – книга воспоминаний о Гёте, над которой автор работал в течение многих лет. Она раскрывает многие грани деятельности поэта, увиденные глазами современника, а также проливает свет на политические воззрения Гёте [11].

И именно Мюллер стал центральной фигурой среди знакомых Жуковского в городе Гёте и главным посредником в его общении с веймарским двором. Их первая встреча состоялась в 1826 г., когда русский поэт проходил курс лечения на водах в Эмсе. Мюллер подарил ему юбилейное издание в честь 50-летия Гёте, на которое Жуковский мечтал попасть вместе с Александром Тургеневым, с дарственной надписью: «Herrn Hofrath von Joukoffskij zu freundlicher Erinnerung von dem Herausgeber, F. Von Mueller. Ems, 1. Aug<ust>. 1826» [Господину надворному советнику Жуковскому на дружескую память от издателя, Ф. фон Мюллер. Эмс, 1 авг<уста> 1826 г.].

Центральной для совместных размышлений о литературе выступает фигура Гёте. Стихотворное поклонение ему Жуковского в отправленном в Веймар четверостишии «К портрету Гёте» (1824), затем знакомство с немецким поэтом и создание одического, восхваляющего произведения «К Гёте» (1827), которое было известно веймарцам в собственном переводе Жуковского под названием «Dem guten großen Manne» (1827) [12. С. 252–256], стали фундаментом для эпистолярного диалога с канцлером, внесшим немалый вклад в создание и поддержание мифа о «немецком гении» и о Веймаре как колыбели немецкой изящной словесности.

При первой встрече в Веймаре в 1827 г. Мюллер записал в альбом Жуковского собственные стихи, навеянные гётевским «Тассо», которые должны были напоминать русскому романтику о городе, где царит дух поэзии Гёте, и о «немногих, но незабвенных часах

светлого, задушевного общения» с канцлером. Благодаря Мюллеру на следующий день Жуковскому представилась возможность прикоснуться к литературной сокровищнице Веймара, рукописям хорошо знакомых ему поэтов, о чем свидетельствует дневниковая запись: «К Миллеру. Бумаги Гердера, Шиллера. Гёте и Якоби. *Lettres autographes*» [13. С. 292].

Во время краткого визита 26 августа 1833 г., первого после смерти Гёте, поэт записал в альбоме канцлера афоризм о сущности человеческой свободы: «*Unsere wahre Freiheit besteht in der Kraft nein zu sagen*» [Наша истинная свобода заключается в способности сказать нет]. Фразу нужно понимать в христианском гуманистическом смысле: быть свободным означает иметь право выбора между добром и злом, бороться с искушением, контекстом для такого категоричного заявления послужил недавно вышедший из печати «Фауст», о котором, судя по дневниковой записи поэта, они с Мюллером беседовали в то утро: «Поутру у канцлера Миллера. О Гётевом “*Faust*»» [Там же. С. 392]. Оригинальное размышление Жуковского о настоящей свободе человеческой души отзовется спустя шестнадцать лет в письме на смерть Мюллера, где он выскажет любимую мысль о мимолетности земной жизни и истинном освобождении после смерти. Однако эти краткие фрагменты дневниковых посвящений не могут дать целостного представления о творческом диалоге двух авторов, его полную картину мы можем представить себе лишь сейчас, изучив всю дошедшую до нас их переписку.

Переписка двух ярчайших личностей эпохи романтизма сконцентрирована в трех архивах – в Санкт-Петербурге (РНБ и ИРЛИ) и Веймаре – и включает 69 посланий. Прочтение рукописей обоих корреспондентов представляет немалую сложность: письма канцлера написаны по большей части на немецком языке готической скорописью, французские тексты Жуковского разобрать легче, но все же они требуют специфических навыков, связанных с расшифровкой, модернизацией орфографии и пунктуации, а также переводом на русский язык.

Кроме этих 69 посланий в архиве ИРЛИ сохранилось также письмо Ф. фон Мюллера к супруге, а в собрании рукописей РНБ – известие о его кончине. Таким образом, говоря о корпусе переписки, мы подразумеваем 35 писем Ф. фон Мюллера (а также письмо сына

канцлера А. фон Мюллера) к Жуковскому и 33 ответных письма русского поэта (одно из них адресовано неустановленному лицу).

Этот корпус текстов представляет собой интересный пример частной дружеской переписки первой половины XIX в., отличающейся от бытового неофициального эпистолярия высоким стилем, ярко выраженной диалогизацией, глубоким психологизмом, полифункциональностью, политематичностью дискурса и полилингвизмом. Вслед за современной гуманитарной наукой под дружеским письмом мы понимаем своего рода гипержанр преимущественно неинформативного характера, в функционально-прагматическом плане имеющий в качестве основной задачи организацию и оформление самого общения. Следует согласиться и с тем, что набор составляющих его жанров будет зависеть от экстралингвистических факторов, однако не только от объективных обстоятельств окружающей реальности, но и от установок и мировидения друзей по переписке. В случае, когда в качестве корреспондентов выступают придворные поэты, литераторы и государственные деятели, их многолетний эпистолярный диалог выступает, с одной стороны, важнейшим историко-биографическим источником, а с другой – является литературным памятником, представляя образы авторов и образцы художественного метода каждого из них. Переписку русского и немецкого романтиков следует рассматривать в первую очередь как литературное наследие, изучение которого значительно дополняет понимание того «художественного образа личности», того «символического единства» [14. С. 169], которое создается в слово- и житнетворчестве автором и его окружением.

Как отмечал А.С. Янушкевич, «именно в письмах, не предназначенных для постороннего глаза или, наоборот, ориентированных на коллективное чтение единомышленников, адресант говорил откровенно о том, что имплицитно присутствовало в его творчестве», и «именно в них обозначаются характерные черты литературного быта» [15. С. 108].

В нашем случае возникает устойчивый в немецком литературном быте образ Жуковского-певца с севера, созданный канцлером фон Мюллером и закрепившийся в кругу веймарских гётеанцев. В первом же письме от 27 апреля 1828 г. читаем: «С самыми заветными чувствами все мы, кто считает себя преданными Вам здесь,

ждали любого известия о Вашем самочувствии от каждого путника с севера, беспрестанно посвящали Вам наши самые искренние добрые пожелания» [16. Л. 1]. Это «амплуа» канцлер впервые присвоил Жуковскому в стихотворении 1824 г., отправленном графине К. фон Эглоффштейн, находившейся в Петербурге и сопровождавшей великую княгиню Марию Павловну во время ее визита на родину, в ответ на присланные строки оригинала и немецкого перевода надписи Жуковского «К портрету Гёте» (1824). Поэтическое приветствие русскому поэту, с которым канцлер был еще не знаком, гласило: «Dem Nord'schen Sanger auch, der goldne Worte // Zu unsers Meisters theurem Bild fand» [А также северному певцу, который отыскал золотые слова // К дорогому портрету нашего учителя] [17. Вл. 18]. О том, что этот образ стал устойчивым в тесном дружеском кругу, свидетельствует письменная рекомендация, данная Каролиной фон Эглоффштейн 5 августа 1826 г. в Эмсе Жуковскому, собиравшемуся посетить после своего первого визита в Веймар семью Ф. Шиллера: «Der edle Charakter der Nordlander ist von allen Seiten anerkannt, und es macht mir daher eine Freude als Vermittlerin zwischen so trefflichen Menschen stehen und Bekanntschaft stiften zu konnen» [18. С. 60] [Благородный характер северян известен всем, и мне радостно выступать посредницей в знакомстве таких прелестных людей]. С годами, по мере развития контактов друзей и изменения статуса Жуковского при дворе, этот устойчивый образ дополняется новыми чертами, связанными с его деятельностью наставника наследника российского престола. 14 октября 1837 г. Мюллер пишет: «Пока я, находясь в спокойном веймарском кругу, жил в основном лишь прошлым и часто с тоской смотрел вдаль, Вы своими большими свершениями сделали богатые посевы для будущего и прошли через неизмеримые пространства в двух частях света, чтобы посвятить будущего правителя в его грядущее назначение» [16. Л. 9 об.].

Организующим началом в переписке являются литература, музыка и живопись, которые красной нитью проходят сквозь все письма Ф. фон Мюллера. Канцлер исполняет роль наставника, рекомендуя Жуковскому новинки немецкой прозы и поэзии романтизма, отправляет собственные сочинения и внимательно следит за творчеством русского стихотворца. Ни одно развернутое письмо не обходится без интертекста произведений художественной словесно-

сти. Таким образом, представляя собой «литературные факты» (Ю.Н. Тынянов), письма Жуковского и Мюллера вбирают в себя литературу как институциональную составляющую и как реальность, альтернативную эмпирической действительности, тем самым реализуя парадигму романтического мировоззрения.

Не менее важное для коммуникативного целого корпуса писем начало, исходящее из общественного положения обоих корреспондентов, связано с жизнью германских и российского монарших домов. В переписке фигурируют имена великих и наследных герцогинь и герцогов княжества Саксен-Веймар-Эйзенахского. Мюллер и Жуковский не только сообщают друг другу о событиях в монарших фамилиях Германии, но и переживают вместе с ними их горести и радости. Одним из последствий близости ко двору и в то же время отличительной чертой эпистолярных контактов Жуковского являются адресованные ему ходатайства, обращенные к русской императорской семье. А.С. Янушкевич определяет этот факт как отличительную черту поведенческого текста Жуковского, отразившуюся в первую очередь в его эпистолярии и реализовавшую культ филантропии и «целенаправленную гуманистическую программу» [15. С. 119]. Канцлера фон Мюллера вполне можно считать единомышленником русского поэта в этом контексте деятельной «всечеловечности, характерной для XIX века» (Н.А. Бердяев). Выражение двух отмеченных организующих общение по переписке лейтмотивов находим в первом же письме канцлера, инициировавшего эпистолярный диалог.

Первое послание канцлера, отправленное спустя более полугода после визита Жуковского, посвящено двум главным коммуникативно-прагматическим задачам: Мюллер отсылает заказанный адресатом том путешествия по Америке веймарского герцога Бернгарда, сообщает о благосклонном отзыве Гёте о послании Жуковского и о литературных трудах немецкого поэта, о визите короля Баварии и его стихотворном посвящении Веймару, а также отправляет свой поэтический ответ королю-поэту, написанный им по поручению Гёте, с просьбой «ознакомиться и откликнуться, будучи снисходительным и благосклонным!» [16. Л. 1 об.]. Речь идет о поэтическом посвящении Мюллера Веймару и Гёте «Wohl ist sie heilig, wie der Dichter lehret» [19. С. 136]. Спустя два года, в 1829 г., в журнале «Соби-

ратель» Жуковский публикует свое четверостишие «То место, где был добрый, свято!», представляющее парафраз этих строк и тот самый отклик, о котором просил канцлер [20. С. 135–146].

В этом же послании Мюллера содержится просьба к Жуковскому ходатайствовать перед русским двором о содержании «пожилой и потерявшей зрение Якоби». Из ответного письма Жуковского следует, что речь идет о Марии Гертруде Бринкман (Marie Gertrude Brinckmann, 1744 г. рождения), свекрови Георга Арнольда Якоби (1768–1845), государственного советника Саксен-Веймарского правительства, сына философа Фридриха Генриха Якоби (Friedrich Heinrich Jacobi; 1743–1819), который, в свою очередь, был младшим братом Иоганна Георга Якоби (1740–1814). Из наследия последнего Жуковский, как известно, перевел в 1815 г. стихотворение «Nach einem alten Liede» [«Подражание старой песне»], получившее известность под заглавием «Песня» («Где фиалка, мой цветок») и положенное на музыку А.Г. Вейраухом. Ф.Г. Якоби-философ был президентом Баварской академии наук, общение с Виландом и Гёте в начале 1770-х гг. оказало на него серьезное влияние и подтолкнуло к полемике с рационализмом Фихте и Шеллинга, его пристальное внимание привлекали христианско-религиозные вопросы. Идеи Якоби-отца, философа-идеалиста, получили непосредственный отклик в переписке с Мюллером, но были известны Жуковскому, вероятно, и до знакомства с ним. В личной библиотеке поэта сохранилось издание пятитомного собрания сочинений Фридриха Генриха Якоби 1812 г. [21. С. 194 (№ 1367)] с многочисленными пометами. Судя по немецким записям на полях первого тома, в который вошли письма философского содержания, книгу читала с карандашом в руках и супруга Жуковского. В этом томе содержится наибольшее количество карандашных записей и отчеркиваний, их содержание связано с основополагающими понятиями для концепции Якоби, как-то: справедливость, любовь и смерть, одиночество и свобода, религия и вера.

Мюллер посылает Жуковскому памятные цитаты из Ф.Г. Якоби и И.В. Гёте, которые имеют программное значение не только для рассматриваемого эпистолярного диалога, но и для понимания образа Жуковского, конструируемого канцлером и запечатлевшегося в кругу веймарских гётеанцев. Выдержка из Якоби станет жизнестро-

ительным кредо Жуковского и получит продолжение в письмах к Мюллеру 1840-х гг. Первая часть памятного послания представляет собой отрывок из «оставленных Фр.Г. Якоби рукописей» («Aus Fr. H. Jacobis nachgelassenen Manuskripten»), посвященный рассуждению о Боге (Gott) и человеческом рассудке / разуме (Verstand / Vernunft):

Kapitel VIII. 34. Um Gott aus der Vernunft darzutun, muss er als etwas die Vernunft bedingendes dargetan werden.

– Wenn die Vernunft ihn bedingt, so ist er nicht.

Ibid. S. 85. Der Instinkt weiset, der Verstand beweiset. Um zu beweisen, muss etwas Früheres da sein, voran gewiesen, womit bewiesen wird. Gott kann deswegen nicht bewiesen werden. Der Beweisgrund wäre über ihm, wäre wahrer als er selbst.

Die Vernunft aber wäre kein Vermögen der Wahrheit, wenn kein Gott wäre. So wird die Vernunft aus und durch Gott, nicht Gott aus der Vernunft und durch sie bewiesen.

So ferner Kapitel VIII. S. 17. VII. 118 [22. Л. 8].

Глава VIII. 34. Чтобы разумом понять Бога, следует понимать Его как нечто, разум обуславливающее.

– Если Бога объясняет разум, то Он перестает существовать.

Там же. С. 85. Инстинкт указывает, рассудок доказывает. Чтобы доказывать, должно существовать что-то явленное ранее, что служит доказательству. По этой причине существование Бога не может быть доказанным. Иначе основание доказательства будет первичным по отношению к Нему, будет более явственным, чем Он сам.

Разум, однако же, не был бы прибежищем истины, если бы не существовало Бога. Таким образом, разум существует от Бога и через Бога, а не Бог от разума и через него.

Так далее. Глава VIII. С. 17. VII. 118.

В одном из отмеченных фрагментов в первом томе собрания сочинений Якоби, сохранившегося в личной библиотеке Жуковского в Томске, речь также идет об абсолютном «чистом разуме» (Vernunft): «Es muss, da überhaupt Vernunft vor handen ist, auch eine reine Vernunft, eine Vollkommenheit des Lebens vorhanden sein. Alle andere Vernunft von dieser nur Erscheinung oder Widerschein» [23. S. 189] [Поскольку существует разум как таковой, должен существовать и чистый разум, некое совершенство жизни. Всякий иной разум перед ним есть лишь кажущееся явление или его отблеск]. Мюллер адресует это посвящение Жуковскому, подразумевая возвышенный ре-

лигиозно-мистический подтекст, который, характерен для мировоззрения русского поэта, как показалось Гёте, порекомендовавшему ему «обратиться к объекту».

К такому выводу позволяет прийти и вторая часть записки, ранее неизвестная, которая содержит, как указывает канцлер, слова Гёте о Жуковском: «Shukowski ist ein so zartes Gemüt, dass man auch nicht auf gewöhnliche Weise ihm Liebe und Achtung beibringen kann. Goethe. Den 6. September 1827» [22. Л. 8] [Жуковский так тонок душой, что невозможно обычным образом выразить любовь и уважение к нему. Гёте. 6 сентября 1827].

Композиция прилагающегося к письму посвящения позволяет заключить, что выдержка из рукописей философа Якоби служит выражением того глубинного чувства интеллектуального и духовного взаимопонимания, которое возникло во время встречи Жуковского и Гёте в Веймаре и нашло отражение в письме Мюллера. Этот документ вполне можно считать ответом на стихотворение Жуковского «К Гёте», полученное адресатом в немецком прозаическом варианте под заглавием «Dem guten, grossen Manne» на следующий день (согласно дате, указанной Мюллером) после того, как Гёте рассказал о впечатлении, которое произвел на него русский поэт. Следует заметить, что в качестве подходящего для такой характеристики Мюллером выбран немецкий религиозно-философский дискурс, в определенной мере предсказывающий мировоззренческие поиски позднего Жуковского [24]. Репрезентативна и дилемма, фигурирующая в выдержках из Якоби и связанная с соотношением Бога и человеческого рассудка / разума. Как известно, многие размышления Жуковского-прозаика будут связаны с вопросами веры, религии, Бога и человека [25, 26].

Жуковскому удалось успешно решить вопрос о восстановлении пенсии для «доброй пожилой» свекрови потомка Якоби, хотя его первое ответное письмо Мюллеру звучало несколько официально: «Полагаю, Вы обвиняете меня в забывчивости и неаккуратности. Если это так, то Вы несправедливы. Мне совершенно невозможно забыть Вас. Вы были так любезны со мной во время моего короткого пребывания в Веймаре, что я не смог бы вычеркнуть Вас из *памяти сердца*. Неаккуратность же, если таковая и была, произошла не по моей вине» [27. Л. 1].

Второе письмо канцлера фон Мюллера, отправленное спустя всего два с небольшим месяца после первого, повторяет сюжетную архитектуру предыдущего. Мюллер просит не оставлять дело Бринкман, ходатайствует о делах веймарской графини Рапп, отправляет свое стихотворение на смерть ее сына и сообщает новости о Гёте, продолжая последовательно конструировать миф о «великом, добром муже». В частности, из письма можно узнать о реакции Гёте на смерть великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского Карла Августа (1757–1828): «Мне было больно, страшно сообщать эти горькие известия Гёте. Глубоко потрясенный, он воскликнул: “Как бы я хотел не переживать этого”. Однако вскоре он мужественно собрался с силами и теперь истово старается сделать все от него возможное, чтобы увековечить память светлейшего герцога» [16. Л. 3 об.].

В третьем письме 1828 г. Мюллер сообщает, что Гёте «поспешил уехать в Дорнбург на Заале, в пяти часах отсюда, в романтический загородный замок великого герцога», где «продолжил опыты в области ботаники и геологии и отстранился от мира» [Там же. Л. 15 об.]. Он высылает Жуковскому копию альбомной записи Гёте, называя его «Фаустом дорнбургской спокойной жизни». Жуковский редко упоминает имя Гёте, исключением является письмо от 20 ноября 1828 г., в котором он просит представить немецкому поэту графа М.Ю. Виельгорского.

После смерти Гёте в эпистолярном диалоге Жуковского и Мюллера 1830-х гг. его имя, или, скорее, миф о веймарском гении, обретает еще более разностороннее воплощение, чем при жизни. В 1837 г. Мюллер высылает Жуковскому текст и мелодию своего «произведения, самого удачного, исполненного на поминувении Гёте в масонской ложе» [Там же. Л. 9]. В данном случае важен масонский претекст послания (Жуковский, предположительно, также был посвящен в члены масонской ложи Веймара), поскольку канцлер сопровождает свои слова следующей цитатой из стихотворения Маттиаса Клаудиуса (1740–1815): «Der Säemann» „der Adler <...> schüttelt vom Flügel den Staub und // Kehret zur Sonne zurück“ [Там же. Л. 15] [«Орёл <...> отряхивает пыль с крыла и // возвращается к солнцу»], которая должна принести «утешение». Сюжет произведения Клаудиуса связан с трагической символикой, в образе орла воплощено бессмертие человеческого духа. Стихотворение было од-

ним из самых популярных масонских гимнов, и его включение в послание Жуковскому не случайно. В личной библиотеке русского поэта издания М. Клаудиуса представлены в виде пяти томов из восьмитомного «Собрания сочинений» немецкого автора, выпущенного в 1790–1812 гг. Указание на принадлежность к масонскому братству придает образам адресатов и образу Гёте новые черты.

В этом же письме 1837 г. канцлер анонсирует новое «Собрание сочинений» Гёте, выделяя в нем произведение, одноименное с последней неоконченной поэмой Жуковского: «Настоятельно рекомендую последнее издание произведений Гёте, 4 тома в четверть листа, с 12 гравюрами от Котты; Вы найдете 103 ранее не опубликованных стихотворения и личные очерки, среди которых несравненный фрагмент “Вечного жида”. Я очень хочу, чтобы это новое и самое красивое издание было распространено в Петербурге» [16. Л. 9 об.]. Вопрос о соотношении сюжета о вечном жиде в интерпретации Гёте и Жуковского, для которого он стал «лебединой песней», еще ожидает своего освещения, но факт непосредственного знакомства с вариацией сюжета в исполнении Гёте мы можем констатировать благодаря материалам переписки с Мюллером. К письму канцлер прикладывает также копию письма Гёте из Рима к почившей герцогине Луизе Саксен-Веймарской «как пример тех несметных сокровищ, что все еще сокрыты в нашем архиве» [Там же. Л. 10]. Копия одного письма сама по себе, конечно, вряд ли может быть бесценным литературным сокровищем, но она значима в системе общих для адресата и адресанта духовных координат, является артефактом, примером общения поэта и монарха, конструирующим биографический миф придворного стихотворца.

Воспоминание о Гёте, посещение памятных мест стало лейтмотивом визита Жуковского 1838 г. и личного общения с канцлером. В дневнике Мюллера находится запись от 8 сентября, передающая эту атмосферу и высказывание русского поэта: «Früh 9 Uhr kam Joukowsky zu mir; viel über Goethe's Religiosität gesprochen. Joukowsky äußerte sich über die Vortrefflichkeit des Christentums und über seine Hauptlehren: Demuth und Liebe. <...> Mit ihm im Goethe Hause. “Der Besuch der Räume großer Autoren hat nichts Tristes, sondern viel Belebendes, da er uns vielmehr ihr geistiges Dasein vergegenwärtigt und als fortdauernd zeigt; dagegen mahnt der Besuch der Monumente und Gräfte

der Fürsten nur an Vergänglichkeit irdischer Macht» [«В 9 часов утра ко мне пришел Жуковский; много говорили о религиозности Гёте. Жуковский высказывался о достоинствах христианства и о его главных законах: смиренности и любви. <...> С ним в доме Гёте. “Посещение домов великих авторов не имеет в себе ничего печального, однако много животворного, так как они воплощают для нас их духовное бытие и представляют его продолжающимся поныне; напротив, посещение памятников и могил правителей привлекает, являя лишь проходящую земной власти”»] [1. S. 337–338].

К анализируемому корпусу переписки примыкают две альбомные записи, оставленные Жуковским во время этого визита, первого после смерти Гёте, в альбоме канцлера фон Мюллера: «цветком на могилу» немецкому поэту стали строки автоперевода «Воспоминания».

<Из альбома Ф. фон Мюллера>

Воспоминание

Von den Geliebten, die für uns die Welt	О милых спутниках, которые наш свет
Durch ihr Mitlieben einst verschönert haben,	Своим сопутствием для нас животворили,
Sprich nicht mit Schmerz: <i>sie sind nicht mehr;</i>	Не говори с тоской: <i>их нет;</i>
Sprich dankerfüllt: <i>sie waren.</i>	Но с благодарностью: <i>были.</i>

Вторая запись в альбоме канцлера в тот же день вновь декларирует монархический контекст жизнотворчества Жуковского и Мюллера, посвятивших многие усилия контактам русского и немецких дворов.

<Из альбома Ф. фон Мюллера>

Gott schütz' den Kayser!	Боже, Царя храни!
Glücklich, beglückend,	Сильный, Державный,
Hersch' Er in mächtiger Glorie!	Царствуй на славу нам,
Hersch' Er, ein Schreck dem Feind,	Царствуй на страх врагам,
Allüberwindend!	
Gott schütz' den Kayser!	Царь Православный;
(Ein Vers aus der russischen Volkshymne von Joukowsky.)	Боже, Царя храни!

Адекватным контекстом для понимания мотивов выбора и стратегии перевода этого немецкого шестистишия Жуковского может

служить история создания гимнов России и Германии. Впервые русский гимн был исполнен 11 декабря 1833 г. в Москве в Большом театре, второе официальное исполнение состоялось 25 декабря 1833 г. и было приурочено к годовщине изгнания французов и празднику Рождества, за ним последовал указ Николая I о введении «Боже, Царя храни!» на музыку А.Ф. Львова в качестве официального гимна России. Это значимое для Жуковского событие государственного масштаба не могло не послужить поводом для выбора текста альбомной записи. Превращение патриотических песен, созданных на основе английского «God Save the King / Queen», в официальные и неофициальные гимны монарших домов Европы второй половины XVIII – первой половины XIX в. было симптоматичным процессом. Так появились норвежский, датский, прусский («Heil dir im Siegerkranz!») и другие монархические гимны. Тем же образом идея была воплощена и в николаевской России: первая и последняя строки текста Жуковского в точности передают рефрен английского гимна. Немецкий самоперевод был призван подчеркнуть созвучие в гимнах европейских монархий в целом и немецких национальных песнях в частности, о чем свидетельствуют переводческие решения автора [12. С. 267–269].

Имя Гёте в 1840-х гг. еще дважды появляется в посланиях Мюллера. В 1842 г., сообщая о кончине своей невестки Жеммы (Жуковский был крестным отцом Карла, внука канцлера), он обращается к интертексту поэзии Гёте, используя цитату из четверостишия, созданного поэтом на смерть своей супруги в 1816 г. для образного описания собственных горестных чувств: «Да, Ваш бедный маленький крестник, прелестное дитя трех с половиной лет, потерял прекрасную, ласковую и заботливую мать, мой сын – самую преданную, ангелоподобную супругу, моя жена и я – самую любимую дочь, надежду и поддержку в нашей старости. Вы, мой дорогой! чувствуете глубже, чем кто-либо, о чем я говорю – Ваши слезы смешаются с нашими. Я должен воскликнуть вслед за Гёте: «Der ganze Gewinn meines Lebens // Ist, ihren Verlust zu beweinen» [«Весь смысл моей жизни // В том, чтобы оплакивать утрату её!»] [16. Л. 35 об.]. 12 августа 1848 г. Мюллер отправляет Жуковскому отсылку к некрологу Гёте, вышедшему к десятилетию со дня его смерти во Франкфурте.

Образ Гёте осеняет дружбу канцлера и русского поэта, выступая неизменным спутником их личных встреч после переезда Жуковского в Германию. Одна из последних описана в сохранившемся среди рукописей Жуковского в ИРЛИ письме канцлера к супруге. Она произошла в октябре 1844 г. во Франкфурте-на-Майне, куда оба приехали на открытие первого в Германии памятника Гёте, представлявшего его во весь рост. Как известно, по случаю прибытия в город этой бронзовой скульптуры работы Л. фон Шванталера был устроен праздник для всех горожан и гостей, а 22 октября 1844 г. состоялось ее торжественное открытие, на которое из всех веймарцев смог приехать только фон Мюллер. Накануне было устроено представление с литературными персонажами Гёте в качестве действующих лиц, а на открытии Мюллер сидел рядом с Жуковским: «Было совсем не холодно. Жуковский и я сидели вместе. Было множество знакомых. Музыка и песни были очень хороши. Праздничную речь произнес славный и остроумный доктор Шписс. Она была красивой, но слишком длинной. Но когда со скоростью молнии соскользнула накрывающая драпировка и выдающаяся фигура, обнаруживающая невероятное сходство, по-настоящему величественно появилась под звуки труб и литавр и под ликование тысяч людей, это был, действительно, неописуемо великий, глубоко трогательный момент! Все невольно обнажили головы, выражая всеобщее величайшее восхищение великолепным памятником» [28. Л. 2, оригинал на нем. яз.].

И если фигура Гёте играет роль скорее как внешний ориентир и коммуникативный повод, то имманентным организующим началом для рассматриваемого диалога как литературного целого выступает память о «милых спутниках», которая становится центральной синестетической единицей эпистолярного дискурса. Воспоминание и поминовение, сохранение памяти об окончивших свой земной путь друзьях обретает различные воплощения: в посылаемых друг другу собственных и чужих поэтических и прозаических некрологах, музыкальных пьесах, альбомных и дневниковых записях, медальонах и портретах, в описании и наделении символическим значением памятных мест, пейзажей и архитектурных памятников. Романтическое моделирование бесконечности жизни за ее горизонтом скреп-

ляет творческую устремленность обоих адресатов в развитии морального дискурса.

За двадцать лет Жуковский и Мюллер вместе навсегда попрощались более чем с десятком близких обоим людей, с монархами и родными, литераторами и друзьями. Большинство писем не обходится без известия о кончине дорогого человека или памятного отклика по подобному поводу. С одной стороны, этот конститутивный сюжет не может рассматриваться только с художественно-эстетической позиции, поскольку связан с действительными экстра-эпистолярными обстоятельствами, но с другой – его зиждательное положение вполне гармонирует с характером романтизма Мюллера и Жуковского, которые намеренно вербализуют и осознают важность увековечивания образа человека после его ухода, понимая его как залог бессмертия в своем житнетворческом сродстве. Прежде всего, эта отрефлексированная обоими направляющая реализуется в осмыслении соответствующего жанра поэтического посвящения или литературно-публицистического некролога в прозе. И если Мюллер окрестил Жуковского «северным певцом», то в письмах Жуковского к 1840-м гг. канцлер получает вполне четкое позиционирование как мастер мемориального жанра, что вполне объяснимо. Так, 18 июня 1828 г. он отправляет русскому поэту свое стихотворение на смерть сына графини Рапп, 10 ноября того же года повторно посылает некролог о великом герцоге «вместе со своей большой памятной речью и описанием масонских траурных церемоний в целом» и сожалеет о смерти К.Х. Бенкендорфа, в 1840 г. умирает автор арабесок о Мюхгаузене К. Иммерман, в память о котором Мюллер выпускает брошюру, в 1846 г. он пишет по такому же поводу об известном веймарском писателе и ученом Л. Шорне. Жуковский же сообщает о трагическом уходе дочери Й. фон Радовица, и это не весь список. Мортальная символика неизменно поддерживается и Жуковским, своего рода некрологи находятся в его посланиях канцлеру, где понятным образом актуализируется религиозно-романтическое миропонимание. Так, 20 ноября 1828 г. он посылает канцлеру через Вильгорского «пьесу, которая выражает чувства относительно кончины нашей обожаемой государыни, доброго ангела России и моей благодетельницы. Переведите и ее; этим Вы соедините колыбель внука с гробом его бабушки» [27. Л. 43]. Осенью 1839 г. говорит о

собственной смерти и подходящих старости занятиях литературой, подчеркивая, что с нею «существование есть самое разумное для преклонных лет; с ним незаметно приближаешься к своему концу и покидаешь жизнь, как гостеприимное пристанище, благодаря Хозяина дома за прием и сердечно принимая Его приглашение в иное жилище, в котором Он будет еще более гостеприимен и любезен». 17/29 августа 1840 г. сообщает о кончине Иммермана следующим образом: «Начну с грустного: Иммермана больше нет. Он умер два дня назад после болезни, длившейся около 9 дней: пагубная нервная лихорадка. Я только что вернулся с его похорон; там я видел, как девяностолетний священник, трясущийся от старости, произносит над его гробом слова Священного Писания: *Erde du bist!* И я бросил две пригоршни земли в могилу Иммермана: одну от своего имени, а другую от имени его друга Мюллера» [Там же. Л. 54].

На смерть Шорна Жуковский пишет утешительное послание его вдове и передает его через Мюллера: «...знаю лишь один способ перенести подобное несчастье – это религия, христианская религия. Насколько я знаю г-жу Шорн, я уверен, что ее душа способна доставить ей это высокое утешение. Религия не предлагает обычного утешения, которое отвлекает от боли и, наконец, заменяет потерянное богатство другим. Она из самой боли делает богатство и средство достичь через нее высокого предназначения: когда видишь Господа у могилы того, кого любишь, видишь Его лицом к лицу и Он протягивает нам руку – это и есть благословление, связанное с болью, когда принимаешь его по-христиански. Мой дорогой, прошу Вас передать от меня г-же Шорн, как я сочувствую ее несчастью: теперь более чем когда-либо я могу его понять и оценить его меру. Мои слова не смогут дать ей облегчения, но ей всегда будет приятно найти еще кого-нибудь, кто скорбит вместе с ней о том, кого она любила» [Там же. Л. 62].

Выражением романтической философии воспоминания становится и совместная работа Жуковского и Мюллера над некрологом А.И. Тургенева в 1846 г. В 1846 г. в «Москвитянине» был опубликован некролог М.П. Погодина, который Жуковский высылает канцлеру вместе с французской статьей на его кончину, опубликованной в газете «Le Semeur» [29]. В соответствующем этому поводу фран-

цузском письме Жуковского читаем: «Землю покинула незапятнанная душа. <...> воспоминания о нем, к которым присоединяются самые знаменательные события моей жизни, останутся общим благом для всей моей семьи. Вы также будете его хранить. <...> Дорогой друг, Ваше перо достойно посвятить несколько строк его памяти, чтобы Германия и Европа, где у него было столько уважаемых друзей, была достойным образом оповещена о его кончине» [27. Л. 73]. Впоследствии он правит и дополняет некролог Мюллера для «Allgemeine Zeitung», авторство которого следует считать совместным. Письма Ал. Тургенева к канцлеру Мюллеру также хранятся в веймарском архиве, пять посланий от 1827–1836 гг. написаны по-французски и по-немецки, и в каждом из них Тургенев справляется или сообщает адресату новости о Жуковском. Последнее из сохранившихся в Веймаре писем Тургенева (от 29 июня 1836 г., из Дрездена) имеет постскрипtum на русском языке в виде знаменитой строки Жуковского: «Для сердца прошедшее вечно!» («Теон и Эсхин») [30]. Союз Мюллера, Жуковского и Тургенева представлял собой пример характерного духовного содружества, воплощенного и в эпистолярной форме, отражающей основные символы романтической высокой и бытовой, словесной и поведенческой культуры.

Канцлер в непростые моменты своей жизни обращается к Жуковскому с просьбой написать некролог на собственный уход, а русский поэт посылает ему в ответ аналогичную просьбу в шутовском тоне, что является знаком самых доверительных отношений и символом дружеского послания. Мюллер – Жуковскому: «Я надеюсь найти лучшее подтверждение Вашего благополучия и уверенность в том, что от меня не потребуется некролог для Вас. Более того, я хотел бы попросить Вас об этом» [16. Л. 51 об.]. Жуковский пишет в ответ: «Заканчивая, предупреждаю Вас, что когда Вы сочините мой некролог и захотите его *переписать* для аугсбургской газеты, возьмите перо лучшее, чем то, которым Вы воспользовались с таким смирением при написании Вашего последнего письма. Возможно, Вы подумали про себя: *он не сможет прочесть его, но он меня поймет*. Вы угадали верно. Тем не менее я прошу Господа отдалить момент, когда Вы будете вынуждены выполнить мою просьбу. Будьте здоровы и сохраните ко мне живому дружбу, которую Вы

сможете так хорошо выразить, когда будете писать мой некролог» [27. Л. 43].

Речь в письмах Жуковского идет и о встрече с канцлером «за гробом». Отвечая на его просьбу рассказать о самых ярких впечатлениях от путешествия по Италии и Англии, в организации которого Мюллер принимал участие как вдохновитель и создатель его маршрута, Жуковский в один ряд ставит свои краткие афористичные характеристики Англии и Италии с развернутым описанием того места, где всем однажды и навсегда предстоит оказаться: «Прежде, чем умереть, подлинно нужно *вновь увидеть Англию, не считаясь со временем*, чтобы иметь более полное представление о самом прекрасном, что есть на земле; и *подольше побыть* в Италии, чтобы подготовиться к Небесам, познав самое Божественное в этом мире. Тогда, естественно, я совершу паломничество в Веймар к моему милейшему Мюллеру, который вдали и вблизи будет дорог мне и будет оставаться таковым до тех пор, пока мы не встретимся там, где нет более ни времени, ни расстояния, там, где не прощаются и не пишут писем» [Там же. Л. 63]. Таким образом, определяющая для всего романтизма тема путешествия также связывается в эпистолярном диалоге с религиозно-эстетическим контекстом.

Религиозно-философское осмысление смерти в духе немецкой духовно-назидательной словесности, импонировавшее Жуковскому, дополняется такого же рода осмыслением жизненного кредо, земного пути и его принципов: залогом верного жизнестроительства Жуковский и Мюллер считают смирение (*Demut*), и к этой мысли они неоднократно приходят в очном и заочном общении. Во время пребывания в Веймаре в 1838 г. Жуковский оставляет в альбоме невестки канцлера слова: «*Demuth ist unser höchstes Ziel*» [«Смирение есть наша наивысшая цель»], что следует из письма Мюллера, где он просит пояснить «эту прекрасную и глубокую мысль» [16. Л. 11 об.]. В ответном послании из Венеции Жуковский после встречи с итальянским романтиком Мандзони, для знакомства с которым он получил рекомендацию от канцлера, пишет: «И со своей стороны (говоря о религии), я имел случай повторить эту мысль, которая родилась в разговоре с Вами в Веймаре и которая, кажется, распространяет столько ясности на наше предназначение в целом. Я обязан ею Вам; необходимо вернуть Вам ее; но я не знаю, возможно

ли мне выразить ее на бумаге с той же ясностью, которая была у меня в момент ее рождения. Однако попробую: «Философы ищут истину позитивную, но никогда ее не найдут; человек не в состоянии ее найти, если бы ее нашли, мир бы закончился; истина есть Бог; для человека Бог непостижим; человеческий разум Его никогда не поймет; рассудок не может обнять Его безмерность, но вера может полностью принять Его. Какова же цель человека, если ему не дано найти истину, истину позитивную, которая все объясняет и делает его хозяином всего? – Цель человека есть истина прогрессивная, если можно так сказать. Он создан Богом для Бога. Он существует, чтобы непрерывно стремиться к этой высшей цели. Никогда, и в целую вечность он не сможет ее достичь, но с каждым шагом он может к ней приближаться. И каждый шаг, приближающий нас к Богу, вносит большую ясность в мысли о Его природе. Чем яснее мы понимаем Бога, тем более наша душа наполняется счастьем. Но что же это за счастье? – Это смирение, то есть забвение себя перед лицом Всевышнего. смирение есть самое великое достижение человека, ибо все, что теряешь, с одной стороны, от знания о самом себе, находишь, с другой, в знании, приобретенном от Бога; и это чувство собственной ничтожности перед лицом Бога есть не что иное, как блаженство души, которая верит, надеется и любит. Что же такое смирение? Вера, любовь и упование, объединенные в одно чувство. Каково же предназначение человека? Вечно расти в этом смирении, которое может возрастать, и его может хватить нам на целую вечность в этом мире и в ином» [27. Л. 63 об.]. В сущности, это рассуждение по своему содержанию вторит посвящению Мюллера, представляющему выдержку из Якоби, снимая его противопоставление Бога и разума.

Наконец, одним из значимых для жизнетекста переписки Жуковского и фон Мюллера является травелог как содержательная жизнестроительная составляющая, которая тематизируется и концептуализируется обоими. И если канцлер пишет исключительно из Веймара, то послания русского поэта имеют гораздо более разнообразную локализацию: Веймар и Царское Село, Петергоф и Дюссельдорф, Швальбах и Венеция соседствуют в письмах от Жуковского. От Мюллера он получает инструкции относительно своего итальянского вояжа и поездок по Германии. В ответ канцлер рассчитывает

на развернутые в словах пейзажи, самым красочным из которых стало послание русского поэта о поездке по Европе летом 1839 г.: «Из Регенсбурга я отправился в Мюнхен, где провел две незабываемые недели, наслаждаясь искусством во всем его благородном величии. Охватившее Мюнхен развитие искусства напоминает времена Медичи. Если даже в нем нет ни той живости, ни итальянского блеска, то его немецкий характер, со своей способностью глубоко мыслить и простыми истинами, придает ему особую привлекательность. Я плохо выражаю свои мысли и не сумею сделать этого лучше, но в Мюнхене я почувствовал себя живым и счастливым под влиянием искусства, наслаждение коим является самой благородной привилегией благородной человеческой природы. Перенесемся из Мюнхена через тирольские Альпы прямо в Милан. Однако я не в первый раз в Милане, но вновь был всем очарован, а картинами Брера – глубоко восхищен» [27. Л. 64].

Спустя менее года после волнений, охвативших Германию в 1848 г., Жуковский прочел подписанное сыном и супругой канцлера официальное известие о кончине Фридриха фон Мюллера. На трагическое событие он отозвался посланием к их общему другу А. фон Мальтицу 13/25 октября 1849 г. Романтический элегизм, лейтмотивы переписки с Мюллером – душа и Бог, смерть и жизнь, земное томление – дополняются в нем темой свободы в духе шопенгауэровского пессимизма, что связано с тяжело переживавшимися обоими авторами событиями конца 1840-х гг., недугами и трудностями семейной жизни: «Стоит ли сожалеть, что он ушел? Нет! ни нам, ни ему. Он страдал, и мы видели, как он страдает. Теперь все кончено; мы знаем, что смерть есть не что иное, как истинная свобода, та невыразимая свобода, которой обладать в здешнем мире нельзя и не нужно и которая является истинным предназначением и высшим благом для человеческой души; свобода, которая дается только смертью, потому что смерть разрушает все преграды, существовавшие между душой и Богом – целью всего ее существования и всего ее томления. Если душа заслужила право обрести это новое общество, то в тот же миг, когда глаза закрываются для земных интересов, она обретает истинную свободу, каким бы противоречивым это ни казалось» [31. S. 150].

Финальный философско-религиозный пассаж, емкая метафора пути как соединения жизни и смерти, детальная картина перехода в иной мир открывают элегический ракурс Жуковского, в котором объект соединяется с субъектом в едином «мы»: «Мы хотим оставаться на этой земле как можно дольше (пусть не имея возможности достичь здесь высшего блага). Если рассматривать жизнь как дорогу, ведущую к храму божественной свободы, то это замечательно, что путь нельзя сократить от нетерпения. Однако нельзя также и бояться стража, который нам однажды отворит врата этого храма. Если только Бог будет так милостив к нам – когда мы приблизимся к этому последнему земному другу – то глаза наши еще будут отчетливо видеть, а уши наши хорошо Его слышать; то мы еще будем обладать достаточной отвагой сердца, чтобы утешительным, нежным голосом сказать будьте здоровы – или скорее до свидания – тем, кого мы должны покинуть» [Ibid.: S. 151].

Этот особенный некролог на смерть канцлера Мюллера, отправленный в письме к Мальтицу, завершает двадцатилетнюю историю дружеской переписки, в которой как неразрывное целое представлены немецкая и русская литература и живопись, музыка и философия, история и религия, высокий французский и немецкий слог.

Взятые в совокупности 69 посланий Мюллера и Жуковского представляют пример воплощения «прогрессивной универсальной поэзии» («progressive Universalpoesie»), их дружеская переписка засвидетельствовала неустанные поиски романтиками той идеальной синтетической формы, которая подошла бы для слияния искусства с жизнью, поэзии – с философией и риторикой. Романтическая поэзия эпистолярного общения В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера по праву «может быть зеркалом всего окружающего мира, отражением эпохи» (Ф. Шлегель).

Н.Е. Никонова

Литература

1. *Schorn A., von.* Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 11. S. 277–287.
2. *Веселовский А.Н.* Из писем канцлера Фридриха фон Мюллера к В.А. Жуковскому // Известия ОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 3. С. 339–342.

3. Петухов Е.В. Письма В.А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Новый сборник статей по славяноведению за 1905 г. СПб., 1905. С. 336–343.
4. Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.
5. Данилевский Р.Ю. Россия веймарского архива // Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. Л., 1985. С. 145–182.
6. Müller F. Erinnerungen aus den Kriegzeiten von 1806–1813. Braunschweig, 1851.
7. Immermann in Weimar. Weimar. ohne. D.
8. Grabrede des Kanzlers von Mueller auf Friedrich Justin Bertuch. Im Wortlaut des 1822 für Freunde gedruckten Manuscriptes neu herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Fritz Fink. Weimar, 1929. 14 S.
9. Mueller F. von. Dr. Johann Stephan Schuetze. Eine Vorlesung im literarischen Abendkreise Ihre Kaiserl. Hoheit der Frau Großherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Großfürstin von Russland // Weimar's Album zur vierten Säcularfeier der Buchdruckerkunst am 24. Juni 1840. Weimar, 1840. S. 233–255.
10. Mueller F. von. Zum Andenken Anton's Freiherrn von Ziegesar, gesprochen in der Loge am 6. Dezember 1844 in Weimar im literarischen Abend am 28. Januar 1845 // ThHSAW, Großherzogliches Hausarchiv, A XXV, № 461. Vortragsmanuskripte zu den wissenschaftlichen und literarischen Abenden (im Nachlass der Großherzogin Maria Pawlowna von Sachsen-Weimar-Eisenach). Bl. 436–447.
11. Mueller F. von. Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Mueller. Stuttgart, 1870.
12. Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского / Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij / Ковалев П.А., Дубовенко К.И., Вишнякова Е.А.; гл. ред. Н.Е. Никонова. Томск, 2018.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2004. Т. 13.
14. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
15. Янушкевич А.С. Эпистолярный В.А. Жуковский как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 2 (18). С. 106–119.
16. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214.
17. GSA 13/170, 1. Bestand Egloffstein Karoline Grafyn v. Egloffstein. Eingegangene Briefe. Mueller. F. v. 1816–1827. Bl. 18.
18. Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.
19. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918.
20. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья. Томск, 2012.
21. Библиотека В.А. Жуковского: описание / сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981.

22. *РО ИРЛИ*. № 28167.
23. *F.H. Jacobis Werke*. Leipzig, 1812. Bd. 1.
24. Никонова Н.Е., Дубовенко К.И. Немецкая духовно-назидательная литература как система координат позднего В.А. Жуковского: неизвестные автографы поэта в изданиях книги «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 28–35.
25. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
26. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2019.
27. *GSA* 68/444.
28. *РО ИРЛИ*. № 27750.
29. *Necrologie: Alexandre de Tourgueneff // Le Semeur, Journal Philosophique et Littéraire*. 14 Janvier 1846. T. 15, № 2. P. 43–45.
30. *GSA* 68/475a.
31. *Schorn A. von*. Das nachklassische Weimar unter der Regierungszeit Karl Friedrichs und Maria Pawlownas. Weimar, 1911.

ПИСЬМА

1

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
15/27 апреля 1828 г. Веймар

Weimar, den 27. April 1828

Wie gerne benutze ich den Anlass, Ihnen hochverehrter Freund! unsers Herzogs Bernhard¹ Liste durch Herrn Hofmarschall von Bielk² zu übersenden, auf die Sie hier pränummerierten³, um zugleich auch selbst Ihrem werten rettenden Andenken zurückzurufen! Sehulichst haben wir alle, die wir uns hier zu den Ihrigen rechnen, bei jedem Wanderer aus Norden nach Kunde von Ihrem Ergehen geforscht, treulichste Wünsche Ihnen fortwährend gewidmet. Wie gerne hätten wir die Berliner um einige der vielen Tage, die Sie dort noch weilten, betrogen!⁴ Und die Hoffnung, dass Sie uns Ihr herrliches Moskauisches Ostergedicht⁵ von da nachsenden würden, – war vergeblich. Desto angelegentlicher bitte ich noch jetzt darum; zu tief in der Seele blieb mir der Eindruck dessen, was Sie mir fragmentarisch daraus erzählten, als dass ich nicht lüstern nach dem Gedicht selbst sein sollte.

Ihre köstlichen, salbungsvollen Abschiedsworte⁶ an Goethe haben ihn hoch erfreut, ja erbaut. Oft gedenkt er Ihrer mit treuer Neigung und Achtung, forscht oft bei mir nach Kunde von Ihnen und beklagt gleich mir, deren zu entbehren. Geist und Gesundheit sind ihm stoisch geblieben, in wenig Tagen wird die 3. Lieferung⁷ seiner Werke erscheinen und darin viel Neues. Am zweiten Teil des Faust, der sich in 5 Abteilungen spaltet, wovon Helena⁸ als die dritte anzusehen ist, arbeitet er fortwährend.

Von des Königs von Bayern Besuch bei ihm am 28. August, von dem poetischen „Nachruf an Weimar“⁹ dieses Königlichen Sängers, den er nur wenige Tage später aus Brückenau zusandte, werden Sie auch in Berlin gehört und gelesen haben.

Goethe wünschte, dass ich, gleichsam in seinem und Weimars Namen, darauf antworten möge und so entstand das anliegende Gedicht¹⁰, das aus dem eben unter der Presse befindlichen neusten Hefte von „Kunst und Altertum“¹¹ besonders abgedruckt worden.

Mögen Sie es freundlich aufnehmen, nachsichtig und wohlwollend beurteilen!

Ohne Zweifel darf ich es *Ihrer* kräftigen und gütigen Verwendung zuschreiben, dass Jacobis¹² zu Düsseldorf alte, blinde Schwiegermutter vor einiger Zeit abschriftlich beigeschlossenes Schreiben des Fürsten Wolkonski¹³ erhielt, durch welches sie in den Genuss der ihr seit 1806 entgangenen Pension von 300 Dukaten wieder eingesetzt ist. Aber leider! nur vom 1. Dezember nächsten Jahres an, die bedeutenden Rückstände sind übergangen. Für die gute alte Frau, die wohl nur noch wenige Lebensstage zu hoffen hat, da sie hoch in den Achtzigern steht, sind diese Rückstände aber gerade von höchster Wichtigkeit.

Sollte die Gerechtigkeit und Großmut des Kaisers ihr diese nicht noch gewähren wollen, oder wenigstens einen Teil davon? Ich wage es, in dankbarem Vertrauen auf Ihre Güte u<nd> Nachsicht, zwei Schreiben der Witwe an Seine Kaiserliche Majestät u<nd> an den Fürsten Wolkonski anzuschließen und gehorsamst zu bitten, dass sie solche, nach genauerer Einsicht, mit einem beliebigen Petschaft siegeln und übergeben möchten. Sie werden ermessen, ob es besser sei, beide dem Fürsten Wolkonski zu übergeben oder jedes einzeln. Sie erzeigen durch Ihre Verwendung einer sehr würdigen Familie eine große Wohltat, mir selbst auch verschaffen Sie große Beruhigung. Zu Erhebung der laufenden Pension ist Herr Dispaeken von Herder¹⁴ zu Petersburg beauftragt. Verzeihung für die Plage, die ich Ihnen mache und innigsten Dank im Voraus! Goethe, Gräfin Egloffstein¹⁵ – der es viel, viel besser geht, und Fräulein Schloessel¹⁶ tragen mir herzlichste Grüße auf.

Meine Seele findet sich erfrischt, so oft ich Ihres Hierseins gedenke! Innigste Wünsche eilen zu Ihnen hin! Unwandelbar mit treuester Verehrung u<nd>Freundschaft

der Ihrigste v. Müller

Was hören Sie von Tourgenieff? Ist er noch in Italien?¹⁷

Перевод:

Веймар, 27 апреля 1828 г.

С большим удовольствием, глубокочтимый друг, пользуясь случаем, я отправляю Вам от нашего герцога Бернхарда¹ через гофмаршала фон Билька² опись, которую Вы составили ранее³, и тем

самым обращаюсь к своим дорогим, спасительным воспоминаниям о Вас! С самыми заветными чувствами все мы, кто считает себя преданными Вам здесь, ждали любого известия о Вашем самочувствии от каждого путника с севера, беспрестанно посвящали Вам наши самые искренние добрые пожелания. С каким удовольствием мы взяли бы у берлинцев хотя бы несколько из тех дней, которые Вы провели у них!⁴ однако и надежда на то, что оттуда Вы отправите нам свое славное московское пасхальное стихотворение⁵, оказалась напрасной. Тем настоятельнее я прошу об этом сейчас; слишком глубоко в моей душе осталось впечатление от того, что Вы мне из него читали, что я не могу не пожелать этого стихотворения.

Ваши превосходные, полные восхищения прощальные слова⁶ к Гёте очень обрадовали его и принесли утешение. Часто он с искренней любовью и уважением вспоминает о Вас, часто спрашивает у меня, есть ли известия о Вас, и непрестанно сетует, если у меня их нет. Дух и здоровье его по-прежнему стоические, через несколько дней появится третье издание его произведений⁷, а значит, и много нового. Он неустанно трудится над второй частью «Фауста», которая делится на 5 глав, и «Елена»⁸ станет третьей.

Вы услышите и прочтете в Берлине о визите к нему 28 августа короля Баварии, этого монаршего поэта, а также и о его стихотворном «Воззвании к Веймару»⁹, которое он прислал из Брюкенау всего несколько дней спустя.

Гёте пожелал, чтобы я ответил на него от его лица и в то же время от имени Веймара, и так появилось приложенное стихотворение¹⁰, которое специально скопировано с находящегося в текущую минуту под прессом экземпляра «Искусства и древностей»¹¹, что выйдет как раз сегодня.

Не пожелаете ли Вы с ним ознакомиться и откликнуться, будучи снисходительным и благосклонным!

Без сомнения, благодаря *Вашему* неустанному и добросердечному заступничеству пожилая, потерявшая зрение свекровь уважаемого Якоби¹² в Дюссельдорфе некоторое время назад получила подписанное князем Волконским¹³ письмо, согласно которому восстановлена выплата пенсии в размере 300 дукатов, которые она недополучала с 1806 года. Но, к сожалению, только с 1 декабря следующего года, и значительные для нее потери сохраняются. Для доброй

пожилой дамы, которая может надеяться лишь только еще на немногие дни жизни, поскольку ей за восемьдесят, эти нехватки имеют огромное значение.

Не пожелает ли справедливая воля и великодушие императора восполнить их ей, или хотя бы часть из них? Смею с благодарностью и уверенностью в Вашей доброте и снисходительности присоединиться к двум письмам от вдовы к его императорскому величеству и к князю Волковскому и смиренно просить о том, чтобы после внимательного ознакомления они были заверены любой печатью и переданы. Вы решите сами, будет ли лучше передать их князю Волконскому оба или каждое в отдельности. Вашим покровительством в отношении этой уважаемой семьи Вы совершите большое благодеяние, мне же оно принесет настоящее успокоение. По делам о назначении пенсий уполномоченным является фон Гердер¹⁴ в Петербурге. Извините за беспокойство, которое я Вам доставляю, и сердечное спасибо заранее! Гёте, графиня Эглоффштейн¹⁵, дела которой намного, намного лучше, а также фройляйн Шлёссель¹⁶ просили меня передать Вам их сердечные приветы.

Моя душа оживает каждый раз, как только я вспоминаю Ваше пребывание здесь! Спешу отправить Вам свои самые искренние пожелания! Неизменно, с самым верным почтением и дружбой

Ваш ф. Мюллер

Что слышно от Тургенева? Он еще в Италии?¹⁷

2

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
13/25 мая 1828 г. <Санкт-Петербург>

Monsieur,

Je crois que vous m'accusez d'oubli et d'inexactitude. Si cela est, vous êtes injuste. Il me serait impossible de vous oublier, vous avez été trop aimable pour moi pendant mon court séjour à Weimar pour pouvoir jamais être effacé de la *mémoire du cœur*. Quant à l'inexactitude ce n'est pas ma faute si je l'ai été; la supplique que vous m'avez confié a été *présentée* d'abord après mon arrivée à Petersbourg; L'Empereur a

accordé à Mme Brinkmann¹ de nouveau sa pension de 300 roubles qui lui sera payée à dater du 4/16 décembre 1827. Mais ce n'est qu'au moment du départ de l'Empereur² que le prince Wolchonsky m'a informé de ce résultat. Il n'est pas tout à fait satisfaisant. J'aurais désiré qu'on payât à Mme Brinkmann toutes les années qui ont été perdues pour elle. Peut-être pourra-t-on encore, après le retour de L'Empereur, parvenir à ce but. S'il y avait quelque possibilité, je ne manquerais pas à faire ce qui dépendra de moi. Il me paraît que Mme Brinkmann fera bien d'attendre la fin de l'année 1828 pour avoir le paiement de *la somme entière*. Dans ce cas il faudra envoyer son certificat de vie signé par notre ministre³ avec une lettre de créance pour recevoir ici son argent. *Elle le reçoit du Cabinet de Sa Majesté* ce qui doit être signifié dans la lettre de créance.

Veillez bien, monsieur, me communiquer vos dispositions par rapport à cette affaire.

Je vous prie de présenter l'expression de mon profond respect à Monsieur de Goethe: le souvenir de ses bontés pour moi vivra éternellement dans mon cœur. Rappelez-moi je vous prie au souvenir des chères Comtesses d'Egloffstein. Demain ou après-demain arrive la Grande Duchesse Marie⁴: mais cette joie est pour moi attristée par l'idée que l'aimable comtesse Caroline⁵ ne vient pas avec elle. Tout cela fait que je suis décidé de revenir un jour à Weimar.

Je vous salue de tout mon cœur. Conservez-moi votre précieux souvenir. Je suis avec la plus sincère estime, Monsieur, Votre très humble serviteur

Joukoffsky

13/25 mai 1828.

Перевод:

Сударь!

Полагаю, Вы обвиняете меня в забывчивости и неаккуратности. Если это так, то Вы несправедливы. Мне совершенно невозможно забыть Вас. Вы были так любезны со мной во время моего короткого пребывания в Веймаре, что я не смог бы вычеркнуть Вас из *памяти сердца*. Неаккуратность же, если таковая и была, произошла не по моей вине; прошение, которое Вы мне доверили, было *подано*

сразу после моего прибытия в Петербург: император вновь предоставил госпоже Бринкман¹ содержание в 300 рублей, которое будет ей выплачиваться с 4/16 декабря 1827 года. Но князь Волконский уведомил меня об этом только в самый момент отъезда императора². Такой исход не совсем удовлетворителен. Я бы хотел, чтобы госпоже Бринкман оплатили всё потерянное для нее за годы. Возможно, мы сможем добиться этого после возвращения императора. Я незамедлительно сделаю всё от меня зависящее, как только представится возможность. Думается, что госпоже Бринкман следует подождать окончания 1828 года для получения *всей суммы*. В этом случае необходимо будет отправить ее удостоверение о нахождении в живых, подписанное нашим министром³, и доверенность, чтобы получить деньги здесь. *Она получит их в канцелярии его величества*, и это должно быть указано в доверенности.

Соблаговолите сообщить мне о своих намерениях относительно этого дела.

Прошу передать Гёте мое глубокое почтение: воспоминания о его доброте будут вечно жить в моем сердце. Кланяйтесь от меня дорогим графиням Эглоффштейн. Завтра или послезавтра прибывает великая княгиня Мария⁴: но эта радость омрачается при мысли, что графиня Каролина⁵ не едет с ней. Всё это заставило меня решиться на возвращение в Веймар.

Кланяюсь Вам от всего сердца. Сохраните воспоминание обо мне. С самым искренним почтением Ваш покорнейший слуга

Жуковский

13/25 мая 1828.

3

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

6/18 июня 1828 г. Висбаден

Wiesbaden, den 18. Juni 28

Wie lebhaft erfreut hat mich Ihre Zuschrift, Verehrter Freund! Und wie lieb war es mir, dass wenig Tage darauf Ihnen der Beweis zukommen musste, dass ich Ihre ungemeine Güte in der Jacobischen Angelegenheit aufs Dankbarste erkenne. Ich wiederhole jetzt den Ausdruck dieses Ge-

suchs; Ihre Fürsorge wird ferner walten und fürderhin, zur rechten Zeit, das übersandte neue Mémoire übergeben; denn dass jetzt, in Abwesenheit Ihres glorreichen, erhabenen Kaisers kein Moment dazu ist, begreife ich gar wohl.

Da der Auftrag und die Vollmacht zu Bezahlung der *laufenden* Pension, das heißt vom 1. Dezember an, schon, vor Empfehlung Ihres Schreibens, an Herrn von Herder abgegangen war, so konnte ich Ihren freundlichen Wink wegen Legalisierung der Urkunde durch den kaiserlichen Minister in Berlin nicht mehr benutzen. Vielleicht ist die Kaiserliche Kabinettskasse nicht allzu streng hinsichtlich dieser Frau, was ich sehr wünschen möchte. Es sollte mich für die gute, alte Jacobi unendlich freuen, wenn die Gewißigkeit und Großmut Seiner Majestät, ihr die Rückstände noch verwilligte!

Was soll ich Ihnen von dem namenlosen Schmerz sagen, den uns allen der schnelle Tod unseres geliebten Souverains gebracht hat?¹ Sie haben ähnliches selbst empfunden, ja Ihnen klingt die Seite, die ich berühre von selbst an!

Mir ward der bittere, furchtbare Auftrag, die Schmerzenskunde Goethen zu hinterbringen. Tief erschüttert rief er aus: „Das hätte ich nicht erleben sollen“.

Doch männlich fasste Er sich bald und bestrebt nun eifrigst, alles beizutragen, das Andenken des verklärten Fürsten zu verherrlichen.

Möge der Himmel nur unsern geliebten neuen Landes Herrn² und seine erhabene Gemahlin königliche Hoheit, denen unsre Herzen so treu als warm ent<ge>gen schlagen, glücklich und bald zu uns zurückführen!

Hofmaler Stieler³ von München, eigens vom König von Bayern abgesendet, hat uns kürzlich ein unvergleichlich schönes u<nd> treues Bild von Goethe geschaffen, von dem ich Ihnen bald möglichst einen Stein-Abdruck senden werde. Einstweilen füge ich noch einige Abdrücke von dem verehrten Capo d'Istria⁴ bei.

Auch eine kleine Dichtung von mir⁵, durch einen höchst tragischen Fall veranlasst. Die liebenswürdige Gräfin Rapp, Schwester unserer Frau von Spiegel verlor nämlich hier ihren einzigen, hoffnungsvollen Sohn am Nervenfieber.

Dieselbe hat einen höchst wichtigen Prozess in Russisch Polen, wo man ihr die Wiederbezahlung einer der Gräfin Rzewska⁶ geliehenen Summe von über 100, wahrlich erschwert. Kaiser Alexander interessierte

sich lebhaft dafür, da er die Gräfin Rapp persönlich kannte und schätzte. Jetzt hängt alles von dem Beschluss Ihres Justizministers, Prinz Dolgoruki⁷ ab. Ihm hat unsre Frau Großfürstin Maria die Sache empfohlen und ihm ein Mémoire der Gräfin Rapp zugestellt. Aber es käme sehr darauf an, diesen Minister *freundlich* an die Sache zu *erinnern*. Ach, wenn Sie, teurer Mann! diese Güte haben wollten, wie unendlich würden Sie mich und die arme unglückliche Gräfin Rapp verpflichten! Ihr Herz verzeihe nur diese neue Bitte. Tausend Schönes soll ich Ihnen von Goethe und den Schwestern Egloffstein sagen, und Schönes nicht nur – auch recht *Herzliches*. Welche herrliche Perspektive eröffnet der Schluss Ihres Briefes uns, Sie hier wieder zu sehen! Mit ganzer Seele für ewig der Ihrigste

v. Müller

Nicht wahr, das Gedicht vom Ostermorgen in Moskau² senden Sie mir doch gewiß? Ich sehne mich gar sehr danach.

Перевод:

Висбаден, 18 июня 28

Как живо обрадовало меня Ваше послание, почтенный друг! И как приятно мне было оттого, что несколько дней спустя Вам должны были доставить доказательство моей признательности и глубочайшей благодарности за Ваше безгранично добросердечное участие в деле Якоби. Теперь я вновь повторяю эту просьбу; Ваше попечительство должно продолжиться и далее и заключаться в том, чтобы в должное время передать пересылаемые новые документы; я прекрасно понимаю, что сейчас, в отсутствие Вашего славного, великого императора, не самый подходящий момент для этого.

Поскольку распоряжение и разрешение на выплату *текущей* пенсии с 1 декабря, безусловно, было доставлено господину фон Гердеру прежде Вашего письма с рекомендацией, то я не могу более использовать Ваш дружеский совет по оформлению документа с помощью императорского министра в Берлине. Вероятнее всего, кабинет императора не сможет отнестись к этому делу так, как я бы того желал.

Я был бы безмерно рад за старую добрую Якоби, если бы воля и щедрость его величества соблаговолили восполнить ей невыплаченный остаток!

Как я могу рассказать Вам о невыразимой боли, которую принесла нам всем скоропостижная смерть нашего любимого государя?¹ Вы испытывали подобное, так что в Вашем сердце отзовется то, с чем теперь столкнулся и сам я!

Мне было больно, страшно сообщать эти горькие известия Гёте. Глубоко потрясенный, он воскликнул: «Как бы я хотел не переживать этого».

Однако вскоре он мужественно собрался с силами и теперь истово старается сделать все от него возможное, чтобы увековечить память светлейшего герцога.

Пусть небеса счастливым образом и в скором времени приведут обратно нашего любимого нового монарха² и его высокочтимую супругу, ее королевское высочество, навстречу которым наши сердца отзываются верностью и теплотой!

Придворный художник Штилер³ из Мюнхена, присланный королем Баварии, недавно окончил несравненный по красоте и достоверности портрет Гёте, его гравюру я отправлю Вам вскоре. Пока же я прилагаю несколько копий изображений достопочтенного Капо д'Истрия⁴.

Также прикладываю свое короткое стихотворение⁵, написанное по крайне трагическому поводу. Милостивая графиня Рапп, сестра нашей госпожи фон Шпигель, как раз потеряла своего единственного, подававшего большие надежды сына, умершего от тифа.

У нее идет важный процесс в Российской Польше, где существенно усложнилось возмещение одной из одолженных графиней Ржевской⁶ сумм, превышающей 100 <тысяч>. Император Александр живо интересовался этим, поскольку лично знал и ценил графиню Рапп. Теперь все зависит от решения вашего министра юстиции, князя Долгорукого⁷. Великая герцогиня Мария отправила ему рекомендации и документы графини Рапп. Но хорошо бы *любезно напомнить* министру об этом. Ах, если бы Вы, мой дорогой человек, оказали эту милость, Вы бы безгранично обязали меня и бедную, несчастную графиню Рапп. Да простит Ваше сердце эту новую просьбу. Тысячу наилучших пожеланий я передаю Вам от имени

Гёте и сестер Эглоффштейн, и не только наилучших, но и самых *сердечных*. Какая великолепная перспектива открывается нам в завершении Вашего письма – снова увидеть Вас здесь!

Всей душой всегда преданный Вам

ф. Мюллер

Не правда ли, Вы непременно отправите мне стихотворение о пасхальном утре в Москве?⁸ Я, действительно, очень жду его.

4

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
30 октября / 10 ноября 1828 г. Веймар

Weimar, den 10. November 1828

Ich benutze die traurigste aller Courier-Veranlassungen Ihnen, hochverehrter Freund! ein Lebenszeichen zu geben. Ihnen meinen, Goethe's und der edlen Gräfin Egloffstein herzlichsten Gruß zuzurufen.

Seit diesem Sommer – was haben wir wieder erlebt! Welche Wechselstätte eines blutigen, gefährvollen Krieges, welche Verluste einzelner, teu'rer Menschen! Constantin Benkendorf, mein Jugendfreund, hat mich tief geschmerzt¹.

An dem Tode unseres herrlichen Großherzogs haben *Sie* gewiss noch innigen Anteil genommen. Und nun das unerwartet-plötzliche Ableben der hochverehrten Kaiserin-Mutter² – welcher furchtbare Schlag für so viele, für unsere Großherzogin Maria am meisten!

Kaum hatte die frohe Kunde von Varna's Fall³ sie für so lange Sorgen belohnt und erfreut! Mitten im tiefsten Schmerz scheint die vortreffliche Fürstin jedoch ihren unersetzlichen Verlust mit mehr Ergebung und Fassung zu tragen, als früher den ihres Kaiserlichen Bruders⁴, so dass man, zurzeit wenigstens, für ihre Gesundheit ohne Sorge sein darf.

Außer ihrer Familie hat sie noch Niemanden gesehen. Welcher Kontrast gegen die wenige Tage vorher ihr gewordene Freude über die Verlobung der liebenswürdigen Prinzessin Auguste mit einem gleich ausgezeichneten edlen Prinzen!⁵ Goethe flüchtete nach dem Tode seines fürstlichen Freundes nach Dornburg, 5 Stunden von hier an der Saale, einem romantischen Lustschlosse des Hochseeligen Großherzogs.

Dort erkräftigte er sich im erneuten Studium der Botanik und Geologie und blieb der Welt – doch nicht dem Besuche näherer Freunde – abgeschlossen, bis Mitte September. Zwölf köstliche Briefe von ihm empfang ich in dieser Zeit, köstliche Denkmale eines hohen, mit dem Schmerze kämpfenden – und ihn durch frische Tätigkeit überwindende Gemütes. Ein Stammbuchblatt, was er vor kurzem einem Freunde sendete, lege ich bei. Wir dürfen nächstes Jahr eine Fortsetzung seiner Metamorphose der Pflanzen⁶, als Frucht des Dornburger Stilllebens, erwarten. Er grüßte Sie auf das *allerherzlichste*.

Herzog Bernhards Reise⁷ haben Sie doch erhalten? Wie hat sie Ihnen zugesagt? Ich habe diesen geistvollen Prinzen im September zu Gent besucht und mehrere Wochen zu Amsterdam und Düsseldorf verweilt. Meine Denkschrift auf den Großherzog glaube ich Ihnen schon gesendet zu haben; für den gegenteiligen Fall lege ich sie noch bei, samt meiner großen Gedächtnisrede und der Schilderung unserer Maurerischen Trauerfeierlichkeiten überhaupt⁸. Möchten Sie die Güte haben, das zweite Exemplar jenes Vortrags dem General Klinger⁹ unter meiner und der Gräfin Egloffstein angelegentlichster Empfehlung zu geben? Ach, wie schmerzlich wird der würdige Greis den Tod seiner Kaiserlichen Gönnerin empfinden! Mein Anliegen wegen der Witwe *Brinkmann* erlaube ich mir wiederholt *Ihnen ans Herz* zu legen. Während Anwesenheit Ihres glorreichen Kaisers wird ja wohl, wenn auch nicht gleich jetzt – ein Moment erscheinen, in welchem Fürst Wolkonski die diesen Sommer übermachten anderweiten Supplikationen Seiner Majestät vorlegen könnte. Die Bitte ist so gerecht! Sie würden mich unsäglich durch Ihre wohlwollende Verwendung verpflichten. Und das Moskauer-Ostertags Gedicht¹⁰ – soll ich mich denn seiner nie erfreuen dürfen??

Goethe hat soeben von Weichmann¹¹ in Berlin die herrliche Büste Ihrer gnädigsten Kaiserin bekommen und erquickt sich daran unaussprechlich. Werden Sie mir verzeihen, wenn ich um gelegentliche Beförderung der Anlage an Herrn von Herder bitte? Ich wage nicht, sie dem Courier ohne weiteres mitzugeben. Mit den treuesten Wünschen für Ihr Wohl und mit innigster Hochachtung und Ergebenheit immerdar

der Ihrige v. Müller

Перевод:

Веймар, 10 ноября 1828

Пользуюсь самой трагической из всех возможных причин, чтобы передать Вам, досточтимый друг, весточку о себе и сердечный привет от меня, Гёте и от дорогой графини Эглоффштейн.

После минувшего лета – что же мы вновь пережили! Такие перипетии кровавой, опасной битвы, такую потерю дорогих людей! Константин Бенкендорф, друг моей юности, глубоко огорчил меня своим уходом¹.

Известие о кончине нашего светлого великого герцога Вы, конечно, уже приняли с сочувствием. А теперь вот неожиданная внезапная смерть глубокочтимой императрицы-матери² – какой ужасный удар для многих, и более всего – для нашей великой герцогини Марии!

Едва ли радостная весть о взятии Варны³ смогла доставить ей радость и удовлетворение, несмотря на долгие хлопоты! Однако в самой глубокой боли прекрасная герцогиня переносит невосполнимую потерю с большим смирением и самообладанием, чем прежнюю потерю своего монаршего брата⁴, так что, по крайней мере сейчас, мы можем не беспокоиться о ее здоровье.

Она еще не виделась ни с кем, кроме своей семьи. Какой контраст с радостью, что она испытала несколько дней тому назад, узнав о помолвке досточтимой принцессы Августы с достойным ее досточтимым принцем!⁵ После смерти своего друга и герцога Гёте поспешил уехать в Дорнбург на Заале, в пяти часах отсюда, в романтический загородный замок дорогого великого герцога.

Там он нашел силы для возобновления своих опытов в области ботаники и геологии и отстранился от мира – но не от визитов ближайших членов семьи – до середины сентября. За это время я получил от него двенадцать восхитительных писем, восхитительных памятников высокой души, борющейся с болью – и преодолевающей ее новой деятельностью. Листок из альбома, который он недавно отправил одному из своих друзей, прикладываю к письму. В следующем году можно ожидать от него продолжения «Метаморфоз растений»⁶, как от Фауста дорнбургской спокойной жизни. Он передает Вам *сердечный привет*.

Вы получили «Путешествие» герцога Бернхарда?⁷ Как оно Вам? Я посетил замечательного герцога в Генте в сентябре и провел несколько недель в Амстердаме и Дюссельдорфе. Я, верно, уже отправлял Вам свои записки о великом герцоге; на всякий случай высылаю их еще раз, вместе со своей большой памятной речью и описанием наших масонских траурных церемоний в целом⁸. Не будете ли Вы так любезны и не передадите ли второй экземпляр этой речи генералу Клингеру⁹ с самым настоятельным поклоном от меня и графини Эглоффштейн? Ах, с какой болью воспримет почтенный старец кончину своей монаршей покровительницы! Свою просьбу относительно вдовы *Бринкман* я позволю себе повторно направить к *Вашему сердцу*. С прибытием вашего славного императора обязательно придет момент, хотя и не теперь, когда князь Волконский сможет представить его величеству наши прошения, поступившие к нему этим летом. Просьба эта так справедлива! Я буду перед Вами в несказанном долгу за Ваше доброжелательное заступничество. И московское пасхальное стихотворение¹⁰ – могу ли я надеяться когда-либо на то, что Вы порадуете меня им?

Гёте только что получил от Вейхмана¹¹ из Берлина великолепный бюст вашей милостивой императрицы и невероятно воодушевлен этим. Вы простите меня, если я попрошу время от времени доставлять приложенные к письму документы господину фон Гердеру? Я не смею отдать их курьеру. С самыми искренними пожеланиями благополучия и с глубочайшим почтением и преданностью всегда

Ваш ф. Мюллер

5

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

20 ноября / 2 декабря 1828 г. <Санкт-Петербург>

Je vous recommande, mon cher Chancelier, le porteur de cette lettre, le comte Wielhorsky¹. Il m'a prié de l'adresser à Weimar à quelqu'un qui pût lui rendre bien agréable le séjour de cette ville – je l'adresse tout naturellement à vous. Recevez-le avec cette bienveillance que vous avez témoigné à moi. Je vous prie de le présenter aussi à Monsieur de Goethe, au souvenir de qui je vous prie de me rappeler.

Je vous envoie la traduction littérale de la pièce² dont je vous ai parlé et dont vous voulez bien être le traducteur. Cette traduction est assez fidèle, mais elle ne rend pas l'effet total de l'original: vos vers l'embelliront. Wielhorsky traduira pour vous une autre pièce³, qui contient l'expression de mes sentiments sur la mort de notre adorable souveraine, bon ange de la Russie et ma Bienfaitrice. Traduisez-la aussi; de cette manière vous réunirez le berceau du petit-fils avec le cercueil de la grand-mère. Dieu veuille que le premier ressemble dans sa vie à la première dont la mémoire sera bénie tant que la Russie durera.

Je suis avec la plus sincère vénération et amitié de cœur et d'âme
Votre dévoué serviteur

Joukoffsky

1828. 20 Novembre vieux style.

Перевод:

Рекомендую Вам, мой дорогой канцлер, подателя сего письма, графа Виельгорского¹. Он просил меня направить его в Веймар к кому-нибудь, кто смог бы сделать приятным его пребывание в этом городе – я, что совершенно естественно, направляю его к Вам. Примите его с той же благосклонностью, которую Вы выказывали и мне. Прошу Вас также представить его Гёте и напомнить ему обо мне.

Отправляю Вам дословный перевод пьесы², о которой я Вам говорил и которую Вы хотели перевести. Этот перевод довольно точен, но не передает всего эффекта оригинала: Ваши стихи украсят его. Виельгорский переведет для Вас и другую пьесу³, которая выражает мои чувства относительно кончины нашей обожаемой государыни, доброго ангела России и моей благодетельницы. Переведите и ее; этим Вы соедините колыбель внука с гробом его бабушки. Дай бог, чтобы он был похож своей жизнью на ту, чья память будет благословенна, пока живет Россия.

С самым глубоким почтением и дружбой, от души и сердца преданный Вам

Жуковский

1828. 20 ноября старого стиля.

6

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому*17/29 декабря 1828 г. Веймар*

à Weimar ce 29 déc<embre> 28

Monsieur de Vitzthum¹, qui ne devait partir pour St. Pétersbourg que dans quelques jours, vient de me faire dire qu'il nous quittera déjà cette nuit. Il ne me reste donc que peu de moments, mon chérissime Ami, pour Vous remercier de l'aimable Souvenir que Votre lettre m'a exprimé et de l'intéressante connaissance que Vous m'avez fait faire dans la personne du Comte Wielhorsky. J'ai fait tout ce qui dépendait de moi pour profiter de chaque instant que la Cour lui laissait; il a été deux fois chez Goethe et en a parût fort enchanté. Je l'ai accompagné de même chez la Comtesse Egloffstein et chez Mme de Goethe² qui a savouré le plaisir de l'entendre chanter des Mélodies Russes et Polonaises.

J'espère que le Comte ne nous échappera pas si vite que cette fois-ci à son retour de Bruxelles et je me flatte alors de jouir encore avec plus de repos de son agréable et intéressante soirée. Lui et le Prince Lobanof³ m'ont fait la traduction de Vos deux nouvelles poésies russes⁴ si différentes l'une de l'autre quant à l'objet et si ressemblantes pourtant par rapport à la profondeur et à la noblesse du sentiment comme à la pureté des images. Je suis infiniment reconnaissant de même de me voir enfin en possession de Votre superbe Ode de Moscou; il me sera bien doux de marcher sur Vos traces en essayant d'imiter Vos vers en allemand et quoique je doive désespérer de rendre et – pour ainsi dire – de deviner toutes les beautés de Votre Muse, je hasarderai cependant de Vous transmettre mes traductions en comptant sur Votre indulgence⁵.

Je ne Vous parle point de l'impression terrible qu'a fait sur notre adorable Grande Duchesse Marie la perte de Son Auguste Mère, impression que nous Vous avons partagée de cœur et d'âme. L'arrivée du Comte Wielhorsky lui a été d'un vrai bienfait. Elle a pu au moins s'épancher avec un témoin oculaire des derniers moments d'une si précieuse vie. Je sais aussi que Votre poésie lui a fait couler des larmes⁶, vrai soulagement dans une si cruelle tristesse. Vous devez avoir reçu, mon respectable Ami, le paquet que je Vous ai transmis il y a quelques semaines par un courrier et certainement Vous ferez assez bon pour

protéger de nouveau l'affaire de Madame Brinkmann, pour laquelle j'ai osé implorer Votre appui, comme antérieurement pour celle de Mme la Comtesse Rapp auprès du Ministre de la Justice⁷.

M. de Goethe Vous fait dire mille tendresses. Il est dans ce moment très occupé à finir la nouvelle édition très augmentée de ses "Wanderjahre"⁸.

Adieu, chérissime Ami, daignez me conserver Votre souvenir auquel j'attache un prix indéfinissable.

Fr. de Müller

Permettez que je Vous envoie une petite poésie que j'ai adressée dernièrement du fond de la Hollande à Goethe⁹.

Перевод:

Веймар 29 дек<абря> 28

Господин Витцтум¹, который должен был уехать в Санкт-Петербург лишь через несколько дней, только что сообщил мне, что покинет нас уже сегодня вечером. Мне остается совсем немного времени, мой драгоценный друг, чтобы поблагодарить Вас за память обо мне, выраженную в Вашем письме, и за интереснейшее знакомство с графом Виельгорским, которое состоялось благодаря Вам. Я сделал все, что зависело от меня, чтобы воспользоваться каждым моментом; он дважды ходил в дом Гёте и, казалось, был очень доволен этим. Я также сопровождал его к графине Эглоффштейн и к мадам Гёте², которая с удовольствием послушала, как он поет русские и польские песни.

Надеюсь, граф не сбежит от нас так быстро, как на сей раз по его возвращении из Брюсселя. Я был бы польщен возможностью снова получить удовольствие от приятного и интересного времяпрепровождения в его компании. Граф вместе с князем Лобановым³ перевели два Ваших новых русских стихотворения⁴, столь отличных друг от друга по своей сути и столь похожих в отношении их глубины, благородства чувств и ясности образов. Я бесконечно признателен Вам, что наконец-то получил Вашу превосходную «Московскую оду». Мне будет бесконечно приятно следовать Вашим путем в попытке подражать Вашим строкам на немецком языке, и какой бы

безнадежной не казалось мне эта задача – передать все оттенки красоты Вашей Музы, я все же осмелюсь показать Вам свои переводы, рассчитывая на Вашу снисходительность⁵.

Излишне говорить Вам об ужасном ударе, который постиг нашу дорогую великую герцогиню в связи с кончиной ее августейшей матери, ударе, который мы разделяем с Вами всем сердцем и душой. Приезд графа Виельгорского чрезвычайно благотворно повлиял на нее. По крайней мере, она смогла поделиться своими чувствами с человеком, который был непосредственным свидетелем последних дней драгоценной жизни ее матери. Мне также известно, что Ваша поэзия растрогала ее до слез⁶, настоящее облегчение в ее жестокой печали.

Мой distinguished друг, Вы, должно быть, уже получили посылку, которую я отправил несколько недель назад почтой, и, конечно, Вы снова сообразовываете защищать дело госпожи Бринкман, ради которой я осмелился умолять Вас о поддержке, как до этого просил поручиться и за графиню Рапп перед министром юстиции⁷.

Гёте выражает Вам глубокую симпатию. В данный момент он очень занят, заканчивая новое и значительно расширенное издание своей книги «Годы странствий»⁸.

До свидания, драгоценный друг, сообразовываете хранить память обо мне, которую я безмерно ценю.

Фр. де Мюллер

Позвольте мне отправить Вам небольшое стихотворение, которое я недавно адресовал Гёте из Голландии⁹.

7

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

23 декабря 1828 г. / 4 января 1829 г. Веймар

Weimar, den 4. Januar 1829

Herr Oberschenk von Beaulieu¹ aus Oldenburg, Schwager der Frau Generalin² von Beaulieu³, wünscht sehnlich Ihre Bekanntschaft zu machen, verehrtester Freund! und so benutze ich zugleich seine Reise, Ihnen den ersten, unvollkommenen Versuch der Übersetzung eines Ihrer neus-

ten Gedichte¹ zu übermachen. Sobald mir nur ein wenig mehr Muße wird, versuche ich es mit den Grüßen. Möge die Erwägung, dass ich nur auf dem Grund von Wielhorskis französischer Übertragung Ihrer Ideenfolge nachstreben konnte, Sie zur Nachsicht stimmen.

Herr von Beaulieu wird Ihnen von seiner Schwägerin und den Gräfinnen Egloffstein mündlich das Schönste ausrichten. Wir hoffen, dass er uns die beste Kunde eiligst von Ihrem Befinden zurückbringen werde. Sein Reisegesellschafter, Hofrat *Starkloff*⁵ aus Oldenburg, ist ebenfalls ein sehr interessanter Mann und beliebter Romanschriftsteller.

Innigste Wünsche zum neuen Jahr, herzliche Verehrung und Liebe!

F. v. Müller

Перевод:

Веймар, 4 января 1829

Господин обершенк фон Больё¹ из Ольденбурга, зять супруги² генерала Больё³, отчаянно желает познакомиться, почтеннейший друг! и поэтому я использую его путешествие, чтобы переслать Вам первый несовершенный опыт перевода одного из Ваших новейших стихотворений⁴. Когда у меня будет хоть немного свободного времени, я попробую сделать и другой перевод. Пусть мысль о том, что я мог равняться только на сделанный Виельгорским французский перевод хода Ваших идей, внушит Вам снисхождение.

Господин фон Больё передаст Вам устно самые добрые слова от своей невестки и дружественных Эглоффштейн. Мы надеемся, что он немедля принесет нам лучшие известия о Вашем самочувствии. Его попутчик, придворный советник *Штарклоф*⁵ из Ольденбурга – также очень интересный человек и популярный романист.

Примите самые искренние поздравления с Новым годом, мое почтение и любовь!

Ф. ф. Мюллер

8

В.А. Жуковский – Ф. Фон Мюллеру

<13/25 августа 1833 г. Веймар>

Je me rendrai chez vous à 8 ou 8 1/2 heures de la matinée; j'aurais désiré le faire plutôt, mais j'ai quelques arrangements à faire chez moi.

Nous pourrons rester ensemble une couple d'heures, car je ne pars qu'entre 11 et 12, étant obligé de me rendre à 10 1/2 au palais pour recevoir des lettres, que M.C.G.L.¹ expédie par moi à Russie et Pétersbourg. Veuillez bien m'attendre chez vous à l'heure désignée.

Tout à vous

Joukoffsky

Перевод:

Я буду у Вас в 8 или 8.30 утра. Я желал бы прибыть ранее, но мне необходимо еще кое-что уладить. Мы сможем побыть вместе пару часов. Я уезжаю только между 11 и 12, но в 10.30 должен отправиться во дворец и получить там письма, которые M.C.G.L.¹ отправляет через меня в Россию и Петербург. Пожалуйста, ждите меня в указанный час.

Всцело Ваш

Жуковский

9

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

2/14 октября 1837 г. Веймар

Weimar, den 14. Oktober 1837

Die Erinnerung an Sie, teuerster Mann! hat mich in den langen Jahren, die seit Ihrem letzten Hiersein im Jahre 1833¹ verflossen, nie verlassen, obschon kein sichtbares Zeichen wechselseitigen Andenkens uns zukam. Während ich im stillen Weimarischen Kreise meist nur in der Vergangenheit lebte und den Blick oft mit Sehnsucht in die Ferne richtete, haben Sie, im großartigen Berufe, reiche Saaten für die Zukunft ausgestreut und noch jüngst unermessliche Gebiete in zweien Weltteilen durchflogen, den künftigen Herrscher in seine künftige Bestimmung einzuweihen².

Wie könnte ich zwei edle Frauen³, die den Wert Ihrer Nähe so innig zu schätzen wissen, von uns scheiden sehen, ohne durch ihr treues Organ Ihnen Worte der Liebe und des innigsten Andenkens zuzurufen? Mögen sie Ihnen sagen, wie oft wir durch das Andenken an *Sie* unsere herrlichen

Gespräche geschmückt, wie oft ihre Mitteilungen über Sie mich erquickt haben!

Auch Turgéneff, mit dem ich schöne Tage bei der Jubelfeier zu Göttingen⁴ genoss, musste mir viel – und konnte mir Erfreuliches von Ihnen berichten.

Aber alles dies konnte den Wunsch Sie wiederzusehen nicht stillen, nur steigern! Nach so *großen* Reiseanstrengungen – sollte ich denken – müsste eine *kleine* Reise nach Deutschland Ihnen mehr wie heitere Erholung erscheinen und gewiss Ihrer Gesundheit sehr zusagen. Wie lebhaft würde auch Fräulein von Wildermeth⁵ sich Ihres Wiedersehens freuen, die ich voriges Jahr auf ihrem reizenden Landsitze zu Bern besuchte! Ich sende Ihnen in beifolgendem – ziemlich seltenem Medaillon das beste Abbild „des großen, guten Mannes“⁶ dem Sie so innig huldigten, überzeugt, dass es Ihnen von Wert sein wird. Und wer wäre solchen Besitzes würdiger?

Sodann füge ich das Lied und die Komposition – die höchst gelungen – bei, die ich bei Goethe's Totenfeier in der Freimaurer Loge, November 1831 [sic] aufführen ließ. Ja, es ist Trost zu denken: „Der Adler schüttelt vom Flügel den Staub // Und kehret zur Sonne zurück“⁷.

Endlich folgen einige Stanzas von mir an den trefflichsten Übersetzer des Ariost und des Tasso, *Gries*⁸, als er seine neuste Ausgabe des letztern unsrer erhabenen Fürstin mit einem wehmütigen Schwanengesang widmete.

Ich empfehle Ihnen sehr die neuste Ausgabe von Goethe's Werken⁹, 4 Bände in Quart, mit 12 Stahlstichen, bei Cotta¹⁰; Sie finden 103 noch nie gedruckte Gedichte und prosaische Aufsätze darin, unter denen das unvergleichliche Fragment des „Ewigen Juden“. Ich wünschte sehr, dass diese neue und schönste Edition in Petersburg verbreitet würde. Zu Ostern gedenke ich Goethe's Briefwechsel mit Knebel und Graf Reinhard¹¹ herauszugeben, in 4 Bänden, Octav, der Herrliches in Fülle enthält, später werden meine „Zehn Jahre aus Goethe's Leben, 1776–86“¹² folgen, deren Entwurf ich letzten Winter schon unsrer Fürstin in ihrem literarischen Abendzirkel, vorlas.

Tourgéneff erzählte mir viel von Ihrem Journal „Les Contemporains“ und von andern Blüten Ihrer Kunst. Wer doch nur Russisch gelernt hätte! Aber der Übersetzer würde sich wohl finden, wenn wir nur erst das Original hätten! Und nun nur noch das herzlichste Lebewohl! Der Genius

alles Schönen und Guten sei fortwährend mit Ihnen! Lassen Sie mich bald vernehmen, dass Sie meiner noch freundlich gedenken!

Der Ihrigste von Müller

Ich lege auch noch Abschrift eines merkwürdigen Briefes von Goethe aus Rom an die verewigte Herzogin Luise von Sachsen Weimar¹³ bei, als Probe der reichen Schätze, die noch in unserm Archiv verborgen liegen.

Перевод:

Веймар, 14 октября 1837

Воспоминания о Вас, самый дорогой человек, никогда не покидали меня в те долгие годы, которые прошли после Вашего последнего визита в 1833 году¹, хотя мы и не получили ни одной памятной весточки в ответ. Пока я, находясь в спокойном веймарском кругу, в основном жил лишь прошлым и часто с тоской смотрел вдаль, Вы своими большими свершениями сделали богатые посевы для будущего и прошли через неизмеримые пространства в двух частях света, чтобы посвятить будущего правителя в его грядущее назначение².

Как же я мог отпустить двух благородных дам³, которые так высоко ценят Ваше общество, не обратив их верный голос к Вам со своими словами о любви и самых теплых воспоминаниях о Вас? Пусть они расскажут Вам, как часто мы украшали наши добрые беседы воспоминаниями о Вас, как часто их вести о Вас приободряли меня!

Тургенев, обществом которого я наслаждался во время прекрасных дней празднования юбилея в Геттингене⁴, рассказал мне много радостных новостей о Вас.

Но все это не могло утолить моего желания увидеть Вас вновь, но только упрочило его! После *продолжительных* путешествий – я думаю, *небольшая* поездка в Германию стала бы радостным отдохновением и, конечно, благоприятно отразилась бы на Вашем здоровье. Как живо обрадовалась бы возможности вновь увидеть Вас и фройляйн фон Вильдермет⁵, которую я посетил в прошлом году в ее очаровательной загородной резиденции в Берне! В прилагаемом

довольно редком медальоне я посылаю Вам лучшее изображение «великого, доброго мужа»⁶, которого Вы так глубоко почитаете, убежден, что он будет дорог Вам. И кто был бы более достоин обладания им?

Также я прилагаю текст и мелодию произведения, самого удачного, исполненного мною на поминовение Гёте в масонской ложе в ноябре 1831 г. Пусть принесет утешение мысль: «Орёл <...> отряхивает пыль с крыла и / возвращается обратно к солнцу»⁷.

Наконец, прилагаются некоторые мои замечания удивительному переводчику Ариоста и Тассо, *Грису*, который посвятил свое новейшее издание последнего нашей великой герцогине с грустной лебединой песней⁸.

Настоятельно рекомендую последнее издание произведений Гёте⁹, 4 тома в четверть листа, с 12 гравюрами на стали от Котты¹⁰; Вы найдете там 103 ранее неопубликованных стихотворения и личные очерки, среди которых несравненный фрагмент «Вечного жид». Я очень хочу, чтобы это новое и самое красивое издание было распространено в Петербурге. На Пасху я намереваюсь опубликовать в восьмую долю листа в 4 томах переписку Гёте с Кнебелем и графом Рейнхардом¹¹, которая изобилует прекрасным содержанием, а позднее последуют мои «Десять лет из жизни Гёте, 1776–86»¹², черновик которых я уже прочел прошлой зимой нашей герцогине на одном из литературных вечеров ее салона.

Тургенев много рассказывал мне о Вашем журнале «Современник» и о других цветах Вашего творчества. Если бы я только знал по-русски! Но переводчику было бы довольно иметь хотя бы оригинал! Пока же примите лишь самый сердечный прощальный привет! Пусть гений всего прекрасного и хорошего пребудет с Вами всегда! Позвольте мне услышать вскоре, что Вы все еще по-дружески вспоминаете обо мне!

Ваш фон Мюллер

Я прикладываю также копию замечательного письма Гёте из Рима к почившей герцогине Луизе Саксен-Веймарской¹³ как пример тех несметных сокровищ, что все еще сокрыты в нашем архиве.

10

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

23 мая / 3 июня 1838 г. Берлин

Mon cher ami, madame Tchekine¹ m'a traité un peu sévèrement, elle ne m'a rendu votre lettre et l'envoi² que vous y aviez joint que bien longtemps après mon retour à Pétersbourg³. Je n'ose pas l'accuser car j'ai été moi-même longtemps sans venir la voir. Et j'ai été puni quoiqu'au reste ma faute fut involontaire. J'ai voulu personnellement vous porter ma réponse avec ma profonde reconnaissance pour l'amitié dont votre lettre a été pour moi un si touchant témoignage, mais notre marcheroute tourne de Berlin à Stockholm et nous ne serons à Weimar que beaucoup plus tard⁴. Ainsi pour me rappeler un peu plus vivement à votre cœur d'ami je vous envoie (en retour du cadeau agréable que j'ai reçu de vous) quelque chose de moi: c'est *Undine* de Fouquet⁵ qui a changé son habit *de prose allemand* contre un autre *de vers russes* et c'est moi qui s'est avisé d'être le tailleur de cet habit. Cela peut n'être qu'un travestissement. Et je ne vous aurais pas osé présenter cette charmante *Undine* ainsi équipée si la main d'un autre artiste n'avait pas eu soin de l'orner avec beaucoup de goût. Les gravures qui accompagnent le texte russe sont la production d'un artiste russe de beaucoup de talent⁶: je suis persuadé qu'elles auront votre approbation. Recevez, je vous prie, avec bienveillance mon *Undine* devenue par mes soins une pauvre Russe. Mais elle ne vous incommodera pas par son habit, et j'en suis sûr, elle vous sera bienvenue comme représentante de mon amitié inviolable.

Au revoir à Weimar. J'ai eu le bonheur de voir ici (il est vrai comme en rêve) notre gracieuse Grande Duchesse et j'ai fait la connaissance du prince héritier⁷ qui m'a vraiment charmé par sa franche amabilité. Adieu encore une fois.

Tout à vous *Joukovsky*

Berlin 1838 23 mai / 3 juin

Перевод:

Дорогой друг, госпожа Чевкина¹ обошлась со мной немного несправедливо, она вручила мне Ваше письмо и посылку, которую Вы к нему приложили², спустя долгое время после моего возвращения в

Петербург³. Я не осмеливаюсь осуждать ее, ибо я и сам долго не шел к ней, таким образом и наказан, хотя, впрочем, моя оплошность была невольной. Я хотел лично принести Вам мой ответ с глубокой признательностью за дружбу, трогательным свидетельством которой стало для меня Ваше письмо, но наш маршрут ведет из Берлина в Стокгольм, и в Веймаре мы будем гораздо позже⁴. Поэтому, чтобы живее напомнить о себе Вашему дружескому сердцу, я отправляю Вам (в ответ на милый подарок, который я получил от Вас) кое-что мое: это «Ундина» Фуке⁵, которая сменила свое одеяние *германской прозы* на одежды *русских стихов*, а вздумал быть портным этого одеяния именно я. Это, может быть, лишь переодевание. Я не осмелился бы представить Вам свою «Ундиноу» в таком виде, если бы рука художника не позаботилась украсить ее с большим вкусом. Гравюры, которые сопровождают русский текст, – творение талантливого русского художника⁶: я уверен, что они получат Ваше одобрение. Пожалуйста, примите благосклонно мою «Ундиноу», ставшую моими хлопотами русской, но она не будет докучать Вам своим одеянием, и я уверен, что она будет желанной гостьей как поверенная в моей нерушимой дружбе.

До встречи в Веймаре. Я имел счастье встретить здесь (правда, как во сне) нашу милостивую великую герцогиню и познакомился с наследным принцем⁷, который поистине очаровал меня своей искренней любезностью. Прощайте еще раз.

Всецело Ваш Жуковский

Берлин 1838 23 мая / 3 июня.

11

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
 <26 августа / 7 сентября 1838 г. Веймар>

Mon cher ami, me voilà de nouveau à Weimar, comme un oiseau de passage. Je serais venu moi-même chez vous mais j'ai déjà annoncé mon arrivée à M. de Spiegel et comme il est probable que Mme la Grande Duchesse me fera venir incessamment, je dois me jeter corps et âme dans la toilette. Bien impatient de vous embrasser.

Joukovsky

*Im Erbprinzen*².

Перевод:

Дорогой друг, вот я вновь в Веймаре, подобно перелетной птице. Я бы сам приехал к Вам, но, к сожалению, я уже сообщил о моем приезде Шпигелю¹, к тому же великая герцогиня, вероятно, захочет незамедлительно меня видеть, поэтому я должен привести в порядок тело и душу. Не терпится Вас обнять.

Жуковский

В «Наследном принце»².

12

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

29 августа / 10 сентября 1838 г. <Веймар>

Montagsfrüh, den 10. September 1838

Schönster Morgengruß!

Der zufällig hier anwesende Verfasser der beiden anliegenden Artikel über Russland¹ wünscht gar sehr, dass ich solche Ihnen, Verehrtester! vor Augen bringen möge; ich kann es daher nicht ablehnen und behalte mir vor, darüber mündlich mehr zu sprechen², wenn Sie erst den Aufsatz gelesen haben werden.

Vergebens suchte mein Blick Sie gestern im Theater! Sie waren wohl gar nicht darin?³ Haben Sie gestern den Herrn *Kraeuter* schon um Neun Uhr in das *Goethe<sche> Haus*⁴ bestellt, oder soll ich es Ihm nochmals sagen lassen?

Der Ihrigste von Müller

Перевод:

В понедельник утром, 10 сентября 1838

Прекраснейший утренний привет!

Автор двух прилагаемых статей о России¹, случайно оказавшийся здесь, очень желает, чтобы я обратил на них Ваше внимание, почтеннейший друг! Так что я не могу отказаться от этого и оставляю

за собой право подробнее поговорить об этом при встрече², когда Вы прочтете эссе.

Напрасно мой взгляд искал Вас вчера в театре! Вас там вовсе не было?³ Пригласили ли Вы вчера господина *Кройтера* в девять часов в дом *Гёте*⁴, или мне необходимо передать ему это еще раз?

Ваш *фон Мюллер*

13

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

<31 августа / 12 сентября 1838 г. Веймар>

Je dois vous prévenir, mon respectable ami, que le grand Duc héritier se propose demain de voir la maison de Göthe. Cela aura lieu probablement à midi. Veuillez bien faire vos dispositions préalables. Demain nous pourrons encore nous concerter sur la manière la plus commode d'arranger cette affaire.

Tout à vous

Joukovsky

Mercredi

Перевод:

Я должен предупредить Вас, мой уважаемый друг, что наследный великий князь намеревается завтра посетить дом Гёте. Это случится, вероятно, в обед. Прошу сделать все необходимые приготовления. Завтра мы сможем договориться о наиболее удобном способе устроить это дело.

Всецело Ваш

Жуковский

Среда

14

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

<3/15 сентября 1838 г. Веймар>

Je tacherai de remettre votre *Widerhall*¹ à l'Impératrice, il lui rendra le *Anklang*² plus sonore et plus clair. Voici un paquet pour Ekendahl³ que

je vous prie de lui faire parvenir. Quant à notre promenade, malheureusement, elle ne peut pas avoir lieu, j'ai beaucoup trop de visites à faire pour pouvoir faire cette course. Et les paquets de voyage. Il faut bien malgré moi que je me refuse au plaisir de vous accompagner.

Tout à vous

Joukovsky

Перевод:

Я постараюсь передать Ваш «Widerhall»¹ императрице, он сделает для нее «Anklang»² более музыкальным и понятным. Вот пакет для Экендаля³, который я прошу ему передать. Что до нашей прогулки, к сожалению, она не может состояться, у меня слишком много визитов, чтобы я смог позволить себе эту прогулку. И к тому же дорожные сборы. Я вынужден против воли отказаться от удовольствия сопровождать Вас.

Всецело Ваш

Жуковский

15

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

<3/15 сентября 1838 г. Веймар>

Je vous remercie de tout mon cœur pour le manuscrit¹. Je vous attends à 9 heures. Je compte partir à 9 heures et demie ou à 10 heures.

Tout à vous

Joukoffsky

Перевод:

От всего сердца благодарю Вас за рукопись¹. Жду Вас в 9 часов. Я рассчитываю уехать в 9 с половиной часов или в 10 часов.

Всецело Ваш

Жуковский

16

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
 <Около 4/16 сентября 1838 г. Веймар>

Kräuter aura une bague de la part du Grand Duc; elle lui sera remise par monsieur de Schröder¹.

Tout à vous

Joukovsky

Перевод:

Кройтер получит перстень от великого князя; он будет вручен ему господином Шрёдером¹.

Всецело Ваш

Жуковский

17

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
 14/26 сентября 1838 г. Веймар

à Weimar, ce 26 sept<embre> 1838.

J'espère bien, mon très cher et excellent ami, que Vous êtes arrivé sain et sauf à Munich¹ et même après un voyage aussi heureux qu'intéressant, mais il me tarde d'être sûr de mon fait et c'est pourquoi je Vous supplie de me donner de Vos nouvelles. Mes vœux les plus ardents Vous ont accompagné au travers de cette délicieuse vallée de Schwarzbourg et de ces fraîches prairies de Cobourg et de Bamberg; j'étais enchanté de Vous voir saluer ma bonne ville natale d'*Erlangen* et visiter l'antique et incomparable *Nuremberg*. Dites-moi donc un peu comme toutes ces modestes contrées Vous ont plu et si au milieu de ces nouvelles impressions Vous n'avez pas perdu de vue notre petite *Weimar*. Pour moi je garde un souvenir bien fidèle et précieux des moments que Votre amitié m'a fait passer si cordialement dans Votre intimité et qui certainement ont ajouté encore – s'il est possible – aux sentiments que mon cœur Vous tenait dès le premier moment de notre connaissance.

Kraeuter a effectivement reçu, mais deux jours seulement après Votre départ² – la bague en question ainsi que M. *Schorn* une tabatière³. Je Vous transmets la lettre de remerciement de M. Eckendahl dont le livre est chez moi en dépôt⁴. Mademoiselle Stein⁵ a été enchantée de Votre inscription; elle a accompagné LL. AU. J. & R.⁶ à Berlin et elle m'a chargé avant de partir de mille & mille tendresses pour Vous.

Voilà comme Vous nous avez enlevé les cœurs de nos jeunes Dames; ma belle-fille⁷ aussi est très fière d'avoir dans son Album un mot si précieux de Votre main! N'oubliez pas, je Vous prie, de me formuler cette belle et profonde idée "Demuth ist unser höchstes Ziel"⁸.

Si Vous voyez MM. *Schelling*, *Klenze* et *Cornelius*⁹ veuillez me rappeler à leur souvenir. Que Dieu soit avec Vous; de cœur et d'âme Votre dévoué Ami

Fr. de Müller

Souvenez-Vous, mon bien cher Ami, à Milan, qu'il faut faire d'abord la connaissance de M. Cattaneo¹⁰, Directeur du cabinet des Monnaies, pour arriver à Son ami Manzoni¹¹.

Перевод:

Веймар, 26 сент<ября> 1838

Я надеюсь, мой дражайший и превосходнейший друг, что Вы благополучно и в здравии прибыли в Мюнхен¹ после такого счастливого и интересного путешествия, но мне хочется быть в этом уверенным, а потому я прошу Вас сообщить мне известия о себе. Мои самые теплые пожелания сопутствовали Вам в Вашем путешествии по дивной долине Шварцбурга и по свежим лугам Кобурга и Бамберга. Я был счастлив, что Вы познакомились с моим прекрасным родным городом *Эрлангеном* и посетили несравненный древний *Нюрнберг*. Расскажите же мне, чем все эти скромные края понравились Вам, и не потеряли ли Вы из виду среди всех этих новых впечатлений наш маленький *Веймар*? Что касается меня, то я храню драгоценное и стойкое воспоминание о тех моментах, которые преподнесла мне Ваша дружба, так радушно окунув в Ваш близкий круг, и они, конечно же, добавились еще – если можно так сказать –

к тем чувствам, которые мое сердце испытывало к Вам с первого момента нашего знакомства.

Кройтер действительно получил, хотя и спустя два дня после Вашего отъезда, вышеупомянутый перстень², а месть *Шорн* – табакерку³. Я передаю Вам в письме благодарность месть Экендаля, книгу которого я храню⁴. Мадемуазель Штейн⁵ была очарована письмом, которую Вы сделали; она сопровождала LL. AU. F. & R.⁶ в Берлин и, прежде чем уехать, поручила мне передать Вам тысячи нежных слов.

Вот так Вы захватили сердца наших юных дам. Моя милая невестка⁷ также была рада получить в свой альбом драгоценное словечко, написанное Вашей рукой! Не забудьте, прошу Вас, пояснить мне эту прекрасную и глубокую мысль «Demuth ist unser höchstes Ziel»⁸.

Если Вы увидите господ *Шеллинга*, *Кленце* и *Корнелиуса*⁹, будьте любезны передать им от меня привет. Да пребудет с Вами Бог; сердцем и душой преданный Вам друг

Фр. фон Мюллер

Помните, мой дорогой друг, в Милане нужно сначала познакомиться с господином Каттанео¹⁰, управляющим монетного двора, чтобы попасть к его другу Мандзони¹¹.

18

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

4/16 ноября 1838 г. Венеция

Venise, 4/16 novembre 1838

Mon cher et respectable ami,

J'ai un peu tardé à vous répondre, mais j'ose espérer que vous ne m'en voulez pas et que vous serez toujours intimement persuadé que mon attachement pour vous, écrit ou non, sera toujours invariable.

Je vous remercie pour votre aimable lettre et pour les nouvelles que vous me donnez sur le cher Weimar que j'ai quitté avec regret, que je reverrais avec le plus grand plaisir et où il me serait si confortable de faire un plus long séjour: vous pouvez bien comprendre que vous avez la plus

grande part dans ce compte, que probablement je fais *sans mon hôte*, car je commence à craindre que nous ne repasserons plus par Weimar.

De plus je vous remercie pour la charmante route que vous m'avez indiquée. Celle par Jena et par Bayreuth m'était déjà connue, elle est aussi très variée et très pittoresque, mais celle par *Rudolstadt* et par *Schwarzburg* est vraiment ravissante. Le ciel a eu la bonté de rester continuellement serein et j'ai pleinement joui des beautés de la nature qui se présentait tantôt riante, tantôt <дефект бумаги> et grandiose. Surtout les environs de *Rudolstadt* m'ont charmé. J'ai revu avec intérêt le vieux *Nuremberg* si vénérable avec ses rides qui rappelle tant la vieille Allemagne. J'ai fait un petit détour pour visiter Ratisbonne qui, comme ville, est une laide masse de bâtiments ni vieux ni modernes, qui n'a d'intéressant que sa *cathédrale* qu'on renouvelle sans rien changer de son caractère et que sa *maison de ville*, monument magnifique par son délabrement et par la solitude qui y règne. J'ai admiré dans le voisinage de cette ville le *Walhalla*¹ qui m'a étonné par la beauté classique de son architecture, par la magnificence des matériaux qui servent à sa construction (car tout est métal ou marbre) et par le colossal de ses proportions: ce bâtiment est digne des temps qui ont vu s'élever le Panthéon; il est construit 2000 ans trop tard; c'est un magnifique anachronisme. Notre siècle est peut être celui des grands événements, mais il n'est pas celui des monuments: en général les monuments qui autrefois éternisaient la gloire ont perdu tout leur crédit. Depuis qu'on peut avoir de la gloire périodique par le moyen des gazettes, on ne se soucie plus de la gloire permanente dans la postérité. Le papier des gazettes a pris le dessus sur le bronze des pyramides.

De Regensbourg je me suis rendu à Munich où j'ai passé deux semaines (bien mémorables dans ma vie) à jouir de l'art dans toute sa noble grandeur. Le mouvement qui règne à Munich sous le rapport de l'art peut rappeler le temps des Médicis; et s'il n'a ni la vivacité ni la richesse italienne, son caractère allemand de profonde pensée, de vérité naïve lui donne un attrait particulier; j'exprime mal mes pensées, et je ne saurai pas le faire mieux, mais je me suis senti bien vivant, bien heureux à Munich sous l'influence de l'art dont les jouissances sont le plus noble privilège de la noble nature humaine. Sautons de Munich par dessus les Alpes tyroliennes droit à Milan. Nous y sommes restés une huitaine de jours; trop peu pour une telle ville; et la moitié de ce temps encore j'ai

gardé la chambre étant malade. Mais ce n'est pas la première fois que je suis à Milan²; j'ai tout revu avec charme et les tableaux de la Brera avec une profonde admiration. Et grâce à *votre nom* j'ai été chez Manzoni⁴. C'est un brave astronome Frisiani⁵ qui (ayant quitté le Ciel pour moi) m'a aidé à découvrir sur la terre ce bel astre. Il est allé dire à Manzoni qu'un Russe, ami de Müller, lui demandait au nom de cet ami la faveur d'être admis en sa présence et les portes de Manzoni s'ouvrirent. Je vous remercie, mon cher ami, pour cette protection. Vous m'avez procuré deux heures d'un grand bonheur car il n'y a pas de plus grande jouissance dans la vie que de se sentir attiré sympathiquement par une telle âme; on se sent alors *pleinement*; sans se le dire, sans même y penser, on comprend clairement et la beauté de la vie et sa grande destination. Manzoni m'a charmé par son incomparable individualité; il m'a beaucoup rappelé Capo D'Istrias⁶ non par ses traits mais par sa manière gracieuse et nette de s'exprimer. Nous avons parlé sur mille sujets différents sur la poésie, sur Goethe, sur l'Italie, sur la religion. Et de mon côté (en parlant de la religion) j'ai eu occasion de lui répéter cette idée qui est née dans une de mes conversations avec vous à Weimar et qui alors m'a paru répandre tant de clarté sur notre *destination en général*. Je vous la dois; il faut bien que je vous la rende; mais je ne sais si je saurais m'exprimer par écrit avec cette clarté qu'elle avait pour moi au moment de sa naissance. Essayons pourtant: «Les Philosophes cherchent la vérité positive, ils ne la trouveront jamais; elle n'est pas trouvable pour l'homme, car au moment où elle serait trouvée, le monde finirait; Dieu est la *vérité*; Dieu ne peut pas être saisi par l'homme; l'intelligence humaine ne le comprendra jamais; la raison ne peut pas embrasser son immensité; mais la foi peut l'approprier complètement. Quel est donc le but de l'homme, s'il ne lui est pas donné de trouver la vérité, la vérité positive, qui explique tout et qui le rend maître de tout? – Le but de l'homme est la vérité *progressive* si je puis l'exprimer ainsi. Il est créé par Dieu pour Dieu. Il existe pour tendre continuellement vers ce but suprême. Jamais dans toute l'éternité il ne pourra l'atteindre mais à chaque pas il peut s'en approcher. Et chacun de ces pas qui nous rapprochent de Dieu apporte une plus grande clarté dans nos idées sur sa nature. Plus clairement nous comprenons Dieu, plus notre âme se remplit de bonheur. Et quel est le caractère de ce bonheur? – C'est l'humilité, c'est-à-dire oubli de soi-même en présence de l'Être suprême. Et cette humilité est la chose la plus grande à laquelle l'homme

puisse atteindre; car tout ce qu'on perd d'un côté de l'idée qu'on a de soi-même, on le gagne de l'autre dans l'idée qu'on acquiert de Dieu; et ce sentiment de sa propre nullité en présence de Dieu ne peut être autre chose qu'une béatitude de l'âme qui croit, espère et aime. Qu'est-ce donc que l'Humilité? La foi, l'amour et l'espérance réunis dans un seul sentiment. Quelle est donc la destination de l'homme? Grandir éternellement dans cette Humilité qui peut toujours croître et nous peut suffire pour toute l'éternité, ici bas et autre part». – Voici à peu près ce que j'ai dit à notre Manzoni. Deux heures se sont écoulées comme deux rapides moments dans la société de cet homme plein d'attrait. Son image restera toujours profondément gravée dans mon cœur. Il s'est souvenu de vous avec amitié qu'il vous garde fidèlement. Je ne sais si jamais je le reverrai mais il est sûr que je ne le perdrai jamais.

Adieu, cher ami, ma lettre est devenue trop longue. Pardon. Ne m'oubliez pas, je vous prie. Veuillez bien me rappeler au souvenir de Mesdames votre épouse et votre belle-fille et de celui de votre fils⁷. J'embrasse mes excellents amis Schorn et Eckermann. Je vous prie aussi de me mettre aux pieds de Mlle de Stein et de lui dire que les compagnons qu'elle a eu la bonté de me donner pour ma route, Messieurs *Rostein* et *Sourhard*⁸, sont des gens excellents, un peu incommodes en *chair* et en *os*, mais, d'une très agréable société n'étant qu'*invités*, et je la remercie beaucoup de m'avoir procuré la connaissance de ces Messieurs.

Adieu.

Je ne vous parle pas de Venise, mais elle me tourne la tête. Je loge sur le grand Canal, ayant une fenêtre sur Piazzetta et l'autre sur une superbe nappe d'eau par dessus laquelle s'élèvent gigantesquement des magnifiques <дефект бумаги>, colossaux monuments d'une grandeur évanouie. Humilité!

Je vous prie d'avoir la bonté d'envoyer par poste la lettre ci-jointe⁹.

Tout à vous

Joukovsky

Перевод:

Венеция, 4/16 ноября 1838

Дорогой и уважаемый друг,
я немного задержался с ответом, но осмеливаюсь надеяться, что
Вы не в обиде на меня и будете всегда глубоко убеждены, что моя

привязанность к Вам, изложенная на бумаге или нет, всегда неизменна.

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за новости о дорогом Веймаре, который я покинул с сожалением, но с удовольствием увидел бы вновь и где мне было бы так хорошо задержаться подольше: Вы понимаете, что Вы принимаете непосредственное участие в этом расчете, который я делаю *без хозяина*, ибо я начинаю опасаться, что мы более не поедем через Веймар.

К тому же благодарю Вас за прелестный путь, на который Вы указали. Дорога через Йену и Байрёйт была мне уже известна, она также очень разнообразна и живописна, но дорога, ведущая через Рудольштадт и Шварцбург, поистине восхитительна. Небо, по счастью, оставалось ясным, и я в полной мере наслаждался красотами природы, которая представлялась то смеющейся, то <дефект бумаги> и грандиозной. Меня особенно очаровали окрестности Рудольштадта. Я вновь с интересом посетил старый *Нюрнберг*, такой почтенный со своими морщинами, напоминающий старую Германию. Я сделал небольшой крюк и посетил Регенсбург, который, как город, являет собой уродливое скопление строений, ни старых, ни современных. В нем самым интересным является *собор*, который обновляют, ничего не меняя в его характере, и *городская ратуша*, памятник, великолепный своей обветшалостью и царящим в нем уединением. В окрестностях этого города я любовался *Вальхаллой*¹, удивившей меня классической красотой своей архитектуры, великолепием материалов, послуживших для постройки (все из металла или мрамора), и колоссальными размерами: это строение достойно времен постройки Пантеона, хотя возведено 2000 годами позднее; это великолепный анахронизм. Наш век, вероятно, есть век великих событий, но не памятников: в основном памятники, которые ранее увековечивали славу, потеряли весь свой авторитет. С тех пор, как можешь хоть иногда прославиться в газетах, не заботишься более о прочной славе среди потомков. Бумага взяла верх над бронзой пирамид.

Из Регенсбурга я отправился в Мюнхен, где провел две незабываемые недели, наслаждаясь искусством во всем его благородном величии. Охватившее Мюнхен развитие искусства напоминает времена Медичи. Если даже в нем нет ни той живости, ни итальянского

блеска, то его немецкий характер, со своей способностью глубоко мыслить и простыми истинами, придает ему особую привлекательность. Я плохо выражаю свои мысли и не сумею сделать этого лучше, но в Мюнхене я почувствовал себя живым и счастливым под влиянием искусства, наслаждение коим является самой благородной привилегией благородной человеческой натуры. Перенесемся из Мюнхена через тирольские Альпы прямо в Милан. Мы пробыли там около недели; слишком мало для такого города, и к тому же половину этого времени я не выходил из комнаты, будучи больным. Однако я не в первый раз в Милане², но вновь был всем очарован, а картинами Брера³ – глубоко восхищен. Благодаря *Вашему имени* я был у Мандзони⁴. А помог мне открыть на земле эту прекрасную звезду милейший астроном Фризиани⁵ (спустившийся с небес ради меня). Он вызвался пойти к Мандзони и сказать, что один русский, друг Мюллера, просит его от имени этого друга иметь честь быть принятым им, и двери его дома распахнулись. Благодарю Вас, дорогой друг, за такое покровительство. Вы доставили мне два часа большого счастья, ибо нет большего наслаждения в жизни, нежели чувствовать симпатию к такой душе. Чувствуешь себя полно, не говоря себе этого, даже об этом и не думая, отчетливо понимаешь и красоту жизни, и ее великое предназначение. Мандзони очаровал меня своей неповторимой личностью; он напомнил мне Каподистрию⁶, но не внешне, а своей грациозной и ясной манерой изъясняться. Мы говорили на тысячи тем: о поэзии, Гёте, Италии, религии. И со своей стороны (говоря о религии) я имел случай повторить ему эту мысль, что родилась в разговоре с Вами в Веймаре и которая, кажется, распространяет столько ясности на наше *предназначение в целом*. Я обязан ею Вам; необходимо Вам вернуть ее; но я не знаю, смог ли бы я выразиться на бумаге с той же ясностью, что была у меня в момент ее рождения. Однако попробую: «Философы ищут истину позитивную, но никогда ее не найдут; человек не в состоянии ее найти, если бы ее нашли, мир бы закончился; *истина* есть Бог; для человека Бог непостижим; человеческий разум его никогда не поймет; рассудок не может обнять его безмерность, но вера может полностью его принять. Какова же цель человека, если ему не дано найти истину, истину позитивную, которая все объясняет и делает его хозяином всего? – Цель человека есть истина *прогрессив-*

ная, если можно так сказать. Он создан Богом для Бога. Он существует, чтобы непрерывно стремиться к этой высшей цели. Никогда в целую вечность он не сможет ее достичь, но с каждым шагом он может к ней приближаться. И каждый шаг, приближающий нас к Богу, вносит большую ясность в мысли о его природе. Чем яснее мы понимает Бога, тем более наша душа наполняется счастьем. Но что же это за счастье? – Это смирение, то есть забвение себя перед лицом Всевышнего. Смирение есть самое великое достижение человека, ибо все, что теряешь, с одной стороны, от знания о самом себе, находишь, с другой – в знании, приобретенном от Бога; и это чувство собственной ничтожности перед лицом Бога есть ни что иное, как блаженство души, которая верит, надеется и любит. Что же такое смирение? Вера, любовь и упование, объединенные в одно чувство. Каково же предназначение человека? Вечно расти в этом смирении, которое может возрастать, и его может хватить нам на целую вечность в этом мире и ином». – Вот все, что я сказал нашему Мандзони. Два часа пролетели как два мгновения в обществе этого притягательного человека. Его образ останется навсегда глубоко в моем сердце. Он вспоминал о Вас с дружбой, которую преданно хранит. Я не знаю, увижу ли я его еще, но несомненно, что никогда не забуду.

Прощайте, дорогой друг, мое письмо сделалось слишком длинным. Простите. Прошу не забывать меня. Кланяйтесь от меня Вашей супруге и невестке, а также Вашему сыну⁷. Обнимаю моих милейших друзей Шорна и Эккермана. Также прошу припасть к ногам госпожи Штейн и сказать ей, что спутники, которых она имела любезность дать мне в путешествие, господи Роштейн и Зауэрхард⁸, есть милейшие люди, правда не слишком простые и случайные гости весьма *приятного* общества, но я ей благодарен за знакомство с этими господами.

Прощайте.

Я не рассказываю Вам о Венеции, но она кружит мне голову. Я живу на берегу Большого канала, одно окно выходит на Пьяцетто, а другое на великолепную водную гладь, над которой возвышаются гигантские прекрасные <дефект бумаги>, колоссальные памятники исчезнувшего величия. Смирение!

Прошу Вас оказать любезность отправить почтой приложенное письмо⁹.

Всецело Ваш

Жуковский

19

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

11/23 февраля 1839 г. Веймар

Weimar, den 23. Febr^{uar} 39

Wie könnte ich unsern Erbgroßherzog nach Wien¹ abreisen lassen, ohne seinen Begleitern die herzlichsten Grüße für Sie, hochverehrter Freund! und ein schriftliches Zeichen treusten Andenkens mitzugeben!

Zuvörderst lebhaften, *immerwährenden* Dank für Ihren inhaltsreichen Brief aus Venedig, der mir von hohem Werte ist. Wie rein und gut haben Sie den Faden fortgesponnen, der im flüchtigen Gespräch zwischen uns sich anknüpfte und welches feste Gewebe von großartigen Ideen, so wie von frommen und das Gemüt beruhigenden Ansichten ist daraus hervorgegangen! – Ungemein hat es mich auch erfreut, dass *Manzoni* Ihnen so sehr zusagte, und dass Sie so genussreiche Stunden mit ihm erlebten.

Kästner² bestätigte mir auch in diesen Tagen Ihr Wohlfinden und Ihre Zufriedenheit mit Ihrem Aufenthalte in Rom³. Er beklagt nur lebhaft, Sie schon wieder zu verlieren. Und dass Sie Julie Egloffstein⁴ viel gesehen, ist ihrer jetzt hier anwesenden Schwester Line von großem Wert. Die letztere sagt Ihnen Tausend Schönes und Liebes. Fräulein Stein schließt sich aus ganzer Seele an; wie werden Sie sich wundern – oder auch nicht wundern – wenn ich Ihnen – wiewohl zurzeit noch *sub rosa* – melde, dass sie seit wenig Tagen eine sehr glückliche Braut unsers Hofrats Schorn ist! Gewiss nehmen Sie treuen Anteil; beide edle Menschen sind einander wert und ihre Verbindung verspricht auch unsern geselligen Verhältnissen einen dauernden Schmuck.

Was mich betrifft, so bin ich seit den letzten 3 Monaten ein sehr geplagter Landtagsmann; es fehlt nicht an Gelegenheit dabei, Gutes zu schaffen und Nachteiliges zu bekämpfen, aber meine *ganze* Zeit wird dadurch absorbiert. Von literarischen Neuigkeiten empfehle ich Ihnen die splendide neue Ausgabe des *Cid* von Herder (bei Cotta)⁵, und Immer-

manns „Münchhausen“⁶, obgleich er im ersten Buche die Geißel der Satire und Kritik über viele unserer neuesten Schriftsteller, namentlich über Raupach⁷, allzu leidenschaftlich schwingt, sodann „Schillers Leben und Geistesentwicklung von D. Hoffmeister“⁸, zwei treffliche Bände, Stuttgart, bei Balz⁹. Wenn Sie über Stuttgart reisen, werden Sie die nun vollendete Statue Schillers zu beschauen nicht versäumen, die vor 10. Mai feierlichst aufgestellt werden wird¹⁰.

Wie viel Herrliches und Großartiges werden Sie zu Neapel, Rom, Florenz erschaut und in Ihr inneres Heiligtum aufgenommen haben! Trostlos bin ich, dass durch Ihre jetzige Reiseroute *mir* der Mitgenuss oder besser der verklärte Nachgenuss aus Ihren Erzählungen versagt ist! Lassen Sie mich manchmal ein schriftliches Wort der Entschuldigung hören; es wird mich erfrischen und erbauen. Gute Sterne geleiten Sie nach dem stolzen Albion und heimwärts; noch jubelnder will ich sie preisen, wenn sie dem teuren Freunde einst wieder nach *Weimar* zu leuchten! Eckermann, Schorn, meine Frau, Sohn und Schwiegertochter – alle wollen Ihnen angelegentlichst empfohlen sein.

Die Frau Großherzogin spricht oft und in vollster Anerkennung von Ihnen, auch steht ein gewisser Beschluss für Sie längst fest. In Wien würde die Bruderschaft mit dem edlen Grillparzer¹¹ Sie sehr interessieren; er lebt aber sehr zurückgezogen. Wenn Sie ihn sehen oder aufsuchen, sagen Sie ihm recht viel Herzliches von mir.

Immerfort mit voller Seele der Ihrigste

von Müller

Lassen Sie mich doch ja durch Graf Beust¹² einige Zeilen Ihrer lieben Hand empfangen! Könnten Sie nicht einmal unseren Erbgroßherzog im Gespräch auf Eckermann bringen und den Gedanken hinwerfen, dass er ihn mit sich nach England nehme? Gewiss würde er gute Früchte davon ernten. Aber es müsste bloß der augenblickliche Gedanke von Ihnen hervortreten.

Перевод:

Веймар, 23 фев<аля> 39

Как я мог позволить нашему наследному великому герцогу уехать в Вену¹, не передав его спутникам самые сердечные приветы

для Вас, глубокоуважаемый друг, и письменное подтверждение верных воспоминаний!

Прежде всего, живо и *беспреданно* благодарю за Ваше содержательное письмо из Венеции, которое очень ценно для меня. Как аккуратно и хорошо Вы протянули нить, завязавшуюся в мимолетном разговоре между нами, и какое прочное полотно великих идей, а также благочестивых и успокаивающих убеждений возникло из этого! – Необычайно порадовало меня также, что *Мандзони* так понравился Вам и что Вы провели с ним такие приятные часы.

Кестнер² заверил меня на днях в Вашем благополучии и Вашей удовлетворенности пребыванием в Риме³. Он лишь только очень сетует, что снова расстался с Вами. И то, что Вы часто видели Юлию Эглоффштейн⁴, весьма ценно для ее ныне пребывающей здесь сестры Лины. Последняя передает Вам тысячу прекрасных и сердечных приветов. Фройляйн Штейн присоединяется всей своей душой; как же Вы удивитесь – или же не удивитесь, когда я Вам – хоть в данное время и по секрету – сообщу, что с недавнего времени она счастливая невеста нашего придворного советника Шорна! Несомненно, Вы проявите искренний интерес; оба благородные люди и достойны друг друга, и их союз обещает быть прочным украшением и взаимоотношениям в нашем дружеском кругу.

Что касается меня, то в течение последних трех месяцев я был одержим работой в ландтаге, при этом не испытывая недостатка в возможностях творить добро и бороться со злом, но этим поглощено *все* мое время. Из литературных новинок я рекомендую Вам великолепное новое издание «*Сиды*» Гердера (от Котты)⁵ и «*Мюнхгаузена*» Иммермана⁶, хотя в первой книге он слишком страстно размахивает плетью сатиры и критики в отношении многих наших новых авторов, особенно Раупаха⁷; а также «*Жизнь и духовный путь Шиллера*» д<октора> Хоффмайстера⁸, два превосходных тома, из Штутгарта от Бальца⁹. Если Вы будете проезжать через Штутгарт, то не упустите возможности осмотреть завершенную статую Шиллера, которая будет торжественно установлена 10 мая¹⁰.

Как много славного и великолепного Вы, вероятно, могли наблюдать в Неаполе, Риме, Флоренции и поместить это в свое внутреннее святилище! Прискорбно, что на Вашем нынешнем маршруте *мне* отказано в удовольствии насладиться совместной ра-

достью или, вернее, осмыслением ее послевкусия в Ваших рассказах! Позвольте мне как-нибудь получить пару слов в письмах в качестве извинений за это; они взбодрят и обрадуют меня. Добрые звезды ведут Вас к гордому Альбиону и обратно; еще восторженнее я буду восхвалять их, если они снова заведут дорогого друга в *Веймар*! Эккерман, Шорн, моя жена, сын и невестка – все настоятельно просят рекомендовать их Вам.

Великая герцогиня говорит о Вас часто и с глубочайшей признательностью, и определенное решение в отношении Вас уже давно принято. В Вене Вас должно заинтересовать знакомство с благородным Грильпарцером¹¹; однако живет он очень уединенно. Когда Вы увидите его или посетите, передайте ему обязательно много сердечных слов от меня.

Всегда, всей душой искренне Ваш

фон Мюллер

Позвольте мне получить через графа Бейста¹² несколько строк, написанных Вашей дорогой рукой! Не могли бы Вы как-нибудь упомянуть в разговоре с нашим наследным великим герцогом об Эккермане и внушить ему мысль взять его с собой в Англию? Несомненно, он пожнет добрые плоды от такого решения. Однако эта мысль должна прозвучать как то, что Вам неожиданно пришло в голову.

20

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

16/28 июня 1839 г. Веймар

à Weimar, ce 28 Juin 39

Comment est-il possible, mon très cher Ami, que Vous quittiez à Francfort Votre auguste Grand Duc pour voyager plus à Votre aise et nommément pour voir Votre ami Reutern, et que néanmoins Vous dédaigniez de passer par Weimar¹. Je Vous ai défendu de mon mieux vis-à-vis de *Frèdo*² et de tant d'autres personnes soutenant toujours que certainement Vous ne feriez pas assez infidèle pour tromper nos plus douces espérances, et que sans doute Vous viendriez un beau matin nous

surprendre, mais depuis qu'aujourd'hui la gazette d'Etat m'annonce Votre arrivée à Berlin, je ne sais vraiment plus que dire.

Mme la Grande Duchesse, avant de partir pour Kissingen, m'avait averti de l'époque où on pouvait attendre Votre passage et m'avait même sommé de ne pas bouger de Weimar afin de ne pas Vous manquer. Combien S. A. I. était-Elle en erreur sur Vos intentions! Vous ne pensiez pas même à venir nous voir! Bref – je suis au désespoir de ne plus trouver aucune excuse pour Vous et de devoir avouer que Vous nous avez abandonnés.

Combien n'en aurions-nous pas à nous communiquer! J'aurais été trop heureux de Vous entendre causer sur Rome, sur Vienne et surtout sur la Fièrre Grande-Bretagne, à ne pas oublier nos amis de Rome, Julie Egloffstein et Kaestner. Mlle de Stein va se marier dans peu de jours (4 juillet) avec M. de Schorn. Elle aussi doit être bien fâchée de Vous voir si peu soucieux de Vos Amis de Weimar.

Enfin – il faut se résigner, – mais je ne Vous le cache pas – c'est avec bien du chagrin que je renonce au bonheur tant désiré de Vous revoir. Je vous écris ces lignes bien fugitives pour Vous attraper encore à Berlin, car une fois arrivé à St. Pétersbourg il sera doublement difficile de Vous arracher quelques mots. Promettez-moi au moins de dire mille tendresses de ma part à Mme de Tcheffkin et de ne pas quitter Berlin sans m'expliquer pourquoi Vous n'êtes point venu à Weimar recueillir nos saluts cordiaux et nos bénédictions.

Quoiqu'il en soit – toujours à Vous de cœur et d'âme,

Fr. de Müller

Перевод:

Веймар, 28 июня 39

Как такое возможно, мой дорогой друг, чтобы Вы, оставив во Франкфурте августейшего великого князя ради путешествия в свое удовольствие, и, к тому же, ради встречи с Вашим другом Рейтерном, при том не сообразовали заехать в Веймар¹. Я старался изо всех сил оправдать Вас перед лицом Вашего Фредо² и всех остальных, уверяя, что, несомненно, Вы не поступите нечестно и не обманете наших самых добрых надежд и что, вероятно, Вы приедете од-

ним прекрасным утром, чтобы удивить нас. Но как только сегодняшняя государственная газета сообщила мне о Вашем приезде в Берлин, я, действительно, больше не знаю, что сказать.

До своего отъезда в Киссинген великая герцогиня предупредила меня о времени Вашего возможного приезда и даже настаивала на том, чтобы я не покидал Веймар, чтобы не пропустить Вашего визита. Насколько же её императорское высочество заблуждалась на счет Ваших намерений! Вы и не думали посещать нас!

Говоря коротко, я в отчаянии и не нахожу никакого оправдания для Вас и вынужден признать, что Вы нас оставили.

Сколько еще предстоит нам не общаться! Я был бы очень рад услышать Ваш рассказ о Риме, Вене и, в особенности, о надменной Великобритании, памятуя о наших друзьях из Рима Юлии Эглоффштейн и Кестнере. Мадемуазель де Штейн через несколько дней (4 июля) выходит замуж за господина фон Шорна. Она также, должно быть, очень сердится за то, что Вас мало волнуют Ваши веймарские друзья.

Ну что же, нужно смириться, – но я от Вас этого не скрываю – что я с огромным огорчением отказываю себе в таком желанном счастье вновь видеть Вас. Я пишу Вам эти беглые строки, чтобы застать Вас еще в Берлине, так как после прибытия в Санкт-Петербург от Вас будет вдвойне сложнее услышать и пару слов.

По крайней мере, обещайте мне передать тысячу нежных слов госпоже Чевкиной и не покидать Берлина, не объяснив мне, почему Вы не приехали в Веймар, чтобы получить наши сердечные приветы и благословения.

Как бы то ни было – всегда Ваш сердцем и душой

Фр. де Мюллер

21

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

21 июля / 1 августа 1839 г. Петергоф

Mon cher ami, vous avez bien raison de vous étonner que j'ai manqué Weimar à mon passage de Francfort à Berlin. La raison en est que le temps m'a manqué à moi. Je suis allé de Francfort avec Reutern à Willingshausen où se trouva maintenant toute sa famille; là je suis resté

un jour de plus que je ne comptais y rester. Après il a fallu se hâter pour arriver à temps à Berlin où le temps était strictement marqué; nous avons pris le chemin un peu plus direct par Magdebourg et par une porte du Reuss que (je n'ai pas encore vu). Tout cela a fait que je n'ai pas pu vous voir à Weimar. Et j'avoue, il m'aurait été bien possible de n'y venir que pour changer des chevaux. Mais, à présent, arrivé ici et hors des circonstances qui ont déterminé alors ma route, je regrette infiniment ces moments bien courts que j'aurais pu passer dans la société d'un ami comme vous et je ne connais pas comment cela a pu se faire. Mais je ne désespère pas de me retrouver avec vous dans quelque temps d'ici. Peut-être pourrai-je entreprendre un voyage pour mon propre compte: entièrement libre dans le choix du pays à voir et dans l'emploi et la durée du temps. Car vraiment il faut avant de mourir *revoir l'Angleterre à loisir* pour avoir une idée plus complète de ce qui se trouve de plus beau sur la terre; et faire un *séjour plus long* en Italie pour se préparer au Ciel par la connaissance de ce qui est le plus céleste dans le monde. Alors naturellement je ferai un pèlerinage à Weimar pour y retrouver mon excellent Müller; qui de loin et de près me sera cher et le sera jusqu'au moment où nous nous rencontrerons là où il n'y aura plus ni temps, ni distance; où on ne se dit plus adieu, et on ne s'écrit pas de lettres.

Joukovsky

21 juillet v.s. 1839 Peterhof

P.S. J'ai reçu, à mon retour à Pétersbourg une très aimable lettre de Mademoiselle de Stein², cette lettre m'a été remise.

Перевод:

Любезный друг, Вы вправе удивляться, что я не заехал в Веймар по дороге из Франкфурта в Берлин. Причиной этого стало время, которого мне недоставало. Я уехал с Рейтерном из Франкфурта в Виллингсхаузен, где находилась его семья: там я остался на один день более, нежели рассчитывал. После нужно было поторопиться, чтобы приехать в Берлин, в коем пребывание было ограничено; мы направились прямо в Магдебург и к воротам Ройса (который я еще не видел)¹. Именно поэтому я не смог навестить Вас в Веймаре. Признаю, мне было бы возможно туда приехать лишь для смены лоша-

дей. Но сейчас, добравшись сюда и будучи вне обстоятельств, которые определили мою дорогу, я бесконечно сожалею об этих коротких мгновениях, которые я мог бы провести в обществе такого друга, как Вы, и я не знаю, как это могло случиться. Но я не теряю надежды оказаться рядом с Вами спустя некоторое время. Я, вероятно, смогу предпринять путешествие за свой счет: свобода в выборе страны и в употреблении времени. Прежде, чем умереть, подлинно нужно *вновь увидеть Англию, не считаясь со временем*, чтобы иметь более полное представление о самом прекрасном, что есть на земле; и *подолее побыть* в Италии, чтобы приготовиться к Небесам, познав самое божественное в этом мире. Тогда, естественно, я совершу паломничество в Веймар к моему милейшему Мюллеру, который вдали и вблизи будет дорог мне и будет оставаться таковым до тех пор, пока мы не встретимся там, где нет более ни времени, ни расстояния, там, где не прощаются и не пишут писем.

Жуковский

21 июля старого стиля 1839. Петергоф

P.S. По возвращении в Петербург я получил очень любезное письмо от мадмуазель Штейн², это письмо было передано мне.

22

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

20 октября / 9 ноября 1839 г. Царское Село

Mon cher et très cher ami,

Je vous ai écrit à mon retour à Pétersbourg (dans le courant du mois de juillet je crois), je ne sais pas si vous avez reçu ma lettre. Elle vous a expliqué les circonstances qui ont fait que j'ai manqué Weimar à mon passage pour Berlin. A présent, hors de ces circonstances et loin de vous pour longtemps, je regrette amèrement d'avoir laissé passer sans la saisir au vol l'occasion de revoir un ami tel que vous. L'absence ne vous fait pas tort; au contraire elle me fait souvent désirer vivement le retour de ces moments de *Zusammensein*¹ dont on jouit si pleinement, si tranquillement lorsqu'on se trouve avec vous. Cela fait que je ne dis pas adieu à Weimar et qu'un voyage pour *moi seul, à loisir*, est devant moi comme une

agréable perspective vue des fenêtres d'un hermitage où l'on se repose après une course assez longue.

Depuis mon retour j'ai fait encore quelques courses; j'ai été à Moscou et de là à Orel pour revoir mes parents². Depuis quinze jours je suis de nouveau à Pétersbourg et peu à peu je commence à rentrer dans l'ancienne ornière. Nous avons été dans ces derniers temps inquiétés par les maladies de l'Impératrice, des Grandes Duchesses Marie et Olga et dernièrement par celle de Grand Duc Héritier mais Dieu merci nos inquiétudes commencent à passer. Je ne sais pas ce que je deviendrai à présent; je suis encore dans le vague. Il n'y a pour le moment de clair pour moi que le désir de consacrer le reste de ma vie à une tranquille activité littéraire, exempte de tout désir ambitieux: une telle existence est la plus saine pour les vieux ans; elle fait qu'on s'approche insensiblement vers son terme et qu'on quitte la vie comme un réduit hospitalier en remerciant le maître de la maison pour sa réception et en acceptant cordialement son invitation pour un autre séjour où il se montrera encore plus hospitalier et aimable.

Je joins à cette lettre une autre pour la comtesse Egloffstein³. Veuillez bien, mon excellent ami, la lui faire parvenir à son adresse. Je vous dis adieu. Rappelez-moi au souvenir bienveillant de Mme de Müller et à celui de votre fils et de son aimable épouse. Si Schorn est marié tant mieux pour lui car il pourra mieux qu'un autre chanter le vers de Schiller

Wer ein holdes Weib errungen
Mische seinen Jubel ein⁴.

Je vous prie de bien presser la main à lui et à sa femme pour mon compte, j'embrasse le brave Eckermann. Adieu. Amitié fidèle et inviolable.

Tout à vous

Joukovsky

20 octobre / 9 novembre 1839. Zarskoe Selo

J'ai reçu à mon retour à Pétersbourg une très aimable lettre de Mademoiselle de Stein⁵; cette lettre m'a été rendue par un peintre de portrait⁶ (qui m'a déjà fourré dans son album). Elle me parle de son prochain mariage avec notre excellent Schorn. Je voudrais bien la

remercier moi-même et pour cette aimable lettre et pour la bonté qu'elle a eu de trouver un homme digne d'être heureux par elle et capable de lui rendre bonheur pour bonheur; mais je ne sais pas encore comment adresser ma lettre à *Mme Schorn* ou à *Mlle Stein*? Faites-moi savoir ce qui en est.

Veillez bien remettre la lettre ci-jointe à son adresse.

Перевод:

Мой драгоценнейший друг,

Я писал Вам по возвращении в Петербург (полагаю, в июле месяце) и не знаю, получили ли Вы мое письмо. В нем я объяснил обстоятельства, которые вынудили меня не заезжать в Веймар по пути в Берлин. Ныне, будучи вне этих обстоятельств и вдали от Вас на долгое время, я горько сожалею, что не воспользовался случаем вновь увидеть такого друга, как Вы. Разлука не отнимает Вас у меня, напротив, она часто заставляет меня горячо желать, чтобы вернулись эти мгновения *Zusammensein*¹, которыми так полно, так спокойно наслаждаешься, когда находишься подле Вас. Потому я не прощаюсь с Веймаром, и путешествие для *меня одного, без спешки*, стоит передо мною как приятная перспектива, открывающаяся из окон эрмитажа, где отдыхаешь после долгой поездки.

Возвратившись, я совершил еще несколько поездок; был в Москве, затем в Орле, где повидался с близкими². Уже две недели как я в Петербурге и понемногу начинаю возвращаться к прежней жизни. В последнее время мы были обеспокоены здоровьем императрицы, великих княжон Марии и Ольги и великого князя, но, благодарение Богу, наши опасения начинают отступать. Не знаю, чем буду заниматься теперь, я все еще нахожусь в неопределенности. Пока что для меня ясно лишь желание посвятить остаток жизни спокойному занятию литературой, свободному от честолюбивых желаний: такое существование есть самое разумное для преклонных лет; с ним незаметно приближаешься к своему концу и покидаешь жизнь, как гостеприимное пристанище, благодаря Хозяина дома за прием и сердечно принимая Его приглашение в иное жилище, в котором Он будет еще гостеприимнее и любезнее.

Прилагаю к сему письму еще одно – для графини Эглоффштейн³. Прошу, мой милейший друг, доставить его на ее адрес. Прошаюсь. Любезно кланяйтесь от меня госпоже Мюллер, Вашему сыну и его милой супруге. Если Шорн женился, тем лучше для него, ибо он сможет лучше, нежели кто иной, пропеть стих Шиллера

Wer ein holdes Weib errungen
Mische seinen Jubel ein⁴.

Прошу от моего имени пожать руку ему и его жене; обнимаю славного Эккермана. Прощайте. Дружба верна и нерушима.

Всецело Ваш

Жуковский

20 октября / 9 ноября 1839. Царское Село

Возвратившись в Петербург, я получил очень милое письмо от госпожи де Штейн⁵; это письмо передал мне один художник-портретист⁶ (который уже упрятал меня в свой альбом). Она пишет о предстоящем браке с нашим милейшим Шорном. Я хотел бы сам поблагодарить ее и за это милое письмо и за то, что она нашла человека, достойного счастья и способного сделать счастливой и ее; но я не знаю, кому адресовать мое письмо, *госпоже Шорн* или *мадемуазель Штейн*? Дайте мне знать, как обстоят дела.

Прошу передать приложенное письмо по адресу.

23

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

6/18 апреля 1840 г. Веймар

à Weimar, ce 18/4 40

A peine, mon excellent Ami, Vous nous avez quittés¹ et voilà que déjà mes lettres Vous poursuivent. Le billet ci-joint de Madame de Beaulieu m'est arrivé trop tard pour que j'aie pu m'acquitter verbalement de commissions qu'il contient pour Vous². Je m'empresse donc de Vous le transmettre en original. Comme je Vous connais également l'Ami bienveillant de la mère que de la fille, j'ose espérer que Vous voudrez

bien faire Votre possible pour obtenir une décision favorable et m'en donner bientôt connaissance.

S. A. I. Madame la Grande-Duchesse m'a déjà questionné si je n'avais point encore des nouvelles de Vous, de Votre établissement à Darmstadt et comment Vous Vous complaisez? Elle y prend un vif intérêt et me parle déjà de différentes excursions à Iéna et Dornburg qu'elle désire Vous faire faire quand Vous tiendrez Votre promesse de venir dans le cours de l'été passer tranquillement quelques semaines à Weimar. Quelle belle perspective dont je jouis d'avance avec délice. Je Vous félicite de tout mon cœur de la vive joie que l'heureux accouchement de S. A. I. la Grande Duchesse Marie³ doit vous avoir causée.

Songez que la nouvelle en est arrivée déjà le quatrième jour chez nous.

Eh bien, Monsieur de Gagern?⁴ En avez-Vous fait la connaissance et comment l'avez-Vous trouvé? Son jugement que la Princesse Marie⁵ s'embellissait de jour en jour, le trouvez-Vous fondé?

Adieu pour aujourd'hui, mon très cher Ami; ma famille et les Schorns Vous font dire mille et mille caresses. Vous me ferez un plaisir infini en m'assurant bientôt que Vous Vous portez à merveille et que

Vous me conservez la place que j'ambitionne dans Votre souvenir.

Fr. de Müller

Перевод:

Веймар, 18/4 40

Мой дражайший друг, Вы едва успели покинуть нас¹, а письма от меня уже преследуют Вас. Приложенная здесь записка госпожи де Больё дошла до меня слишком поздно, так что я не мог сообщить о том поручении для Вас, которое она содержит². Поэтому я спешу передать ее Вам в оригинале. Поскольку я знаю Вас как благосклонного друга как матери, так и дочери, то смею надеяться, что Вы пожелаете сделать всё от Вас зависящее, чтобы получить положительное решение, и сообщите мне о нем в скором времени.

Её императорское высочество великая герцогиня уже спрашивала меня, нет ли новостей о Вас, о Вашем обустройстве в Дармштадте и о том, как Вам там нравится? Она проявляет живой интерес и

уже рассказывает мне о разнообразных экскурсиях в Йену и Дорнбург, которые она хотела бы убедить Вас совершить, когда Вы сдержите обещание и приедете к нам летом, чтобы провести несколько спокойных недель в Веймаре. Какая замечательная перспектива, которой я заранее рад, и с величайшим удовольствием. Я поздравляю Вас от всего сердца с большой радостью, причиной которой стали счастливые роды её императорского высочества великой княжны Марии³.

Только подумайте, новость об этом пришла к нам уже на четвёртый день.

Как господин Гагерн?⁴ Вы познакомились с ним? И как Вы его находите? Считаете ли Вы обоснованным его суждение о том, что принцесса Мария⁵ день ото дня хорошеет?

На сегодня прощайте, мой дорогой друг, моя семья и семья Шорнов просят передать Вам тысячи нежных слов.

Вы доставите мне бесконечное удовольствие, сообщив в самом скором времени о Вашем добром здравии и сохранив для меня то место, на которое я претендую в Вашей памяти.

Фр. де Мюллер

24

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

10/22 апреля 1840 г. Дармштадт

Mon cher ami,

Voici ma réponse à madame de Beaulieu que je vous prie de lui envoyer sans retard.

Nous voici installés à Darmstadt; l'affaire en question va bon train et bientôt tout sera décidé comme on le peut désirer. Notre princesse est charmante et celui qui en est le plus intimement persuadé c'est le Grand Duc: que Dieu bénisse son avenir qui se décide à l'heure qu'il est.

Votre lettre à M. de Gagern a été remise à l'hôtel de Darmstadt où il demeure mais il est absent en ce moment; à son retour j'espère le voir et faire sa connaissance. Quant aux projets de mes voyages à Weimar, il faut se résigner à ne pas voir leur exécution car me voilà en train d'enseigner l'a b c russe à notre aimable princesse; cette occupation exigera que je reste constamment à Darmstadt durant notre séjour dans cette ville. Peut-

être à l'arrivée de l'Impératrice (si elle a lieu) serai-je un peu plus libre; mais alors je profiterai de mon loisir pour faire une excursion sur les bords du Rhin et surtout à Trèves que je n'ai pas vu et qui est si éminemment intéressant pour tous ceux qui aiment l'antiquité classique et romantique. Si je retourne en Russie seul, c'est par Weimar que je prendrai ma direction. Ainsi donc mon cher, encore une fois au revoir. Mes amitiés et respects à madame de Müller, à votre fils et à sa charmante épouse avec mon filleul, à mes bons amis M. et Mme Schorn et à Eckermann. Je vous désire tous les biens possibles et une bonne mémoire de cœur pour moi.

Tout à vous

Joukovsky

ce 22 avril 1840 Darmstadt

Перевод:

Дорогой друг,
вот мой ответ к г-же Больё, прошу отправить его ей без промедлений¹.

Мы теперь в Дармштадте; известное Вам дело идет успешно, и вскоре все решится, как и можно желать. Наша принцесса очаровательна, и великий князь убежден в этом более всех: пусть Господь благословит его будущее, которое решается в сей час².

Ваше письмо к г-ну Гагерну было передано в гостиницу Дармштадта, где он остановился, но в настоящее время его нет; по его возвращении я надеюсь увидеть его и познакомиться с ним. Что до моего путешествия в Веймар, нужно смириться, что его не случится, ибо я теперь обучаю нашу милую принцессу русской грамоте; это занятие требует, чтобы я постоянно оставался в Дармштадте, пока мы находимся в этом городе. Может статься, что по приезде императрицы (если таковой произойдет)³ я буду немного свободнее; но тогда я воспользуюсь свободным временем для прогулки по берегам Рейна и, главным образом, по Треву, который я не видел и который чрезвычайно интересен для тех, кто любит классическую и романтическую древность. Если я вернусь в Россию один, то обязательно направлюсь туда через Веймар. Итак, мой дорогой друг, еще раз до свидания. Мой дружеский привет и почтение г-же Мюллер,

Вашему сыну и его очаровательной супруге с моим крестником, моим добрым друзьям г-ну и г-же Шорн и Эккерману. Желая Вам всех возможных благ, и храните добрую память обо мне.

Всецело Ваш

Жуковский

22 апреля 1840 Дармштадт

25

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

14/26 мая 1840 г. Веймар

à Weimar, ce 26/5 40

Il manquait peu, mon très cher Ami, que je dusse dater ma lettre des rives du Styx ou du Cocyte; peu de jours après Votre dernière aimable lettre, je suis saisi d'une attaque nerveuse tellement sérieuse que je suis encore à m'en remettre tout-à-fait, et que nommément lecture et écriture m'étaient interdites complètement jusqu'à ces derniers jours. J'ai fait aujourd'hui ma première promenade (en voiture toutefois) et elle m'a fait beaucoup de bien. Si le beau temps continue je vais le plutôt possible me rendre à Bergern, ma petite campagne à 2 lieues d'ici, et au commencement du juillet j'espère cheminer vers le Rhin et avoir le bonheur de Vous revoir. Car je n'ose point me flatter de Vous voir accompagner Votre Grand Duc que nous attendons ici de jour en jour dans la course hâtive pour Berlin, il n'est que trop probable que Votre aimable Princesse¹ Vous retiendra dans ses lieux. Si, comme on le dit, une bonne lithographie de ses charmants traits va paraître ou a déjà paru à Darmstadt, Vous feriez une bien bonne action de me l'envoyer, mon excellent Ami!

Mme de Beaulieu a été infiniment sensible à Votre lettre et à l'extrême promptitude avec laquelle Vous avez répondu à ses instances.

M. de Gagern n'est malheureusement plus revenu à Darmstadt; je Vous prie donc de lui envoyer ma lettre à Murnau, près de Höchst.

Les gazettes parlent d'une excursion que Vous devez avoir faite à Baden²; j'en suis enchanté pour Vous car je ne connais point d'endroit en Allemagne qui réunisse tant de charmes.

Tourguéneff ne viendra-t-il point Vous chercher cet été?³ Je désirerais infiniment le revoir.

Si Vous me faites le plaisir de m'écrire bientôt quelques lignes, je voudrais bien que Vous insériez quelques mots pour Mme la Grande Duchesse vu qu'Elle me demande toutes les fois: est-ce qu'il me fait saluer? Vous devez voir par là quel vif intérêt Elle Vous porte.

Votre petit filleul⁴ vient d'être vacciné hier, il se porte à merveille.

Adieu, cher et précieux Ami! pour la vie et pour la mort

Tout à Vous

Fr. de Müller

Перевод:

Веймар, 26/5 40

Мой дорогой друг, еще немного, и моё письмо пришло бы с берегов Стикса или Коцита. Спустя несколько дней по получении Вашего последнего любезного письма меня поразил нервный приступ, настолько серьёзный, что я еще не совсем от него оправился, а чтение и письмо мне были совершенно непозволительны до сегодняшнего дня. Сегодня я совершил свою первую прогулку (однако только в карете), и она принесла мне большую пользу. Если будет хорошая погода, я отправлюсь как можно скорее в Бергерн, в свою маленькую деревеньку в 2 милях отсюда, а в начале июля я надеюсь поехать к Рейну и иметь счастье снова видеть Вас. Так как я даже не смею тешить себя надеждой увидеть Вас в сопровождении великого князя, которого мы ждём со дня на день по пути в Берлин, велика вероятность того, что Ваша любезная принцесса¹ сможет удержать Вас. Если, как говорят, хорошая литография с изображением её очаровательных черт появится или уже появилась в Дармштадте, Вы совершите благое дело, отправив её мне, мой замечательный друг!

Госпожа Больё была бесконечно тронута Вашим письмом и чрезвычайной спешностью, с которой Вы ответили на её настоятельные просьбы.

Господин Гагерн, к сожалению, больше не возвращался в Дармштадт, так что я попрошу Вас отправить ему моё письмо в Мурнау близ Хёхста.

Газеты сообщают о прогулке, которую Вы совершили в Баден², я очень рад за Вас, ибо я не знаю другого места в Германии, которое бы заключало в себе столько обаяния.

Приедет ли Тургенев к Вам этим летом?³ Я бесконечно желаю видеть его вновь.

Если Вы доставите мне удовольствие и вскоре напишете несколько строк, я хотел бы, чтобы Вы вставили пару слов для великой герцогини, ввиду того, что она всякий раз спрашивает меня: «Шлет ли он мне привет?». По этим словам видно, какой живой интерес она к Вам проявляет.

Ваш маленький крестник⁴ только вчера был привит и чувствует себя прекрасно.

Прощайте, навечно дорогой и бесценный друг!
Всецело ваш

Фр. де Мюллер

26

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

5/17 июля 1840 г. Дармштадт

Mon cher, mon excellent ami,

J'ai bien tardé avec ma réponse à votre dernière lettre. Elle a été bien triste pour moi car elle parle de votre maladie; j'espère que votre état s'est amélioré depuis; mais la conversation que j'ai eue il y a deux ou trois jours (à mon départ d'Ems¹) avec madame de Werthern² sur votre compte, m'a donné sur vous des inquiétudes; vous m'obligerez infiniment en me mandant tout ce qui en est avec bien de détails: vous êtes du nombre de ceux auxquels mon cœur tient intimement. Il s'est passé bien des choses avec moi dans ces derniers temps; elles m'ont absorbé complètement et sont causes de ce que toutes mes correspondances furent pour un moment paralysées. Je ne vous en parle pas encore; peut-être n'en parlerai-je du tout³. Mais à notre entrevue à Weimar (qui probablement n'aura lieu que vers le 15 octobre⁴) j'aurai peut-être beaucoup à vous dire.

A présent une prière: voici une lettre que je vous prie de faire parvenir à son adresse le plutôt possible. C'est encore une lettre retardée, que faire. J'ai mon excuse au moins devant ma conscience dans les

circonstances qui m'ont obsédées. Je n'ai pas pu profiter de votre recommandation pour M. de Gagern. Il ne s'est pas trouvé à Darmstadt à mon arrivée et n'y a pas paru depuis. La lettre lui a été envoyée plus tard à l'endroit de sa résidence.

Adieu, mon excellent ami; la perspective de vous revoir à Weimar me réjouit le cœur. Je me réjouis de même de l'espérance de revoir notre adorable Grande Duchesse; lorsque vous la verrez (ce qui probablement ne sera pas de si tôt) veuillez bien lui exprimer ces sentiments du sincère et reconnaissant dévouement qui remplissent mon cœur pour elle. Ce sentiment fier a beaucoup de souvenirs qui me resteront toujours chers. Lorsque je serai à Weimar j'aurai l'honneur de mettre aux pieds de Son Altesse Impériale un exemplaire d'*Undine* qu'elle a daigné me demander et que j'ai fait venir de Pétersbourg.

Mes saluts d'ami à votre excellente épouse, à votre fils et à votre aimable belle-fille. C'est avec le plus grand plaisir que je vous dis: au revoir.

Le vôtre avec amitié et respect

Joukovsky

17 juillet 1840 Darmstadt

Je reste à Darmstadt jusqu'au 12 août.

Перевод:

Мой драгоценнейший друг,

Я довольно долго медлил с ответом на Ваше последнее письмо. Оно было очень печальным для меня, ибо поведало о Вашей болезни. Надеюсь, что Ваше самочувствие с тех пор улучшилось; но разговор, который я имел на Ваш счет два или три дня назад (по отъезде из Эмса¹) с госпожой Вертерн², вселил в меня беспокойство за Вас; Вы бесконечно обяжете меня, обстоятельно сообщив все о своем состоянии: Вы принадлежите к числу тех, к коим мое сердце глубоко привязано. В последнее время со мной произошло много всякого, что полностью поглотило меня и явилось причиной задержки в переписке. Я пока не говорю Вам; может статься, и совсем не расскажу³. Но при встрече в Веймаре (которая состоится, вероятно,

лишь к 15 октября⁴) мне, может быть, многое нужно будет Вам сказать.

Теперь просьба: вот письмо, которое я прошу доставить по адресу как можно скорее. Это еще одно запоздалое письмо, ничего не поделать. Как бы то ни было, у меня есть оправдание перед своей совестью при тех обстоятельствах, что неотступно преследовали меня. Я не смог воспользоваться Вашей рекомендацией, данной мне для г-на Гагерна. Его не было в Дармштадте по приезде, и он более не появлялся. Письмо было отправлено ему позднее на его постоянный адрес.

Прощайте, милейший друг, мысль увидеть Вас в Веймаре радует мое сердце. Я также рад надежде увидеть нашу обожаемую великую герцогиню; когда Вы встретите ее (что, вероятно, случится не так скоро), выразите ей чувства искренней и благодарной преданности, которыми наполнено мое сердце. Это возвышенное чувство живет многими воспоминаниями, которые останутся дороги мне навсегда. Когда я буду в Веймаре, буду иметь честь принести к ногам ее императорского высочества экземпляр «Ундины», который она соизволила у меня попросить, и который я выписал из Петербурга.

Мой дружеский поклон Вашей любезной супруге, сыну и милой невестке. С большим удовольствием говорю Вам: до свидания.

Ваш с дружбою и уважением

Жуковский

17 июля 1840 Дармштадт

Я пробуду в Дармштадте до 12 августа.

27

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

31 июля / 12 августа 1840 г. Франкфурт-на-Майне

Mon cher ami,

J'ai vainement attendu votre lettre qui devait décider sur le sort de la comtesse Egloffstein, c'est-à-dire sur Hagar¹ qui étant son enfant, peut aussi avoir le droit de s'approprier son nom et son titre. Ce tableau se trouve à présent chez M. d'Oubril², notre ministre à Francfort. Je l'ai prié de garder encore quelque temps chez lui. Il pourra rester dans cette

attente jusqu'à la fin d'août. Dans ce temps on pourra s'adresser à Oubril et faire avec lui toutes les dispositions nécessaires. C'est-à-dire le tableau pourra être envoyé à Hildesheim³, y rester un jour, et revenir chez monsieur d'Oubril pour être expédié après pour Pétersbourg. Donnez-vous la peine de prendre sur vous tous ces arrangements. Dites de ma part à la comtesse Julie qu'il m'a été impossible de rien faire pour le moment pour elle. Le temps a été trop court et l'Impératrice a été trop obsédée par mille autres choses⁴. Mais je reviendrai à l'affaire à mon retour à Pétersbourg qui aura lieu dans le mois d'octobre⁵. Nous verrons encore à Weimar et nous parlerons de cela plus au long⁶.

Qu'est devenu Ungern-Sternberg⁷. Je n'ai reçu de lui aucune réponse.

Adieu, mon excellent ami. Nous avons beaucoup parlé de vous avec Radowits⁸ qui a apprécié votre rare mérite. L'idée de vous revoir chez vous me réjouit l'âme.

Le vôtre à jamais

Joukovsky

Ce 31 juillet / 12 août 1840

Francfort S/M

Ecrivez-moi à Dusseldorff sous l'adresse de M. de Reutern⁹.

Перевод:

Дорогой друг,

Я напрасно ожидал Вашего письма, которое должно было решить судьбу графини Эглоффштейн, то есть Агари¹, которая, будучи ее детищем, может иметь право взять ее имя и титул. Эта картина находится теперь у г-на Убриля², нашего министра во Франкфурте. Я его просил оставить ее еще на некоторое время у себя. Она может находиться в таком состоянии до конца августа. В это время можно обратиться к г-ну Убрилю и сделать необходимые распоряжения вместе с ним. То есть картина может быть отправлена в Гильдесгейм³, остаться там на день и вернуться к г-ну Убрилю для отправки в Петербург. Постарайтесь взять на себя все приготовления. Скажите от меня графине Юлии, что мне пока было невозможно что-либо сделать для нее. Времени было мало, и императрица была поглощена многими другими делами⁴. Но я вернусь к этому

делу по возвращении в Петербург в октябре месяце⁵. Мы увидимся в Веймаре и поговорим об этом более основательно⁶.

Что случилось с Унгерн-Штернбергом?⁷ Я не получил от него никакого ответа.

Прощайте, мой любезный друг. Мы много говорили о Вас с Радовицем⁸, который оценил Ваши редкие достоинства. Мысль увидеть Вас радует душу.

Ваш навсегда

Жуковский

31 июля / 12 августа 1840

Франкфурт-на-Майне

Пишите мне в Дюссельдорф на адрес г-на Рейтерна⁹.

28

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

8/20 августа 1840 г. Веймар

Weimar, den 20. Aug<ust> 40

Tausend Dank für Ihre lieben Zeilen vom 12. des Monats, teuerster, geliebtester Freund!

Da Frau von Beaulieu auf das Anschauen der Hagar verzichtet, die Frau Großherzogin aber es sehr wünscht, so habe ich alsbald an Graf Oubriel geschrieben und die Hierhersendung der Bilder auf 24 Stunden erbeten. Sie sind nun im Schoße der Freundschaft zu Düsseldorf angelangt; wie schmerzlich war es mir, Sie dort nicht erwarten zu können, auch Herrn von Reutern nicht mehr zu treffen. Seine Gemahlin¹ hat mich aufs Gütigste aufgenommen und mir wenigstens die schönen Gastgeschenke der Düsseldorfer Maler, so wie das herrliche Portrait von Hildebrandt² gezeigt.

Leider konnte ich nur von früh 7 Uhr an bis abends zehn Uhr in dem freundlichen Orte verweilen, wo ich mit dem Dampfschiff abfuhr u<nd> schon in 21 Stunden zu Bingen eintraf. Ich fand hier zu Weimar Tourgèneff und Gräfin Edling³ aus Odessa, die ich, später kommend, beide verfehlt hätte. Mit ersterem lebte ich noch drei Tage, meist zu Bel-

vedere und erfreute mich von neuem seines geistreichen Umgangs. Er ging dann nach Kissingen und grüßt Sie aufs Herzlichste.

Die Frau Großherzogin war seitdem unwohl; noch vorher aber übergab ich Ihre Undine, die große, große Freude machte. Ich soll aufs Schönste danken. Gleichermaßen Namens der lieben Schorn.

Alles sehnt und hofft der Mitte Oktober entgegen, wo Sie uns aber nicht bloß mit 1–2 Tagen abspeisen dürfen. Richten Sie sich ja auf länger ein; warum soll Düsseldorf auf unsre Kosten so reich bedacht werden? Schon habe ich geloben müssen, Sie zu der edlen, gemütvollen Frau von Wolzogen⁴ nach Jena zu bringen. Immermann beklagte sehr, Sie bei Ihren vorigen Aufhalten gar nicht genossen zu haben. Gönnen Sie ihm doch ja diesmal mehr aus Ihrer Fülle, es wird Sie nicht gereuen, er ist gar zu interessant und gediegen.

Die Prinzessin von Preußen⁵ weilt mit ihren Kindern noch einige Wochen in Belvedere; ich finde sie geistreicher und liebenswürdiger als je. Empfehlen Sie mich ja dem hochgeschätzten Herrn von Reutern und seiner freundlichen Familie aufs Angelegentlichste.

Ed. Steinle's⁶ Arbeiten habe ich in Rheineck bewundert, auch seine Familie hat mich sehr interessiert.

Radowitzens Bekanntschaft und die überaus entgegenkommende Artigkeit, die er mir widmete, ist mir nun neue Verpflichtung gegen Sie, mein Teurer!

Alles, alles grüßt Sie von hier mit Wärme, besonders aber die Meinigen. In Hoffnung, bald ein Wörtchen von Ihnen zu vernehmen, dass es Ihnen recht wohl gehe, immerdar der Ihrige,

F. von Müller

Перевод:

Веймар, 20 авг<уста> 40

Тысяча благодарностей за Ваши дорогие строки от 12 числа сего месяца, дражайший, милейший друг!

Поскольку госпожа фон Больё отказалась от того, чтобы увидеть «Агарь», но госпожа великая герцогиня очень желала этого, я немедленно написал графу Убрилю и попросил прислать картины в течение 24 часов. Теперь Вы попали в дружественный круг в Дюссельдорфе; как горько мне было не встретить Вас там и не увидеть

также господина фон Рейтерна. Его супруга¹ любезно приняла меня и показала мне прекрасные дары дюссельдорфских художников, а также великолепный портрет Гильдебрандта².

К сожалению, я смог пробыть в этом приятном месте лишь с 7 утра до 10 вечера, оттуда я отправился на пароходе и прибыл в Бинген уже через 21 час. Я нашел здесь в Веймаре Тургенева и графиню Эдлинг³ из Одессы, которых я не застал бы, прибыв позже. С первым прожил еще три дня, в основном в Бельведере, и снова наслаждался его остроумием в общении. Затем он отправился в Киссинген и передавал Вам сердечный привет.

Великая герцогиня уже тогда плохо себя чувствовала; но я передал ей Вашу «Ундину», которая принесла ей большую, большую радость. Я должен благодарить Вас. Также и от имени дорогой Шорн.

Все надеются и ожидают середины октября, когда Вы порадуете нас 1–2 днями своего визита. Подумайте же о более длительном пребывании; отчего Дюссельдорф должен быть так щедро одарен Вами за наш счет? Я уже пообещал отвезти Вас в Йену к благородной и щедрой госпоже фон Вольцоген⁴. Иммерман очень сетовал на то, что ему не довелось насладиться Вашим обществом, как во время Ваших прошлых визитов. Уделите ему на этот раз больше внимания и Вы не пожалеете, он очень интересный и достойный человек.

Принцесса Пруссии⁵ проведет еще несколько недель в Бельведере со своими детьми; я нахожу ее более остроумной и любезной, чем когда-либо. Настоятельно поблагодарите от меня глубокоуважаемого господина фон Рейтерна и его любезную семью.

Я восхищался работами Эд. Штейнле⁶ в Рейнеке, и его семья также очень заинтересовала меня. Знакомство с Радовицем и его чрезвычайно любезная вежливость ко мне теперь представляют мое новое обязательство перед Вами, мой дорогой.

Все, все приветствуют Вас отсюда теплом, и особенно мои близкие. В надежде услышать от Вас вскоре хоть словечко о том, что у Вас действительно все идет хорошо, всегда Ваш

Ф. фон Мюллер

29

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
17/29 августа 1840 г. Дюссельдорф

Mon cher ami. Je vous remercie de tout mon cœur pour votre aimable lettre. Je me hâte d'y répondre en peu de mots.

Je commencerai par quelque chose de bien triste: Immermann n'existe plus. Depuis deux jours il est mort après une maladie de 9 jours environ: une méchante fièvre nerveuse. Dans le moment je reviens de son enterrement; j'ai vu là un ecclésiastique âgé de 90 ans, tout tremblant de vieillesse, prononçant sur son cercueil des mots de l'Écriture: *Erde du bist!*¹ Et j'ai jeté deux poignées de terre sur Immermann: une en mon nom, l'autre au nom de son ami Müller.

Il s'est emparé de son vivant de votre canne que vous avez oublié chez Siebel², pour la garder en souvenir de vous; cela lui a réussi, il l'a gardé jusqu'à sa mort malgré que vous l'aviez redemandée; je vous la rapporterai. L'état de sa pauvre veuve³ qui vient d'accoucher depuis peu, est déplorable. Il faut espérer que la générosité du Roi ne l'abandonnera pas à la misère.

Enfin grâce à vous, je sais où se cache Tourgueneff; je lui ai déjà écrit à Kissingen supposant qu'il y est allé pour une cure et que ma lettre pourra encore le trouver⁴.

Voici de *l'agréable* pour la clôture de ma lettre. A votre aimable: *Warum soll Dusseldorff auf unsere Kosten so reich bedacht werden?* je réponds: parce qu'à Dusseldorff existe une personne que j'ai dans le moment le bonheur d'appeler ma promise et qui un jour sera ma femme. Félicitez-moi, mon excellent ami, j'ai trouvé ce qu'il me faut; j'ai la certitude à présent de posséder un bonheur tel que mon âme l'a toujours rêvé. Dieu a daigné me l'accorder; qu'il daigne me le conserver pour que ma vie puisse devenir moins indigne de sa bonté ineffable.

Au mois d'octobre je vous verrai à Weimar; et vous comprendrez, sans vous fâcher contre moi, que je tâcherai de vous donner le moins de jours possibles pour en garder le plus pour le paradis, où je suis à présent, sans pouvoir encore comprendre comment j'en ai pu trouver l'entrée. Adieu je vous embrasse. Communiquez à mes amis Schorn ce que je vous écris; ils comprendront et partageront mes sentiments. Je suis sûr aussi que toute votre excellente famille prendra part à ce qui m'arrive et réunira

ses vœux aux miens pour que Dieu ne m'ôte pas ce bienfait qu'il m'avait accordé sans mon mérite.

Tout à vous

Joukovsky

17/29 août 1840

Dusseldorf

Je ne vous ai pas dit le nom de ma promise mais je pense que vous l'avez deviné; vous l'avez vue; c'est la fille aînée de Reutern.

Je n'ose pas importuner Madame la Grande Duchesse par une lettre mais je tiens à ce qu'elle sache ce qui m'arrive. Elle daignera, j'en suis persuadé, prendre part à mon bonheur. Veuillez bien, en parlant à S.A. Impériale de moi, lui exprimer tout le dévouement dont mon âme est remplie pour elle.

Перевод:

Дорогой друг, от всего сердца благодарю за Ваше любезное письмо. Спешу на него ответить в нескольких словах.

Начну с грустного: Иммермана больше нет. Он умер два дня назад после болезни, длившейся около 9 дней: пагубная нервная лихорадка. Я только что вернулся с его похорон; там я видел, как девностолетний священник, трясущийся от старости, произносит над его гробом слова Священного Писания: *Erde du bist!*¹ И я бросил две пригоршни земли в могилу Иммермана: одну от своего имени, а другую от имени его друга Мюллера.

Когда-то он присвоил себе Вашу трость, которую Вы забыли у Зибеля², чтобы сохранить на память о Вас; ему это удалось, он хранил ее до самой смерти, несмотря на то, что Вы просили ее вернуть; я Вам ее привезу. Состояние его бедной вдовы³, которая недавно разрешилась от бремени, достойно сожаления. Нужно надеяться, что щедрость короля не оставит ее в нужде.

Благодаря Вам я знаю наконец, где прячется Тургенев, я ему уже написал в Киссинген, полагая, что он уехал туда на лечение и что мое письмо сможет его застать⁴.

А вот и *приятное* в завершение моего письма. На ваше любезное «*Warum soll Dusseldorf auf unsere Kosten so reich bedacht*

werden?»⁵ я отвечу: ибо в Дюссельдорфе живет особа, которую я теперь имею счастье называть своей невестой и которая однажды станет моей женой. Поздравьте меня, мой милейший друг, я нашел то, что мне необходимо; теперь я уверен, что имею счастье, которого моя душа всегда желала. Господь соблаговолил дать его мне; пусть Он позволит сохранить его, чтобы моя жизнь сделалась достойной Его невыразимой доброты.

В октябре я увижу Вас в Веймаре; и Вы поймете, не сердясь на меня, то, что я буду стараться проводить меньше дней с Вами и оставить больше дней для рая, в котором я нахожусь теперь, еще не понимая того, как я смог найти в него вход. Прощайте, обнимаю. Сообщите моим друзьям Шорнам то, о чем я написал Вам; они поймут и разделят мои чувства. Я также уверен, что вся Ваша милейшая семья примет участие во мне и соединит свои пожелания с моими, чтобы Господь не отнял у меня эту милость, которой Он меня удостоил.

Всецело Ваш

Жуковский

17/29 августа 1840

Дюссельдорф

Я не сообщил Вам имени своей невесты, но полагаю, что Вы уже догадались; это старшая дочь Рейтерна.

Не осмеливаюсь докучать великой герцогине письмом, но страстно желаю, чтобы она знала, что у меня происходит. Я убежден, что она соблаговолит принять участие в моем счастье. Прошу в разговоре обо мне с ее императорским высочеством выразить всю ту преданность ей, которой наполнена моя душа.

30

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
27 августа / 8 сентября 1840 г. Веймар

Weimar, 8/9 40

Allerherzlichsten Glückwunsch voraus, mein teurer, geliebter Freund!
Ungemein erfreut hat mich und die Meinen diese Kunde Ihrer Verlobung,

die Ihnen die heiterste Zukunft verspricht und sie mit den gemütlichsten, reinsten Empfindungen ausfüllen und schmücken wird. Nur Minuten lang habe ich leider Ihre Braut gesehen, aber alles lässt mich errahnen, dass sie von den trefflichen Eltern die Anmut der äußern Gestalt nicht nur, sondern auch jene edlen geistigen und sittlichen Eigenschaften zur Mitgift empfangen habe, die *Jene* allen denen, welche sie kennen, so wert und teuer macht. Sprechen Sie doch ja ihnen allerseits meinen innigsten gefühltesten Glückwunsch treulich aus.

Die Frau Großherzogin hat meine Mitteilung Ihres Glücks mit der lebhaftesten und herzlichsten Teilnahme aufgenommen und mir bei diesem Anlass aufs Neue die Überzeugung gegeben, wie von ganzer Seele sie Ihnen zugetan ist. Sie trägt mir, so wie auch der Großherzog, die aller schönsten Grüße und Glückwünsche an Sie auf, zugleich aber auch die Mahnung, Ihre Bräutigamszeit nicht sogleich mit egoistischer Verkürzung Ihres hiesigen Besuchs zu beginnen, auf den sie sich, wir alle, ungemein und ungeduldig freuen. Für glücklich Liebende sind ja die *Stunden* schon mehr als *Tage* wert und so sollten Sie billig, bei dem Reichtum *jener*, uns von diesen minder kärgliche Opfer bringen.

Wie tief Immermanns plötzliches Scheiden mich erschüttert und betrübt hat, ermessen Sie leicht. Es war ein Schreckensblitz aus heiter'm Himmel. Wie froh, wie überglücklich in seiner Häuslichkeit hatte ich ihn noch am 7. August gefunden! Wie zerreißt das Schicksal der verehrten, edlen Witwe mir das Herz! Dank, dass Sie *meiner* am Grabhügel des Teuren treulich gedachten!

Den *Rock*, den Sie mir wieder mitbringen werden, will ich als ein Heiligtum bewahren, da der Entschwundene ihn einige Tage getragen und auf seinen Fortbesitz Wert gelegt hatte. Ist doch seinem Knopfe das Symbol der Treue aufgedrückt!! Herr von Siebel hat mir alle Details der Krankheit aufs Gütigste mitgeteilt. Welch ein Verlust für die ganze literarische Welt und welch ein noch größerer für seine Freunde!

Tourgèneff ist entzückt von Ihrem Briefe an ihn; er wird wahrscheinlich selbst nach Düsseldorf kommen, Sie zu umarmen¹. *Schorns* sagen Ihnen Tausend Liebes und Glückwünschendes; sie widmen Ihnen das *allerlebhafteste* Mitgefühl. Lassen Sie mich ja den Tag Ihrer Hierherkunft, wenigstens circa, im Voraus wissen, damit ich nicht etwa abwesend sei.

Von ganzer Seele der Ihrige

v. Müller

Перевод:

Веймар, 8/9 40

Примите заранее самые сердечные поздравления, мой дорогой, любимый друг! *Чрезвычайно* обрадовало меня и моих близких известие о Вашей помолвке, которая обещает Вам самое светлое будущее и наполнит и украсит Вас самыми приятными, чистыми чувствами. К сожалению, всего несколько минут я видел Вашу невесту, но и это позволяет мне представить, что она получила в приданое от прекрасных родителей не только прелесть внешнего образа, но и *те* благородные духовные и моральные качества, которые Вы знаете и которые делают ее такой достойной и дорогой. Передайте же им непременно все мои самые искренние чувства и поздравления.

Великая герцогиня приняла от меня известие о Вашем счастье с самым живым и сердечным участием и этим вновь убедила меня в том, насколько искренне она к Вам привязана. Она поручила мне передать, как и великий герцог, самые добрые приветы и поздравления для Вас, но в то же время и предостережение не начинать Вашу новобрачную жизнь сразу с эгоистичного сокращения Вашего визита сюда, который она, все мы чрезвычайно и с нетерпением ждем. Для счастливых влюбленных *часы* намного более ценны, чем *дни*, и поэтому Вы должны согласиться, располагая ими в изобилии, принести нам, по меньшей мере, *эту* скудную жертву.

Как глубоко потряс и опечалил меня внезапный уход Иммермана, Вы хорошо понимаете. Это было подобно страшному грому среди ясного неба. Каким радостным и очень счастливым в кругу семьи я видел его еще только 7 августа! Как же судьба разрывает сердце почтенной, благородной вдовы! Спасибо, что Вы, верный друг, вспомнили *обо мне* у могилы дорогого почившего!

Пальто, которое Вы вновь привезете мне, я хочу сохранить как святыню, поскольку усопший носил его несколько дней и придавал большое значение тому, кто будет после владеть им. Ведь на его пуговице отпечатан символ верности!! Господин фон Зибель любезнейше рассказал мне все подробности болезни. Какая потеря для всего литературного мира и еще бóльшая для его друзей!

Тургенев в восторге от Вашего письма к нему; он, вероятно, сам прибудет в Дюссельдорф, чтобы обнять Вас¹. *Шорны* передают Вам тысячу пожеланий любви и счастья; они посвящают Вам слова *самого деятельного* участия. Дайте мне заранее знать о том дне, когда Вы будете здесь, хотя бы приблизительно, чтобы я не находился в отлучке.

Всей душой Ваш

ф. Мюллер

31

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

2/14 марта 1841 г. Веймар

Weimar, den 14. März 1841

Wie könnte ich unsren lieben Erbgroßherzog nach Petersburg¹ ziehen lassen, ohne Ihnen, mein teurer Freund! Worte der herzlichsten Anhänglichkeit zuzurufen? Durch Herrn von Reutern weiß ich, dass es Ihnen im Allgemeinen wohl geht, aber speziellere und neuere Kunde von Ihrem Befinden wird mir sehr wohl tun. Wir haben hier einen strengen, durch die häufigen Sprünge in der Temperatur sehr schädlichen Winter gehabt. Jedermann war krank; ich selbst litt oft an hartnäckigem Husten; Schorn – noch länger und bedeutender an der Grippe. Inzwischen kam Mitte Januar seine vortreffliche Gattin mit einem Mädchen sehr glücklich nieder und Mutter und Kind befinden sich vortrefflich. Beide Ehegatten sagen Ihnen Tausend Herzliches.

Wie viel Dank bin ich Ihnen noch schuldig für die Maske Immermanns! Sie ist sehr charakteristisch und hat etwas Milde, Beruhigendes. Die Witwe hat Gott sei Dank 400 T<haler> Pension erhalten und ich war so glücklich durch Humboldt² dazu beitragen zu können. Freiligrath³ und andere Freunde des Verewigten geben ehestens eine eigne Schrift zu seinem Ehrengedächtnis heraus⁴; ich habe auch einen Aufsatz beige-steuert, den Sie dahier finden sollen, wenn Ihr Wiedererscheinen uns beglücken wird. Aber durch die Vermählung Ihres Thronfolgers⁵ wird wahrscheinlich Ihre Reise verzögert werden; kündigen Sie mir solche ja zeitig an, damit ich Sie dahier nicht etwa versäume. Wie ungeduldig mag man zu Düsseldorf Ihrer harren!!

Prinz Emil von Darmstadt⁶ war drei Tage bei uns auf seiner Reise nach Petersburg. Ich sah ihn viel und fand ihn sehr liebenswürdig und geistreich. Er sprach mit hoher Achtung von Ihnen. Die Frau Großherzogin fragt mich oft, ob ich denn keine Nachrichten von Ihnen habe? Und sie trägt mir jetzt die lebhaftesten Begrüßungen an Sie auf.

Sind Ihre Retraite-Angelegenheiten nun endlich zu Ihrer Zufriedenheit geordnet? Ich sehne mich sehr, dies zu vernehmen.

War die *Muse* Ihnen diesen langen Winter hindurch günstig? O, gewiss, denn sie besucht die Liebenden gern. Sehen Sie Frau von *Tcheffkin* öfters und wie geht es ihr? Mein Enkel, Ihr Pate¹⁰, gedeiht fröhlich; er ist die Lebendigkeit selbst; ich glaube er hat Quecksilber statt Blut in den Adern. Seine Eltern und meine Frau empfehlen sich Ihnen aufs Herzlichste. Adieu, mein vielgeliebter Freund! Geben Sie doch ja recht bald Kunde von sich Ihrem treu anhänglichen

v. Müller

Graf Beust⁷, Adjutant unsers Prinzen, bringt Ihnen diese Zeilen. Er ist ein sehr wackerer junger Mann und wird wenn Sie ihm einen Brief an mich geben, ihn sehr gern einschließen.

Перевод:

Веймар, 14 марта 1841

Как мог я позволить нашему дорогому наследному великому герцогу ехать в Санкт-Петербург¹, не передав Вам, мой дорогой друг, слова самой сердечной привязанности? От господина фон Рейтерна я знаю, что Вы в целом здоровы, однако более подробные и свежие известия о Вас порадуют меня. У нас была суровая, очень плохая из-за частых скачков температуры зима. Все болели; я сам часто страдал от постоянного кашля; Шорн еще дольше и сильнее болел гриппом. Между тем в середине января его прекрасная супруга благополучно родила девочку, и мать, и ребенок чувствуют себя отлично. Супруги передают Вам тысячу сердечных пожеланий.

Как много благодарностей я еще задолжал Вам за посмертную маску Иммермана! она очень характерна и обладает каким-то мягким, успокаивающим свойством. Слава богу, его вдова получила

пенсию в размере 400 талеров>, и я был так счастлив оттого, что мог через Гумбольдта² внести в это и свой вклад. Фрейлиграт³ и другие друзья усопшего издают в его честь их собственную книгу⁴; я также внес вклад одним эссе, которое Вы найдете здесь, когда своим появлением порадуете нас. Но брак Вашего наследника престола⁵, скорее всего, задержит Ваше путешествие; сообщите мне о нем заранее, чтобы я никак не пропустил Вашего присутствия здесь. С каким нетерпением ожидают Вас в Дюссельдорфе!!

Принц Эмиль Дармштадтский⁶ был у нас три дня по пути в Петербург. Я часто виделся с ним и нахожу его очень любезным и остроумным. Он говорил о Вас с большим уважением. Великая герцогиня часто спрашивает меня, есть ли у меня какие-либо новости от Вас? И теперь она передает Вам самые воодушевленные приветствия.

Улажены ли, наконец, обстоятельства Вашего дела о нахождении за пределами России? Я очень хотел бы узнать об этом.

Была ли *муза* благосклонна к Вам этой долгой зимой? О, да, разумеется, она любит посещать влюбленных. Видите ли Вы госпожу *Чевкину*, и как у нее дела? Мой внук, Ваш крестник, счастлив; он сама живость; я полагаю, что у него в венах ртуть вместо крови. Его родители и моя жена шлют Вам самый сердечный привет. Прощайте, мой любимый друг! Передайте же поскорее известие о Вас Вашему верно преданному

ф. Мюллеру

Граф Бейст⁷, адъютант нашего принца, доставит Вам эти строки. Он очень отважный молодой человек, и если Вы дадите ему письмо для меня, он охотно его захватит.

32

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

2/14 января 1842 г. Дюссельдорф

Mon cher ami,

Recevez mes vœux pour la nouvelle année et présentez mes félicitations à Mme de Müller, à M. votre fils et à son aimable épouse ainsi qu'à M. et Mme Schorn. J'aurais dû vous envoyer comme étrennes

la Poésie de Köhler¹ mais les exemplaires de cette gravure, qui doit déjà être finie depuis longtemps, ne sont pas encore distribués. Ce n'est donc pas ma faute que je tarde si longtemps d'exécuter ma promesse. Pour me dédommager, je vous envoie ici une autre gravure, tout aussi belle que celle de Felsing², faite d'après le beau tableau de Deger³; un exemplaire en est pour vous, un autre pour M. Schorn; veuillez bien le lui remettre.

Il y a bien longtemps que vous ne m'avez donné de vos nouvelles. Comment est votre santé? Que fait-on à Weimar? N'avez-vous pas quelque belle apparition sur l'horizon de la littérature? Tout est-il en ordre dans le petit monde particulier que vous habitez? Enfin donnez-moi des nouvelles de vous et de tout ce qui vous intéresse.

Les nouvelles que je puis vous donner de moi n'ont rien de particulièrement intéressant, quoique tout soit changé dans ma vie. Du théâtre brillant de la cour impériale je me suis tout à coup transporté dans la profonde tranquillité d'une petite maisonnette cachée dans un jardin de Dusseldorf; j'y suis depuis 7 mois tête à tête avec ma bonne femme, et le monde finit pour moi là où finit l'enclos de mon petit jardin. Sans faire divorce avec ceux auxquels je tiens par les liens de l'amitié, de reconnaissance, je suis complètement détaché du reste du monde et je ne désire rien que la durée de cette vie tranquille, si indépendante, si mienne. Mais une voix d'ami entendue là où on est heureux est la plus belle des musiques; voilà pourquoi je vous prie, mon cher Müller, de vouloir bien me réjouir de quelques mots de vous.

Je vous prie (si cela ne sera pas inconvenable) de mettre mes félicitations aux pieds de Son Altesse Impériale Madame la Grande Duchesse. J'aime son bonheur et je fais des vœux que Dieu le protège et le lui conserve pendant de longues années.

Adieu, cher ami. Si quelque génie vous amène à Dusseldorf, je l'appellerai *bon génie* par excellence. Conservez-moi votre souvenir, et quelquefois même exprimez-le par écrit.

Tout à vous

Joukovsky

Dusseldorf. 2/14 janvier 1842

Перевод:

Дорогой друг,
примите мои новогодние пожелания и поздравьте от меня г-жу Мюллер, Вашего сына и его любезную супругу, а также г-на и г-жу Шорн. Мне следовало бы отправить Вам в качестве новогоднего подарка «Поэзию» Кёлера¹, но экземпляры этой гравюры, которая давно должна быть закончена, еще не поделены. Потому не моя вина, что я так медлю с исполнением своего обещания. В оправдание этому высылаю другую гравюру, такую же прекрасную, как и гравюра Фельзинга², сделанную по прекрасной картине Дегера³; один экземпляр Вам, другой для г-на Шорна; прошу Вас передать его ему.

Вы не давали о себе знать уже довольно долго. Как Ваше здоровье? Что поделывают в Веймаре? Не появилось ли на литературном горизонте чего-нибудь прекрасного? Все ли в порядке в том особом мирке, в котором Вы живете? Словом, напишите о себе и о том, что Вас волнует.

Новости относительно меня не обнаруживают ничего особо интересного, хотя в моей жизни все изменилось. Из блестящего театра императорского двора я перенесся в глубокую тишину маленького домика, укрытого в саду Дюссельдорфа; я здесь уже 7 месяцев наедине с моей доброй женой, и мир для меня заканчивается там, где заканчивается ограда моего маленького сада. Я не порвал с теми, с которыми связан узами дружбы, признательности, но полностью отгородился от остального мира и не желаю ничего иного, нежели этой спокойной жизни, такой независимой, такой моей. А голос друга, услышанный там, где счастлив, есть самая прекрасная музыка из всех, вот почему я прошу Вас, мой дорогой Мюллер, порадовать меня несколькими словами о Вас.

Я прошу Вас (если это будет уместно) поздравить от меня ее императорское высочество великую герцогиню. Я дорожу ее счастьем и желаю, чтобы Господь защитил его и сохранил ей его на долгие годы.

Прощайте, дорогой друг. Если некий гений приведет Вас в Дюссельдорф, я его назову поистине *добрым гением*. Вспоминайте обо мне и иногда засвидетельствуйте это письменно.

Всецело Ваш

Жуковский

Дюссельдорф. 2/14 января 1842

33

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
23 февраля / 7 марта 1842 г. Веймар

Weimar, den 7. März 1842

Wie hocherfreut, mein Teurer! mich auch Ihre liebe Zuschrift hat, so war ich doch unfähig, sie bis jetzt zu beantworten. Denn Sorgen und traurige Eindrücke jeder Art umdrängten und bestürmten mich. Meine ganze Familie war erkrankt, meine holde Schwiegertochter ist es noch jetzt, nachdem sie seit schon 3 Monaten infolge einer unregelmäßigen Schwangerschaft liegen und leiden muss, ja oft in großer Gefahr war. Zudem unseres geliebten Schorns Krankheit und plötzliches Scheiden!¹ Wie viel wir alle, wie viel ganz Deutschland an ihm verloren, brauche ich Ihnen, die ihn kannten und hochschätzten, nicht erst auseinander zu setzen. Es ist ein schrecklicher Verlust; noch am Vorabend seines Todes ahndeten die Ärzte bei seinem schmerzlichen Gichtleiden keine Gefahr. In der Nacht trat der Gichtstoff zurück und auf die edlen Organe; schon am Nachmittag des nächsten Tages entschlief er, doch sanft, in Betäubung ohne Klage und Kampf.

Die Trauer der edlen Witwe ist unsäglich, doch voll Standhaftigkeit, Würde und ruhiger Ergebung. Sie ist ein Muster von Seelengröße. Schreiben Sie ihr ein Wort, es wird ihr wohl tun. Die innige Freude unserer Fürstin über die Verlobung ihres Sohnes² ward durch diesen Unglücksfall grausam gestört. Meine Sorge um Frau von Schorn und ihre Kinder, um die nächsten Einrichtungen und Maßregeln, raubten mir alle Zeit, welche die eignen Familienleiden mir noch übrig ließen.

Wie beruhigend ist es mir dagegen, mein teurer Freund! Sie so glücklich und sorgenfrei im Schoße liebenswürdigster Häuslichkeit zu wissen! Und wer wäre dessen würdiger! Aber umso inniger sehne ich mich, Sie wiederzusehen und Sie, Gottloser! waren im Herbst zu Eisenach und Stadtfeld³, ohne Weimars zu gedenken. Das kann ich Ihnen noch immer nicht ganz verzeihen. Machen Sie dies durch baldigen Besuch wieder gut; gönnen Sie auch uns die Freude, Ihre holde Gemahlin an Ihrer Seite zu sehen.

Tausend Dank für Ihr schönes Geschenk, für den herrlichen, farbenvollen Abdruck eines, nach diesem zu schließen, vortrefflichen Gemäl-

des. Auch Schorn erfreute sich noch desselben gar höchlich und dankbar. Aber ich bin so voll Erinnerung an die wunderliebliche „Poesie“, dass ich auf ihren Besitz ebenfalls noch hoffe, Ihrer gütigen Verheißung eingedenk.

Runge's Schriften⁴ sind in 4 Bänden erschienen und da Sie subskribierten, in meiner Hand für Sie. Ich trage Bedenken, sie durch Buchhändler-Gelegenheit zu schicken, da diese so langsam und unsicher ist. Soll ich sie durch die Post senden, oder auf sichere Gelegenheit harren? Ich wollte sie unsrem Prinzen mitgeben bis Köln, der vorgestern in den Haag reiste, aber er segelte, nach langem Zögern, plötzlich ab, ehe ich es erfuhr. Diese Schriften enthalten viel Köstliches: Der Subskriptionspreis ist 4 Taler.

Gewiss freuen Sie sich zu hören, dass ich dem trefflichen Dichter Freiligrath 300 Taler Pension von dem hochherzigen König von Preußen verschafft habe. Kennen Sie die neuste Ausgabe seiner Gedichte⁵ und *unseres* geistvollen Prutz⁶ (denn er lebt jetzt zu Jena) gehaltreiche „Göttinger Dichterschule“. Auch Wilhelm von Humboldts Schriften, 3 Bände⁷, sind höchst interessant.

So ist denn der gute Willamoff⁸ auch heimgegangen! Ich hätte ihn weit älter als nur 68 Jahre geglaubt. Gräfin Caroline Egloffstein hofften wir vergeblich diesen Winter hier zu sehen. Die Krankheit ihrer Schwester Auguste hielt sie bei der Mutter zurück, doch wird sie wahrscheinlich zum Frühjahr zu uns kommen.

Sagen Sie viel Freundliches von mir Ihren verehrten Schwiegereltern und Ihrer Frau Gemahlin, und bestrafen Sie mich nicht für mein *unwillkürliches* Schweigen. Jede Kunde von Ihnen ist Balsam.

Mit der herzlichsten Liebe und Anhänglichkeit immerdar der Ihrigste

v. Müller

Die Frau Großherzogin trägt mir die angelegentlichsten Empfehlungen an Sie auf und wie sehr sie an Ihrer Zufriedenheit teilnehme.

Перевод:

Веймар, 7 марта 1842

Как же меня обрадовало, мой дорогой! Ваше любезное письмо, однако до сих пор я был не в состоянии на него ответить, поскольку беспокойства и печальные переживания разного рода окружали и осаждали меня. Вся моя семья была больна, моя милая невестка все еще болеет после того, как ей пришлось три месяца лежать и страдать из-за тяжелой беременности, и она часто находилась в большой опасности. Кроме того, болезнь нашего любимого Шорна и внезапная кончина!¹ Сколько все мы, сколько вся Германия потеряла вместе с ним, мне не нужно объяснять Вам, знавшему и высоко ценившему его. Это ужасная потеря; даже накануне его смерти врачи не видели угрозы в его обострившейся подагре. Ночью подагра вернулась, и к полудню следующего дня он скончался, но спокойно, в беспомощности, без жалоб и сопротивления.

Горе благородной вдовы невозможно выразить, но она полна стойкости, достоинства и тихого смирения; образец величия души. Напишите ей пару слов, это пойдет ей на пользу. Искренняя радость нашей герцогини по поводу помолвки ее сына² была жестоко разрушена этим несчастным случаем. Моя забота о госпоже фон Шорн и ее детях, о последующих мероприятиях и мерах отняла все мое время, остающееся от собственных семейных невзгод.

Вместе с тем меня успокаивает, мой дорогой друг, знание того, что Вы так счастливы и беззаботны на лоне милейшего семейного круга! И кто был бы достоин этого более Вас! И тем более я жажду увидеть Вас снова, а Вы, безбожник! осенью были в Эйзенахе и Штадтфельде³, не вспоминая о Веймаре. Я до сих пор не могу Вас простить за это. Исправьте это скорым посещением; удостойте и нас удовольствием видеть Вашу прелестную супругу рядом с Вами.

Тысяча благодарностей за Ваш прекрасный подарок, за великолепный, красочный оттиск прекрасной картины. Шорн еще успел порадоваться и был глубоко благодарен. Я же полон воспоминаний о чудесной «Поэзии» и надеюсь на то, что она попадет в Ваши владения, учитывая высказанные Вами ранее размышления.

Произведения Рунге⁴ вышли в 4 томах, и, так как Вы подписались на них заранее, я храню их для Вас. Опасаюсь передавать их через книготорговца, так как это очень медленно и ненадежно. Отправить ли их почтой или дожидаться более надежного повода? Я хотел было передать их до Кельна с нашим принцем, который выехал позавчера в Гаагу, но он, после долгих колебаний, внезапно отплыл, прежде чем я узнал об этом. Эти произведения содержат много занимательного: цена подписки составляет 4 талера.

Разумеется, Вы будете рады слышать, что я побеспокоился об обеспечении прекрасного поэта Фрейлиграта пенсией в 300 талеров щедрого короля Пруссии. Знаете ли Вы новейшее издание его стихов⁵ и богатую содержанием «Геттингенскую школу поэтов» *нашего* остроумного *Прутца*⁶ (ведь он живет сейчас в Йене)? Также работы Вильгельма фон Гумбольдта, 3 тома⁷, в высшей степени интересны.

Значит, добрый Виламов⁸ уехал домой! Я думал, что он гораздо старше 68 лет. Графиню Каролину Эглоффштейн мы напрасно надеялись увидеть здесь этой зимой. Болезнь ее сестры Августы удерживает ее с матерью, но она, вероятно, придет к нам весной. Передавайте от меня множество добрых приветствий Вашей супруге и ее родителям и не наказывайте меня за мое *невольное* молчание. Каждая весть о Вас – бальзам.

С искреннейшей любовью и привязанностью всегда Ваш

ф. Мюллер

Великая герцогиня поручила мне передать Вам поклон и свое самое искреннее участие в Вашей судьбе.

34

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

29 марта / 9 апреля 1842 г. <Дюссельдорф>

Mon cher ami,

J'aurais depuis longtemps répondu à votre aimable lettre si j'avais pu ajouter La Poésie à ma prose; mais elle n'arrivait pas, retenue je ne sais pas pourquoi par le graveur – enfin la voilà et je vous l'expédie.

Votre lettre, mon cher ami, est bien triste; vous me parlez des maladies dans votre famille et des souffrances de cœur que vous avez éprouvées dans ces derniers temps. Je ne savais rien de ce qui se passait chez vous; mais les papiers publics m'ont annoncé la mort inattendue de notre Schorn et cela a été une bien douloureuse surprise et pour moi et pour mon Excellent Beau-père. Nous avons réuni nos regrets; nous avons déploré ensemble la piste de cet homme si attirant par son individualité si noble, par son doux caractère, par son esprit si agréablement éclairé. Il ne sera pas facilement remplacé dans le monde littéraire auquel il aurait pu encore être tout utile. Il y a beaucoup de savants en Allemagne mais les savants dans le genre de Schorn sont rares; sa science a été vivante et pleine d'attraits. Mais sa pauvre femme... elle, qui a été si complètement heureuse! Que devient pour elle la vie? Vous me parlez de la grandeur d'âme avec laquelle elle supporte son affreux malheur... je ne connais qu'une seule manière pour supporter un pareil malheur – c'est la religion, c'est-à-dire la religion Chrétienne. Telle que je connais Mme de Schorn je suis sûr que son âme est capable de lui fournir toutes ces grandes consolations. La religion ne présente pas ces consolations ordinaires qui font qu'on se distrait de la douleur et qu'à la fin on remplace un trésor perdu par un autre. Elle fait de la douleur même un trésor et un moyen d'arriver par elle à une haute destination: lorsqu'on voit Dieu près de la tombe de ce qu'on aime, on le voit face à face et il nous donne la main: c'est là bénédiction attachée au malheur lorsqu'on l'accepte Chrétieusement. Je vous prie, mon cher, de dire de ma part à Madame de Schorn toute la part que je prends à son malheur: à présent plus qu'autrefois je puis le comprendre et en connaître la mesure. Mes paroles ne peuvent pas lui donner aucun soulagement; mais il lui sera toujours doux de trouver encore quelqu'un qui regrette avec elle celui qu'elle a aimé. Ma femme ajoute ses vœux aux miens pour que Dieu la soutienne sur la route pénible qu'il vient de lui ouvrir et sur laquelle il n'abandonne jamais ceux qu'il y mène. Je prie Mme de Schorn d'être bien persuadée de l'intérêt sincère que nous lui portons; tous les deux et qui vient d'être augmenté par son malheur que nous partageons.

Je vous ai parlé de mon bonheur domestique – oui je l'ai tel que mon cœur l'a toujours rêvé; mais dans ce monde tout doit être payé. Depuis les mois d'octobre à la suite d'une fausse couche que ma femme a faite, elle ne peut pas se remettre, ses nerfs ont été attaqués par le malheureux

accident et ne sont pas encore rentrés dans l'ordre. Cela me donne des angoisses continuelles et toute la vie est dérangée. Le bonheur de ce monde est un beau tableau; mais la souffrance en fait le cadre; on peut ajouter: par cela son effet s'augmente.

Ne me grondez pas d'avoir été à Eisenach sans visiter Weimar. Si je pouvais venir avec ma femme incognito, à la bonne heure; mais j'aurais dû paraître à la cour – cela demande des préparatifs, etc., etc. Nous avons fait la tournée de nos parents dispersés à Eisenach, Kassel et Willingshausen (près de Ziegenhein). Et ce voyage, d'ailleurs agréable, a été la cause de cet accident malheureux qui a causé de si longues suites.

Adieu, mon cher ami. Veuillez bien m'envoyer Runge par poste. J'ajoute ici 5 écus (4 prix de souscription et 1 pour l'expédition). Si cela coûtera plus cher vous aurez la bonté de me le mander.

Mes respects à toute votre famille. J'espère que vous êtes à présent tranquille sur la santé de votre aimable belle-fille: donnez-m'en des nouvelles.

Tout à vous *Joukovsky*

9 avril 1842

Перевод:

Дорогой друг,

я бы уже давно ответил на Ваше любезное письмо, если бы смог добавить «Поэзию» к моей прозе, однако гравер ее задержал, неизвестно почему, – но, наконец, вот она, и я отправляю ее Вам.

Мой дорогой друг, Ваше письмо печально; Вы пишете о болезнях, постигших Вашу семью, и о сердечных страданиях, которые Вы испытали в последнее время. Я не знал, что происходит у Вас, но газеты сообщили о неожиданной кончине нашего Шорна, и это явилось болезненной неожиданностью и для меня, и для моего милейшего тестя. Мы скорбим вместе и вместе оплакиваем путь этого человека, такого притягательного своей благородной личностью, своим мягким характером, своим просвещенным умом. Его нелегко будет заменить в литературном мире, которому он мог быть еще полезен. В Германии много ученых, но ученые вроде Шорна редки; его наука была жива и притягательна. Но его бедная жена... ведь она была совершенно счастлива! Какой станет для нее жизнь? Вы пишете о душевном благородстве, с которым она переносит свое

ужасное несчастье... я знаю лишь один способ перенести подобное несчастье – это религия, христианская религия. Насколько я знаю г-жу Шорн, я уверен, что ее душа способна доставить ей это высокое утешение. Религия не предлагает обычного утешения, которое отвлекает от боли и, наконец, заменяет потерянное богатство другим. Она из самой боли делает богатство и средство достичь через нее высокого предназначения: когда видишь Господа у могилы того, кого любишь, видишь Его лицом к лицу и Он протягивает нам руку – это и есть благословление, связанное с болью, когда принимаешь его по-христиански. Мой дорогой, прошу Вас передать от меня г-же Шорн, как я сочувствую ее несчастью: теперь более чем когда-либо я могу его понять и оценить его меру. Мои слова не смогут дать ей облегчения, но ей всегда будет приятно найти еще кого-нибудь, кто скорбит вместе с ней о том, кого она любила. Моя жена желает вместе со мной, чтобы Господь поддержал ее на трудном пути, открытом для нее, на котором Он никогда не оставляет тех, кого ведет. Я прошу г-жу Шорн быть глубоко уверенной в том искреннем участии, которое мы к ней оба проявляем и которое возросло вследствие ее несчастья, разделяемого нами.

Я писал Вам о своем семейном счастье – да, именно о таком всегда мечтало мое сердце; но в этом мире за все нужно платить. Моя жена не может оправиться от выкидыша, случившегося в октябре, ее нервы пострадали от этого несчастного случая и еще не успокоились. Это наполняет меня постоянной тревогой, и вся моя жизнь расстроена. Счастье этого мира есть красивая картина; но страдание обрамляет ее; можно добавить: этим его действие усиливается.

Не браните меня за то, что я был в Эйзенахе и не заехал в Веймар. Если бы я мог приехать с моей женой инкогнито, заблаговременно, но мне следовало появиться при дворе – а это требует приготовления и т.д., и т.д. Мы посетили наших родственников в Эйзенахе, Касселе и Виллингсхаузене (недалеко от Цигенхайна). И это путешествие, впрочем, весьма приятное, явилось причиной того самого несчастного случая, приведшего к таким длительным последствиям.

Прощайте, мой дорогой друг. Прошу отправить мне Рунге почтой. Добавляю здесь 5 экю (4 подписная цена и 1 за пересылку). Если это будет стоить дороже, великодушно прошу мне сообщить.

Мое почтение всей Вашей семье. Надеюсь, что Вы уже не так обеспокоены здоровьем Вашей милой невестки: напишите мне о ней.

Всецело Ваш

Жуковский

9 апреля 1842

35

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

13/25 апреля 1842 г. Висбаден

Wiesbaden, den 25. April 42

Als ich Ihre lieben Zeilen erhielt, mein teurer Freund! war ich nur bereit, Ihnen die Rungeschen Bände schnell zu übermachen, und nicht im Stande sie mit einigen Worten zu begleiten. Ohne Zweifel sind sie Ihnen richtig zugekommen und gewähren Ihnen mannigfachen Genuss.

Lassen Sie mich nur zuvörderst meine lebhafte und betrübte Teilnahme aussprechen, dass auch Ihr häusliches Glück dermalen umwölkt ist. Ein so zartes Gemüt wie das Ihrige empfindet Glück und Missgeschick doppelt, und Sie in dem schönen, reinen Genuss eines alle Ihre Wünsche befriedigenden idyllischen Zustandes gestört zu wissen, ist für alle Ihre Freunde ein herber Verlust. Möge der nun endlich aufs Mildeste eintretende Frühling Ihrer teuren Gemahlin recht wohlthätig sein und die Kräfte bald wieder völlig herstellen.

Dagegen ist der Zustand meiner armen Schwiegertochter in den letzten 5–6 Wochen nur gar zu sehr verschlimmert worden und wir bringen insgesamt Tage des Jammers und der quälendsten Angst zu. Eine gefährliche Bauchfell-Entzündung und ein darauf folgender langwieriger Friesel sind zwar vorbei, aber alles lässt fürchten, dass eine ganz regelwidrige, höchst bedenkliche (extra uterin) Schwangerschaft vorliege, deren Ausgang leicht der allertragischste sein kann. So sind wir denn Tag und Nacht den herzerreißendsten Sorgen und den erschütterndsten Befürchtungen hingegeben.

Frau von Schorn hat von Ihrem Schreiben an mich den wohlthuendsten Eindruck empfunden. Nicht Ihre innige Teilnahme bloß, sondern ganz vorzüglich die tiefgefühlte religiöse Sinnesweise, mit der Sie sich aus-

sprachen, findet in der Seele dieser edlen Dulderin den reinsten Anklang. Sie sagt Ihnen daher gerührtesten Dank. Seit einigen Tagen ist sie zu ihren Eltern auf 5–6 Wochen gereist, allein da ihre, schon lange unheilbar an Wassersucht leidende Mutter jeden Tag hinscheiden kann, so wartet ihrer dort auch statt Erholung nur abermalige Trauer.

Ich habe Schorns Biographie geschrieben¹ und werde sie Ihnen, sobald sie gedruckt ist, übersenden. Freilich konnte ich mich als Laie dabei weniger auf eine Würdigung seiner Verdienste um die Kunst einlassen als auf seine Darstellung als Mensch, aber diese hoffe ich treu gegeben zu haben.

Tausend Dank, mein Bester! für die herrliche *Poesie*, die Sie mir gesendet. Sie spricht mein Gefühl selbst noch mehr an als die Raffaelische. Und vielleicht kommt es auch mit daher, dass aus *Ihrer* Hand alles zweifach zur edelsten Poesie wird! Aber wie wahr sagen Sie auch: „La vie c'est un beau tableau, dont la souffrance fait le cadre”². Ach, wie sehr empfinden ich und die Meinigen dies in jetzt so bitteren Stunden!

Ich bitte Sie Ihrem Herrn Schwiegervater recht viel Liebes und Freundliches von mir zu sagen. Wie sehr beklage ich es, dass ich vor 2 Jahren nur so kurz in seiner liebenswürdigen Familie weilen konnte!

Erfreuen Sie mich bald wieder mit einigen Zeilen, sie sind mir stets tröstlich und von hohem Werte.

Wissen Sie gar Nichts von Tourgénéff, der auch seit ich von Paris weg bin, nicht das Geringste von sich hat hören lassen?³

Treulichst für immer der Ihrige,

v. Müller

Перевод:

Висбаден, 25 апреля 42

Когда я получил Ваши дорогие строки, мой драгоценный друг! я поспешил поскорее передать Вам тома Рунге и не сопроводил их хотя бы несколькими словами. Без сомнения, они Вам уже пришли и дарят Вам разнообразное удовольствие.

Позвольте мне, прежде всего, выразить свое искреннее и печальное сочувствие в том, что и Ваше семейное счастье теперь также омрачено. Такой тонкий душевный склад, как Ваш, воспринимает счастье и несчастье вдвойне чутко, и знать о том, что Ваше пре-

красное, чистое наслаждение исполняющим все Ваши желания идиллическим состоянием нарушено – горькая потеря для всех Ваших друзей. Пусть же, наконец, по крайней мере наступающая весна будет благотворной для Вашей дорогой супруги и скоро восстановит полностью ее силы.

Состояние моей бедной невестки, напротив, за последние 5–6 недель лишь значительно ухудшилось, и мы проводим дни вместе в страданиях и мучительнейшем страхе. Страшное воспаление и последующее затянувшееся высыпание прошли, но все говорит о том, что есть основания опасаться крайне опасной (внематочной) беременности, исход которой может быть самым трагическим. Так что мы живем день и ночь в самых душераздирающих заботах и опасениях.

На госпожу фон Шорн Ваше письмо ко мне оказало самое благотворное влияние. Не только Ваше искреннее участие, но, скорее, глубоко религиозные чувства, которые Вы выразили, нашли в душе этой благородной страдальцы самый искренний отклик. Она благодарит Вас за это от всего сердца. Несколько дней назад она уехала к своим родителям на 5–6 недель, поскольку ее мать, которая уже долгое время страдает от неизлечимой водянки, может отойти в любой день, поэтому ее ожидает там только повторный траур вместо отдыха.

Я написал биографию Шорна¹ и отправлю ее Вам, как только она будет напечатана. Однако, как дилетант, я был менее склонен отдавать дань уважения его заслугам перед искусством, а более сосредоточился на изображении его как человека, но я надеюсь, что верно все передал.

Тысяча благодарностей, мой дражайший, за прекрасную «Поэзию», которую Вы мне подарили. Она соответствует моим чувствам даже больше, чем Рафаэль. И, вероятно, это также связано с тем, что все превращается в самую благороднейшую поэзию в Ваших руках! И как правдиво Вы говорите: «La vie c'est un beau tableau, dont la souffrance fait le cadre»². Ах, как я и мои близкие почувствовали это в столь горькие часы!

Я прошу уверить Вашего тестя в моих дружеских к нему чувствах и почтении. Как же я сожалею о том, что два года назад мне так недолго удалось пожить в его дружной семье!

Порадуйте меня вскоре снова несколькими строками, они всегда утешительны и очень ценны для меня. Вы ничего не знаете о Тургене-
неве, о котором с тех пор, как я покинул Париж, совершенно ничего
не слышно?³

Всегда преданный Вам

ф. Мюллер

36

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

9/21 июня 1842 г. Веймар

Weimar, den 21. Juni 1842

Sie lassen nichts von sich hören, mein teurer Freund! und mich ver-
langt doch sehr zu vernehmen wie es Ihnen ergeht. Bei uns ist alles noch
in den Ihnen bekannten Bergen und qualvollen Zustand, doch meine
Schwiegertochter gibt uns noch ganz dieselben Sorgen wie vor 2–3 Mo-
naten; bald geht es ihr einige Tage besser und schmerzloser, bald wieder
ist die Ärmste sehr leidend. Und so weiche ich auch nicht von der Stelle
und wage keinen Ausflug.

In der Anlage sende ich Ihnen meine Denkschrift auf unsren Schorn;
möge sie dem Bilde entsprechen, was Sie von dem edlen Entschlafenen in
sich tragen!

Frau von Schorn grüßt Sie aufs Herzlichste; sie und ihre Kinder sind
wohl, und der Fürsorge für letztere widmet sie sich aufs Treuste und Ver-
ständigste, wie sehr auch die Wunde ihres Herzens fortblutet.

Tourgénéff schrieb mir gestern aus Kissingen; er will nächsten Monat
hier durchkommen und beklagt, dass der Zustand seiner Beine ihn von
Straßburg direkt nach Kissingen getrieben, ohne, wie er gehofft, Sie in
Düsseldorf aufsuchen zu können.

Bei Maltitz¹, mit dem ich in freundlichstem Verkehr stehe, gedenken
wir oftmals Ihrer aufs Treulichste. Jetzt war noch sein Schwager Tutchef²
10–11 Tage hier, der mir ein sehr unterrichteter und sinniger Mann
scheint, trotz mancher Sonderbarkeiten.

Die Frau Großherzogin war seit 4–5 Wochen sehr leidend an der
Grippe; Mitte nächsten Monats geht sie deshalb nach Franzensbad. Bis
dahin wird <die> liebenswürdige Prinzess von Preußen³ bei uns weilen.

Höchlich gefreut hat es mich, dass Sie abermals ein so schönes Zeichen der Achtung und Zuneigung des Königs von Preußen empfangen haben und diese Freude wurde hier allgemein geteilt⁴. Einen Kosmopolitischen Orden gibt es wohl nicht, und Metternich⁵ und Arago⁶ sind ein schöner Beweis, dass des Königs Freisinn durch keine Berechnung der Politik beschränkt wird.

Werden Sie denn keine Reise während der schönen Jahreszeit unternehmen, die uns näher bringen könnte? Denn dass die Gesundheit Ihrer lieben Gemahlin ganz wiederhergestellt sei, darf ich doch wohl sicher annehmen?

Die innigsten Wünsche meiner Seele eilen zu Ihnen hin; gedenken Sie auch meiner freundlich im Schoße Ihres Glücks!

v. Müller

Sie würden mich sehr verbinden, wenn Sie mir erhaschen möchten, ob die Witwe Immermann schon nach Halle abgereist ist.

Перевод:

Веймар, 21 июня 1842

Вы ничего не даете о себе знать, мой дорогой друг! А мне необходимо знать, как у Вас обстоят дела. Мы все еще в известных Вам заботах и мучительном состоянии, и моя невестка доставляет нам все те же хлопоты, что и 2–3 месяца назад; то на несколько дней ей становится лучше и легче, то бедняжка вновь очень больна. И поэтому я тоже не покидаю своего места и не решаюсь на какие-либо поездки.

В приложение к письму отправляю Вам свой некролог о нашем Шорне; надеюсь, он соответствует тому образу усопшего, что Вы носите в себе!

Госпожа фон Шорн искренне приветствует Вас; она и ее дети здоровы, и заботе о последних она посвящает себя вернее и полнее всего, независимо от того, насколько сильно еще кровоточит рана в ее сердце.

Тургенев писал мне вчера из Киссингена; он хочет захватить в следующем месяце и сожалеет, что состояние его ног привело его из

Страсбурга прямо в Киссинген, не позволив навестить, как он надеялся, Вас в Дюссельдорфе.

С Мальтицем¹, с которым я нахожусь в дружеском общении, мы часто добрым словом вспоминаем Вас. В настоящее время здесь также был дней 10–11 его зять Тютчев², который кажется мне очень образованным и здравомыслящим человеком, несмотря на многие странности.

Великая герцогиня очень страдала от гриппа в течение 4–5 недель; поэтому она едет в Франценсбад в середине следующего месяца. До тех пор милая принцесса Прусская³ будет гостить у нас.

Меня очень обрадовало, что король Пруссии снова выказал Вам такой прекрасный знак уважения и расположения, и эту радость здесь все мы разделяем⁴. Универсального космополитичного ордена, вероятно, не существует, а Меттерних⁵ и Араго⁶ являются прекрасным доказательством того, что свободомыслие короля не обусловлено какими-либо политическими расчетами.

Не собираетесь ли Вы совершить в такое приятное время года какой-либо поездки, которая могла бы сблизить нас? Могу ли я тогда быть уверенным, что здоровье Вашей дорогой супруги полностью восстановлено?

Самые искренние пожелания моей души устремляются к Вам; любезно вспоминайте меня на лоне Вашего счастья!

ф. Мюллер

Вы бы очень обязали меня, если бы смогли сообщить, выехала ли вдова Иммермана в Галле.

37

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

19/31 июля 1842 г. Веймар

Weimar, den 31. Juli 42

Sie haben, mein vielgeliebter Freund! so lange Nichts von sich hören lassen, dass ich recht unruhig darüber bin.

Taube, trostlose Tage gingen seitdem an mir und den Meinigen vorüber. Die Krankheit meiner zärtlichst geliebten Schwiegertochter ward

immer gefährlicher, Furcht und Hoffnung wechselten stündlich; doch ihr mitten unter allem Leiden noch stets milder, heiterer Sinn, der ungetrübte seelenvolle Blick ihres Auges, drängten den Gedanken an ein nahes Scheiden immer wieder zurück.

Die Hautwassersucht nahm so gewaltig zu, dass am 14. zu der Operation des Junctiones geschritten werden musste. Sie ging leicht und anscheinend glücklich vorüber, wir atmeten neu auf. Aber Tags darauf trat heftiges Fieber ein und am frühen Morgen des 19. Juli ging der schönste, reinste Stern unseres Lebens uns unter.

Sie schied mit vollem Bewusstsein, voll frommer Ergebung, voll gläubiger Hoffnung seligen Wiedersehens, aber dieser Abschied durchschnitt uns das Herz und es wird ewig, ewig bluten.

Ja, Ihr armer kleiner Pate, das dritthalbjährige holde Kind, hat die herrliche, liebevoll-sorgsamste Mutter verloren, mein Sohn die treueste, engelgleiche Gattin, meine Frau und ich die geliebteste Tochter, die Hoffnung und Stütze unseres Lebensabends. Sie, mein Teurer! fühlen tiefer als irgendjemand was das sagen will – Ihre Tränen werden sich mit den unsrigen mischen. Ich muss mit Goethe ausrufen: „Der ganze Gewinn meines Lebens // Ist ihren Verlust zu beweinen!“¹. Es gibt Stunden, wo ich mich zu fassen, wieder mit Mut aufzurichten vermag, aber bald tritt der ungeheure Schmerz mit verdoppelter Gewalt von neuem heran und überwältigt alle Gründe des Trostes und der Ergebung. Und so müssen Sie mir schon verzeihen, wenn ich der Federfreien Lauf gelassen habe, mein Gefühl auszuhuchen; es ist doch aufrichtend, es in die Brust eines so edlen Freundes wie Sie auszugießen und sich die Gewissheit seiner innigen Teilnahme zu erneuern.

Sagen Sie mir bald wie es Ihnen und den Ihrigen ergeht; Sie wohl und glücklich zu wissen wird mir Balsam sein.

Meine Frau und mein Sohn begrüßen Sie aufs Wehmütigste.

Von ganzer Seele der Ihrige

v. Müller

Перевод:

Веймар, 31 июля 42

Вы, мой любимый друг! так долго ничего не даете о себе знать, что я очень обеспокоен этим.

Пустые, безутешные дни шли с тех пор для меня и моих близких. Болезнь моей нежно любимой невестки становилась все более и более опасной; страх и надежда сменяли друг друга ежечасно; но ее светлый ум, все еще добрый и безмятежный среди всего этого страдания, безоблачный, одухотворенный взгляд ее глаз постоянно оттапливали мысль о близкой разлуке.

Отек покровов настолько возрос, что 14-го числа пришлось сделать операцию. Она прошла легко и, казалось, что успешно, мы вновь вздохнули с облегчением. Но на следующий день началась сильная лихорадка, и ранним утром 19 июля погасла самая прекрасная, самая чистая звезда нашей жизни.

Она ушла в полном сознании, наполненная благочестивым смирением, верной надеждой на воссоединение душ, но это прощание нанесло нашим сердцам такие раны, которые будут вечно, вечно кровоточить.

Да, Ваш бедный маленький крестник, прелестное дитя трех с половиной лет, потерял прекрасную, ласковую и заботливую мать, мой сын – самую преданную, ангелоподобную супругу, моя жена и я – самую любимую дочь, надежду и поддержку в нашей старости. Вы, мой дорогой! чувствуете глубже, чем кто-либо, о чем я говорю – Ваши слезы смешаются с нашими. Я должен воскликнуть вслед за Гёте: «Der ganze Gewinn meines Lebens // Ist ihren Verlust zu beweinen!»¹. Бывают часы, когда я пытаюсь собраться и снова мужественно воспрянуть духом, но вскоре чудовищная боль с удвоенной силой вновь наступает и подавляет все основания для утешения и смирения. И поэтому Вы должны простить меня, если я позволил своему перу излишнюю свободу, чтобы выразить мои чувства; это ободряет – излить их в душу такого благородного друга, как Вы, и вновь обрести уверенность в его искреннем сочувствии.

Сообщите мне скорее, как дела у Вас и Ваших близких; знать, что Вы в здравии и счастливы, будет бальзамом для меня.

Моя жена и сын приветствуют Вас в своей глубокой печали.

Всей душой Ваш

ф. Мюллер

38

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
23 июля / 4 августа 1842 г. Дюссельдорф

Cher, cher ami! Quelle nouvelle m'apporte votre lettre! Elle m'a frappé au cœur et j'ai mêlé mes larmes aux vôtres. Cette bonne, douce, angélique Jemme n'existe donc plus. Grand Dieu! mourir si jeune!.. Et vous, mon excellent ami, vous qui vous réjouissiez tant du bonheur de votre fils, qui vous réjouissiez de l'espérance de laisser après vous une nouvelle génération si heureusement commencée sous vos yeux, vous êtes donc destiné à fermer les yeux de votre charmante belle-fille, qui meurt à la fleur de l'âge, et à voir son enfant orphelin au berceau! Je vous plains du fond de mon âme et je partage votre douleur (une douleur que je conçois à présent plus qu'autrefois) avec une fidèle amitié, sans pouvoir toutefois vous apporter aucune consolation par mes paroles. Cette perte est cruelle et sans remède! Je puis figurer toute la douleur de votre excellent fils: celle qu'il a perdu a été un rare trésor.

Ce malheureux événement a donc eu lieu le 19 juillet. C'est le jour où j'avais quitté Düsseldorf pour faire une course à Francfort S/M. Mon voyage a été cause du retard de ma réponse à votre dernière lettre. J'allais l'écrire aujourd'hui... Mon cher! comme on est toujours peu sûr de ce qu'on fera dans le moment qui va suivre! comme on est toujours sur les bords de quelque malheur! Ai-je pu penser ce matin que tel sera le contenu de ma lettre à vous? Peut-on se fier à la vie? Peut-on un seul moment se réjouir avec sécurité de biens qu'on possède? Ou plutôt que deviendrait-on ici bas sans la foi qui nous explique les pertes que nous faisons, et sans la résignation qui nous délivre du despotisme de la nécessité impitoyable et nous place sous la loi d'un père tout puissant qui sait ce qu'il nous donne et ce qu'il nous ôte.

Encore une fois! Ai-je pu prévoir ce matin qu'à midi je vous parlerai sur la mort de votre chère belle-fille que j'ai vue si peu, mais à laquelle j'ai voué une amitié devenue vieille si vite. Oui, je me joins à vous tous pour partager vos regrets – la perte que vous avez fait est inappréciable. Et il n'y a pas de mot assez puissant pour vous apporter quelque consolation de ma part; je ne puis que prendre part à votre malheur; mais de loin cela ne peut vous être d'aucun soulagement. Toutefois vous savez

où chercher et comment trouver le remède, seul efficace pour la maladie qui déchire votre âme. Que Dieu vous l'accorde!

Je vous prie d'offrir mes vœux à votre excellente femme et à votre malheureux fils. Un précieux gage reste à celui-ci, gage qui l'unit à la vie et en même temps à celle qu'il a perdue. Que Dieu lui donne force et courage.

Adieu cher ami.

Le vôtre *Joukovsky*

M. Immermann n'est plus à Düsseldorf.

4 Août 1842. Düsseldorf

Je vous prie de m'écrire vite.

Перевод:

Дорогой, дорогой друг! Какую новость принесло мне Ваше письмо! Она ранила меня в самое сердце, и мои слезы добавились к Вашим. Добрая, милой Жеммы, этого ангела нет более. Великий Боже! Умереть такой молодой!.. А Вам, мой драгоценный друг, так радовавшемуся счастью сына, радовавшемуся надежде оставить после себя новое поколение, так счастливо появившееся на Ваших глазах, Вам уготовано закрыть глаза Вашей очаровательной невестке, умирающей во цвете лет, и видеть в колыбели ее осиротевшее дитя! Мне от всего сердца жаль Вас, и я разделяю Вашу боль (боль, которую я понимаю ныне лучше, чем когда-либо) с преданной дружбою, не имея, однако, возможности утешить Вас словами. Эта потеря жестока и неизлечима! Я могу представить всю боль Вашего милейшего сына: та, которую он потерял, была редким сокровищем.

Это горестное событие произошло 19 июля. В тот день я покинул Дюссельдорф и направился во Франкфурт-на-Майне. Моя поездка явилась причиною задержки с ответом на Ваше последнее письмо. Я пишу его сегодня... Дорогой мой! Насколько мы мало знаем о том, что будет в следующую минуту! Насколько близко мы всегда к несчастью! Мог ли я помыслить сегодня утром, каково будет содержание моего письма к Вам? Можно ли полагаться на

жизнь? Можно ли хоть какое-то время спокойно радоваться тому, что имеем? И чем стали бы мы в этом мире без веры, объясняющей наши потери, и без смирения, избавляющего от жестокой и безжалостной неизбежности и ставящего нас под закон всемогущего Отца, который знает, что дает, а чего лишает.

Еще раз! Мог ли я предвидеть сегодня утром, что в полдень буду говорить с Вами о смерти Вашей дорогой невестки, которую я так мало видел, но с которой завязал так быстро окрепшую дружбу. Да, я разделяю Вашу скорбь – Ваша потеря безгранична. Нет слов, чтобы утешить Вас, я могу лишь разделить Ваше несчастье, но это не сможет принести Вам облегчение. Но Вы знаете, где искать и как найти то единственное лекарство от болезни, раздирающей Вашу душу. Да ниспошлет Вам его Господь!

Прошу кланяться от меня Вашей любезной супруге и несчастному сыну. Ему остается драгоценный залог, соединяющий его с жизнью и в то же время с той, которую он потерял. Пусть Господь даст ему силы и мужества.

Прощайте, дорогой друг.

Ваш Жуковский

Г-жи Иммерман нет в Дюссельдорфе.

4 августа 1842. Дюссельдорф

Прошу поскорее ответить мне.

39

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

2/14 ноября 1842 г. Дюссельдорф

Mon cher ami,

Je m'empresse de vous communiquer le bien heureux événement qui vient de combler tous mes vœux. Depuis trois jours je suis père¹. Ma femme a mis au monde une fille, joli enfant, que je recommande à votre bienveillance; partagez la joie du père. Je sais que l'affliction, que vient d'éprouver votre âme, ne vous empêchera pas d'avoir de la sympathie pour le bonheur qui remplit la mienne. J'en parle avec vous librement en

continuant en même temps à partager sincèrement votre peine, en regrettant avec vous cette charmante fille que vous avez perdue. Mais vous, mon ami, faites des vœux que la mienne me reste: toutefois disons tous les deux: que la volonté de Dieu se fasse.

Ma fille aura le nom d'Alexandrine. Elle sera baptisée par notre prêtre qui réside à Stutgard², auquel j'ai déjà écrit et qui m'a promis de venir à Dusseldorf. J'ai saisi en cela le conseil de M. de Maltitz auquel je vous prie de communiquer en mon nom l'heureux événement qui m'arrive. Il se réjouira avec moi.

Vous m'obligerez infiniment si vous faites parvenir jusqu'à Madame La Grande Duchesse la nouvelle de ce qui m'arrive. Elle daigne avoir de la bonté pour moi et certainement ne sera pas indifférente à ma joie domestique, elle, qui à présent doit se réjouir plus que jamais dans l'ambiance de son ménage.

Vous êtes en correspondance avec les comtesses Egloffstein: écrivez-leur un mot sur mon compte. L'Excellent Caroline, ayant vu ma femme alors promise, devina mon bonheur; dites-lui que son sentiment prophétique ne l'a pas trompée et que je lui garderai une éternelle reconnaissance pour avoir été prophète.

Mes tendres amitiés à madame de Schorn: son cœur prendra part à ce qui remplit à présent le mien.

Adieu, cher ami. Ecrivez-moi un mot sur vous – il y a si longtemps que vos lettres me manquent. Je vous embrasse avec sincère amitié.

Joukovsky

2/14 novembre 1842. Dusseldorf

Перевод:

Дорогой друг,
спешу сообщить Вам о счастливом событии, которое воплотило все мои желания. Вот уже три дня как я отец¹. Моя жена произвела на свет девочку, милое дитя, будьте к нему благосклонны и разделите отцовскую радость. Я знаю, что скорбь, которую недавно испытала Ваша душа, не помешает Вам отнестись с симпатией к счастью, которое наполняет мою. Я говорю откровенно, продолжая в то же время искренне разделять Ваше горе и скорбь вместе с Вами о прелестной девочке, что Вы потеряли. Но Вы, друг мой,

пожелайте, чтобы моя осталась со мной: скажем вдвоем: да будет воля Божия.

Моя дочь получит имя Александрина. Ее окрестит наш священник из Штутгарта², которому я уже написал, и он обещал приехать в Дюссельдорф. В этом я воспользовался советом г-на Мальтица, которому я прошу сообщить от моего имени о счастливом событии, произошедшем у меня. Он порадуется со мной.

Вы меня бесконечно обяжете, если сообщите великой герцогине известие о том, что у меня произошло. Она удостаивает меня своей благосклонности и, конечно, не останется равнодушна к моей семейной радости, именно она должна теперь радоваться более, чем когда-либо, в окружении своей семьи.

Вы состоите в переписке с графинями Эглоффштейн: напишите им обо мне. Милейшая Каролина, увидев мою жену, в то время еще невесту, угадала мое счастье; скажите ей, что ее пророческое чувство ее не обмануло и что я буду ей вечно признателен за ее пророчество.

Дружеский поклон г-же Шорн: ее сердце примет участие в том, что наполняет сейчас мое.

Прощайте, дорогой друг. Напишите словечко о Вас – мне так давно не хватает Ваших писем. Обнимаю с искренней дружбой.

Жуковский

2/14 ноября 1842. Дюссельдорф

40

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

10/22 ноября 1842 г. Веймар

Weimar, den 22. Nov<ember> 1842

Wie große Freude, mein Teurer! haben Sie mir und uns allen durch die frohe Kunde des Ihnen gewordenen Vaterglücks gemacht! Empfangen Sie meinen und meiner Familie innigste Glückwünsche. Möge der Himmel Ihnen in dem lieben Töchterchen eine neue Fülle der reinsten Zufriedenheit eröffnet haben und die Wochen Ihrer Teuren Gemahlin aufs Glücklichste vorüber gehen!

Die Frau Großherzogin nahm lebhaften Teil an diesem Ihnen so wichtigen Ereignis und begrüßt Sie auf das Wohlwollendste. Herr von Maltitz will Ihnen selbst schreiben¹.

Gräfin Egloffstein, die wir schon seit 2 Monaten hier besitzen und hoffentlich noch bis zum Februar besitzen werden, ist gleich erfreut von Ihrem treuen Andenken, wie von der schönen Kunde, die ich ihr mitteilen konnte. Von ihr und der guten Frau von Schorn soll ich Ihnen Tausend herzliche Glückwünsche ausrichten.

Wie tief wird Ihre Seele in den entscheidenden bangen Stunden der Erwartung Besorgnis und Hoffnung, diese Vorläufer jeder großen Entscheidung, empfunden haben, aber wie beseligend wird auch des liebsten Wunsches Erfüllung „des Himmels schönste Tochter“² an die Stelle der Besorgnis getreten sein!

Seit jenen Tagen der Trauer, die wir nie verwinden werden, floss mir und den Meinen das Leben still und trüb hin. Mein Sohn war mitunter recht unwohl, meine Frau sehr angegriffen, ich selbst nur durch Geschäfte und einige kleine Geschäftsreisen nicht eben erheitert, aber doch zerstreut und ein wenig erfrischt. Dass unser kleiner Liebling frisch und munter blieb und recht erwünscht gedeiht, war unser größtes Labsal. Die Vermählungsfeierlichkeiten³ machten einige Diversiva, mit lebhafter Freude kann ich Ihnen sagen, dass unsere Erbgröfherzogin nicht liebenswürdiger sein könnte als sie ist. Geist und Bildung, Sinn für das Ernste im Leben und heiterste Naivität vereinigen sich in ihr aufs Harmonischste. Man vergisst über ihre Anmut gar leicht, dass sie nicht schön ist und das Graziöse ihres Wesens verleiht ihr einen ganz eigentümlichen Reiz.

Haben Sie den merkwürdigen Tagen zu Köln beigewohnt? Einige Freunde, die dort waren, können mir das Imposante des Eindrucks nicht genug schildern.

Geben Sie mir doch ja bald wieder Kunde von sich und den lieben Ihrigen und genießen Sie Ihr Glück recht ungetrübt und rein!

Immerdar der Ihrigste

v. Müller

Перевод:

Веймар, 22 ноября 1842

Какую великую радость, мой дорогой! Вы доставили мне и всем нам радостными новостями о своем наступившем счастье отцовства! Примите сердечные поздравления от меня и моей семьи. Пусть небеса откроют для Вас в дорогой маленькой дочурке новый источник самой чистой радости, и пусть счастливо проходят дни Вашей дорогой супруги!

Великая герцогиня искренне разделяет с Вами это очень важное для Вас событие и приветствует Вас самым доброжелательным образом. Господин фон Мальтиц напишет Вам сам¹.

Графиня Эглоффштейн, которая у нас уже в течение 2 месяцев и, надеюсь, пробудет еще до февраля, радуется воспоминанию о Вас, равно как и прекрасной вести, которую я имел честь ей сообщить. От нее и от доброй госпожи Шорн я передаю Вам тысячу поздравлений.

Как глубоко, должно быть, Ваша душа переживала решающие тревожные часы ожидания, беспокойства и надежды, эти предвестники каждого великого события, но как блаженно беспокойство сменяется исполнением самого дорогого желания «самой прекрасной дочери небес»!²

С тех печальных дней, которые мы никак не преодолеем, моя жизнь и жизнь моих близких протекала тихо и мрачно. Мой сын временами был нездоров, моя жена очень потрясена, я сам в делах и небольших поездках не то чтобы развеялся, но лишь отвлекся и немного воспрял. То, что наш маленький любимец остался здоровым и бодрым и так благополучно подрастает, было нашим самым большим утешением. Свадебные празднества³ внесли некоторые перемены, и я с живой радостью могу сказать Вам, что наша наследная великая герцогиня не могла бы быть более любезной, чем она есть. Дух и воспитание, серьезное отношение к жизни и самая безмятежная наивность соединяются в ней самым гармоничным образом. Ее обаяние заставляет забыть, что она некрасива, а грациозность ее природы придает ей своеобразный шарм.

Вы присутствовали в эти удивительные дни в Кёльне? Некоторые из друзей, которые были там, не находят слов, чтобы с достаточной выразительностью описать свои впечатления.

Подайте же мне вскоре вновь вести о Вас и Ваших близких и наслаждайтесь своим счастьем совершенно безоблачно и чисто!

Всегда Ваш

ф. Мюллер

41

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

23 июня / 5 июля 1843 г. Веймар

Weimar, den 5. Juli 1843

Sie haben, mein teurer Freund, mich ewig lange nichts von sich hören lassen und nun vernehme ich plötzlich durch Staatsrat Lieppmann¹, dass Sie über die Gesundheit Ihrer teuren Gemahlin in Sorgen seien und wahrscheinlich sie nach Ems begleiten würden. Ich bitte Sie daher herzlich, mir ein beruhigendes Wort zukommen zu lassen und mir zu eröffnen, ob Sie wirklich und *wann* nach Ems gehen?² Denn ich selbst hoffe gegen Ende dieses Monats nach Frankfurt zu kommen und würde eilen Sie in Ems aufzusuchen, wenn ich Sie dort wüsste. Und wie sehr würde unser Wiedersehen mich beglücken!!

Es ging mir nicht gut, dieses ganze abscheuliche Frühjahr her. Der Rhein und die Freunde sollen mich erfrischen; seit gestern fangen wir erst an wieder aufzuleben und sonniger Stunden froh zu werden.

Maltitz u<nd> Lieppmann grüßen aufs Innigste.

Unwandelbar der Ihrige

v. Müller

Перевод:

Веймар, 5 июля 1843

Вы, мой дорогой друг, бесконечно долгое время не давали ничего знать о себе, и теперь я вдруг слышу от статского советника Липмана¹, что Вы обеспокоены здоровьем Вашей дорогой супруги и,

вероятно, будете сопровождать ее в Эмс. Поэтому я сердечно прошу Вас обнадежить меня и сообщить, действительно ли Вы едете в Эмс и *когда?*² Потому что сам я надеюсь приехать во Франкфурт к концу этого месяца и поспешил бы навестить Вас в Эмсе, если бы знал, что Вы там. И как осчастливила бы меня наша встреча!!

Эта отвратительная весна не пошла мне на пользу. Рейн и друзья должны взбодрить меня; лишь со вчерашнего дня мы начали вновь радоваться золотой и солнечной погоде.

Мальтиц и Липман передают искреннейший привет.

Неизменно Ваш

ф. Мюллер

42

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

2/14 июля 1843 г. Эмс

14 juillet 1843. Ems

Mon cher ami,

Je suis à Ems et demain je le quitte pour aller passer 3 semaines à Swahlbach¹. Si vous venez m'y trouver, vous accélérerez la bonne influence des eaux pour nous. Il me sera bien doux de vous introduire dans le cercle petit de ma famille. Venez donc, venez absolument.

Tout à vous

Joukovsky

Перевод:

14 июля 1843. Эмс

Дорогой друг

я теперь в Эмсе, но завтра уезжаю на три недели в Швальбах¹. Если Вы приедете меня навестить, то ускорите для нас благотворное влияние вод. Мне будет приятно ввести Вас в маленький круг моей семьи. Приезжайте же, приезжайте непременно.

Всецело Ваш

Жуковский

43

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
18/30 июля 1843 г. Веймар

Weimar, den 30. Juli 1843

Die schöne Hoffnung mit Ihnen und den Ihrigen einige gemütliche Tage in Schwalbach zuzubringen, scheint leider, zu meinem größten Schmerz, scheitern zu sollen. Durch hartnäckigen Katarrh und Husten schon seit 14 Tagen an das Zimmer gefesselt, will der Arzt, obgleich es mir schon um vieles besser geht, mich dennoch unter 8 Tagen nicht abreisen lassen. Sonach würde ich vor dem 10-11. August nicht in Schwalbach eintreffen können, und dann sind Sie, nach der mir gemachten Mitteilung, wohl schon fern?

Oder lässt die Witterung, oder irgendein anderer Umstand mich hoffen, Sie zu dieser Zeit noch dort zu treffen? Wenn Sie die Güte haben möchten, gleich nach Empfang dieser Zeilen mir darüber Auskunft zu geben, so würde Ihr Brief mich hier noch treffen und Richtschnur meiner Reise werden. Unausprechlich leid würde es mir tun Sie zu verfehlen!

In treuster Freundschaft und Ergebenheit

der Ihrigste *v Müller*

Перевод:

Веймар, 30 июля 1843

Прекрасная надежда провести приятные дни в Швальбахе с Вами и Вашими близкими, должно быть, к моему большому сожалению, обречена на провал. Из-за катара и кашля я уже 14 дней прикован к постели, и, хотя мне уже намного лучше, доктор все же не позволит мне уезжать около 8 дней. Следовательно, я не мог бы прибыть в Швальбах ранее 10-11 августа, и Вы, как мне сообщили, будете, вероятно, уже далеко?

Или же погодные условия или иные обстоятельства позволят мне надеяться встретить Вас там к указанному сроку? Если Вы будете любезны осведомить меня сразу после получения этих строк,

Ваше письмо еще найдет меня здесь и станет руководством к моей поездке. Было бы несказанной жалостью упустить Вас!

С искреннейшей дружбой и преданностью

Ваш ф. Мюллер

44

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

23 июля / 4 августа 1843 г. Швальбах

Cher ami,

Il faut donc se résigner à ne pas vous rencontrer cette fois sur mon chemin; c'est bien triste; d'autant plus que la cause de ce contretemps est une maladie. Je me refuse avec peine de l'espérance de vous voir; je me félicitais tant de vous faire faire connaissance avec ma femme et mon enfant – mais demain je quitte Schwalbach et après demain je compte être à Dusseldorf. Je n'ai rien de positif à vous dire sur la santé de ma femme; les médecins disent que le bon effet des bains se déclarera dans quelques semaines. Que Dieu le veuille.

Adieu, cher ami. Mes amitiés à votre aimable famille. Je suis dans les connivences de l'emballage.

Tout à vous

Joukoffsky

1843, 4 août Schwalbach

Перевод:

Дорогой друг,

Следует покориться тому, что я не встречу с Вами по пути; это печально, тем более что причиной этой помехи является болезнь. Я с трудом отказываюсь от надежды увидеть Вас; я так радовался познакомиться с Вами с моей женой и ребенком – но завтра я уезжаю из Швальбаха, а послезавтра рассчитываю прибыть в Дюссельдорф. Я Вам не могу сказать ничего положительного о здоровье моей жены; врачи говорят, что благотворное действие ванн обнаружится через несколько недель. Да хранит Вас Бог.

Прощайте, дорогой друг. Дружеский поклон Вашей милой семье. Я упаковываю вещи и в этой горячке остаюсь всецело Ваш

Жуковский

1843, 4 августа. Швальбах

45

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
22 сентября / 4 октября 1844 г. Веймар

à Weimar, ce 4/10. 44

Je profite du retour de notre cher peintre Martersteig¹, qui retourne à Paris et qui devait déjà passer par Francfort lorsque Tourguénéff s'y trouvait encore², pour Vous saluer, mon très cher et excellent Ami, et pour Vous dire combien le souvenir des moments, que j'étais assez heureux de passer auprès de Vous, m'est précieux.

Toutes les personnes ici, qui Vous sont attachées, ont été charmées des bonnes nouvelles que j'ai pues leur donner de Vous et de Votre bonheur domestique. Mais je n'ai point encore vu Madame la Grande Duchesse; voilà déjà près de six semaines qu'Elle est obsédée d'un détestable rhume qui la rend prisonnière dans sa chambre et qui est accompagné d'une toux bien opiniâtre. Cependant Elle se porte sensiblement mieux depuis les derniers huit jours et on ose espérer que les médecins Lui permettront bientôt de sortir.

La Comtesse Julie d'Egloffstein se trouve ici depuis quelques jours et va faire une exposition de ses tableaux.

Elle me charge de Vous dire mille et mille choses affectueuses de sa part. Si Vous voulez bien accorder quelques moments à M. Martersteig Vous lui trouverez certainement des qualités bien intéressantes. Il sera charmé de pouvoir apporter des nouvelles bien fraîches de Vous à notre bon Tourguénéff. Ma femme et mon fils se recommandent instamment à Votre bienveillant souvenir et moi, je Vous embrasse tendrement en offrant tous mes respects à Madame Votre aimable épouse. Adieu, adieu, chérissime Ami!

Fr. de Müller

Перевод:

Веймар, 4/10 44

Пользуюсь случаем возвращения нашего дорогого художника Мартерштейга¹, который возвращается в Париж и который должен был проехать через Франкфурт, пока Тургенев еще находился там²,

чтобы поприветствовать Вас, мой дорогой и замечательный друг, чтобы сказать Вам, насколько ценно для меня воспоминание о тех моментах, которые я имел счастье провести рядом с Вами.

Все те, кто к Вам привязан здесь, были очарованы добрыми вестями, которые я смог им принести о Вас и о Вашем семейном счастье. Но я еще не видел великую герцогиню. Вот уже около шести недель, как ее мучает ужасный насморк, который делает её пленницей в собственной комнате и который сопровождается стойким кашлем. Тем не менее она стала чувствовать себя заметно лучше в течение последней недели, и можно надеяться, что в скором времени доктора позволят ей выходить.

Графиня Юлия фон Эглоффштейн находится здесь уже несколько дней и собирается устроить выставку своих картин.

Она поручила мне передать Вам от нее тысячи нежных слов. Если Вы уделите немного времени господину Мартерштейгу, то, несомненно, найдёте в нём определенные достоинства. Ему будет приятно передать свежие новости о Вас нашему доброму Тургеневу. Моя жена и мой сын кланяются Вам, а я Вас нежно обнимаю и выражаю всяческое почтение Вашей любезной супруге. Прощайте, прощайте, дражайший друг!

Фр. де Мюллер

46

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

5/17 января 1845 г. Веймар

Weimar, den 17. Jan<uar> 45

Mit der größten Freude habe ich heute die glückliche Entbindung Ihrer Frau Gemahlin von einem Sohne vernommen, mein teuerster Freund!¹

Ich eile Ihnen meine allerherzlichsten Glückwünsche auszudrücken, und um so mehr als ich bei meiner letzten Anwesenheit in Frankfurt Ihre Frau Gemahlin leidend wusste und um die Erfüllung ihrer Hoffnungen besorgt sein musste. Und nun ein Sohn – wie überglücklich wird Sie diese Himmelsgabe machen! So bleibt denn nur zu wünschen übrig, dass Mutter und Kind die ersten kritischen Wochen kräftig überstehen und fortwährend das reinste häusliche Glück Ihnen bereiten mögen.

Die Frau Großherzogin Königliche Hoheit erfuhr nicht sobald Ihr frohes Begebnis, als sie mir sogleich mit wärmster Teilnahme auftrug, Ihnen in Ihrem Namen die gefühltesten Glückwünsche auszusprechen. Die Gesundheit dieser hochverehrten Fürstin ist – dem Himmel sei Dank – wieder völlig hergestellt.

Sagen Sie mir doch, mein Teurer, ein Wörtchen über Tourgenéffs Befinden². Der federfaule Mann lässt mich Nichts von sich hören und auch Martersteig hält nicht Wort, mir Kunde von ihm zu geben.

Ohne Zweifel hat Homer³ in den letzten Wochen etwas bei Seite gelegt werden müssen. Nun aber werden seine Gesänge wieder desto freundlicher Sie anmuten. Ich bitte auch Ihren würdigen Schwiegereltern und Ihrer Frau Gemahlin meine herzlichsten Glückwünsche zu verkünden – Glückwünsche, denen meine Frau und mein Sohn sich aus voller Seele anschließen.

Mit treuester Freundschaft

Der Ihrigste *F. von Müller*

Перевод:

Веймар, 17 ян<варя> 45

С величайшей радостью я получил сегодня известие о счастливом разрешении от бремени Вашей супруги и появлении сына, мой дражайший друг!¹

Спешу передать Вам свои самые искренние поздравления, тем более что во время моего последнего пребывания во Франкфурте я знал, что Ваша супруга больна, и тревожился о благополучном исполнении ее надежд. И вот – сын... каким чрезвычайно счастливым сделает Вас этот дар небес! Так что мне остается только пожелать, чтобы мать и дитя крепко выстояли первые непростые недели и доставили Вам чистейшее земное счастье.

Как только ее королевское величество великая герцогиня узнала о Вашем счастливом событии, она сразу дала мне поручение с теплым участием выразить Вам от ее имени самые искренние поздравления. Здоровье глубокоуважаемой герцогини – слава богу – полностью восстановилось.

Напишите мне, мой дорогой, пару слов о здоровье Тургенева². Этот ленивый до писем человек не дает ничего о себе знать, и к тому же Мартерштейг не держит слова и не сообщает мне вести о нем.

Без сомнения, Гомер, должно быть, отложен в сторону³ в последние несколько недель. Но теперь его песни вновь будут казаться Вам более притягательными. Также прошу передать мои искренние поздравления почтенным родителям Вашей супруги – к поздравлениям в их адрес от всей души присоединяются моя жена и сын.

С самыми искренними дружескими чувствами

Ваш *Ф. фон Мюллер*

47

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

9/21 января 1845 г. <Франкфурт-на-Майне>

J'allais vous écrire lorsque j'ai reçu votre bonne et aimable lettre. Vous savez donc le bonheur que Dieu a daigné nous envoyer. Quelle est la bonne âme qui s'est empressée de vous la communiquer en me prévenant? Je la remercie pour cette bonne attention. J'ajouterai à la nouvelle qu'elle a eu la bonté de vous donner sur notre compte, que tout, grâce à Dieu, va bien chez nous. La mère se porte bien, l'enfant aussi; il se primait de voir de ce monde avec beaucoup d'exactitude et de calme, ce qui annonce déjà un caractère solide; il crie peu et boit beaucoup ce qui fait du bien à sa mère qui nourrit elle-même son enfant. Enfin je ne désire rien autre chose que les choses continuent d'aller comme elles vont à présent.

Quant à moi, depuis plus de 6 semaines ma santé est chancelante: cela commence à aller mieux à présent et j'espère que bientôt tout finira en bien. L'Odysée repose; mais je n'ai pas été paresseux. Le dernier jour de l'année 1844 nouveau style j'ai fini la traduction du XIIe chant. Et juste la veille du premier janvier 1845 ancien style j'ai achevé de transcrire ce chant tout corrigé. Ma fille sera le représentant de la première moitié du poème; et mon fils représentera la seconde qui sera, je l'espère, achevée avant mon retour en Russie. Aussitôt que la santé sera raffermie, je me remettrai au travail avec assiduité. Je vous prie de communiquer tout cela à mon cher Maltitz: c'est sous sa bénédiction que je travaille à ma traduction car c'est lui qui m'a fait cadeau d'un

exemplaire grec de l'Odyssee¹; et ses vœux d'ami m'ont porté bonheur: le travail va couramment. Et cela sera, autant que je puis en juger, ma meilleure production poétique; probablement aussi ma dernière.

Je vous prie, cher ami, de mettre aux pieds de son Altesse Impériale Mme la Grande Duchesse les expressions de ma profonde reconnaissance pour l'intérêt que Son Altesse daigne me témoigner. Crainte d'indiscrétion je ne me permets pas de lui adresser directement une lettre; j'ose croire que Son Altesse est persuadée de l'attachement sans bornes que mon cœur lui a voué pour toute ma vie.

Mes hommages à votre chère épouse et à votre excellent fils. Rappelez-moi au souvenir de Mme de Schorn et à celui des comtesses Egloffstein.

Tout à vous

Joukovsky

9/21 janvier 1845

Tourgueneff va à venir chez moi au printemps, il ira à Carlsbad: aussi vous le verrez en passant.

Перевод:

Я собирался написать Вам, когда получил Ваше приятное и любезное письмо. Итак, Вы знаете о том счастье, которое Господь соизволил дать нам. Что же это за добрая душа, которая поспешила Вам о нем сообщить вперед меня? Я благодарен ей за такую заботу. Добавлю к новости, которую она потрудилась сообщить о нас, что, благодаря Господу, у нас все хорошо. Мать чувствует себя хорошо, дитя тоже; его появление на свет было своевременным и спокойным, что указывает на твердость характера; кричит мало, ест много, что благотворно для его матери, которая сама кормит свое дитя. И я не желаю ничего иного, нежели чтобы все продолжалось, как и ныне.

Теперь обо мне. Вот уже более 6 недель, как здоровье мое пошатнулось: теперь мне уже лучше, и я надеюсь, что скоро все закончится наилучшим образом. «Одиссея» отложена, но не моя лень тому причина. В последний день 1844 года по новому стилю я закончил перевод XII песни. А накануне первого января 1845 по старому стилю я уже переписал эту песнь со всеми исправлениями.

Моя дочь воплотит собой первую часть поэмы, а мой сын явит собой вторую, которую я надеюсь закончить до возвращения в Россию. Как только здоровье мое окрепнет, я вновь прилежно примусь за работу. Прошу сообщить все это дорогому Мальтицу: я работаю над переводом с его благословения, ибо именно он подарил мне греческий экземпляр «Одиссеи»¹, и его дружеские пожелания принесли мне счастье: работа продвигается с легкостью. И это будет, насколько я могу судить, моим лучшим поэтическим произведением, вероятно, также и последним.

Прошу Вас, дорогой друг, выразить ее императорскому высочеству великой герцогине мою глубокую признательность за тот интерес, который она ко мне проявляет. Чтобы не показаться бестактным, я не решаюсь адресовать письмо прямо ей; осмеливаюсь верить, что ее высочество убеждена в моей безграничной преданности на всю жизнь.

Мое почтение Вашей дорогой супруге и милейшему сыну. Кланяйтесь от меня г-же Шорн и графиням Эглоффштейн.

Всецело Ваш

Жуковский

9/21 января 1845

Тургенев собирается приехать ко мне весной, он едет в Карлсбад: проездом он повидается и с Вами.

48

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

20 ноября / 2 декабря 1845 г. Веймар

Weimar, den 2. Dez<ember> 45

Frau von Gross¹, Cousine unserer lieben Frau von Schorn und daher auch der Güntherodischen Familie² nah verwandt, reist für einige Tage nach Frankfurt und wünscht sehnlich Ihre Bekanntschaft zu machen, mein teurer, geliebter Freund! Ob sie nun gleich sich schon selbst durch ihre interessante Persönlichkeit am besten empfehlen wird, so benutze ich doch gar gern diese Gelegenheit, Ihnen herzliche Grüße zuzubringen. Wie leben Sie mit den lieben Ihrigen? Wie geht es mit der Gesundheit Ihrer Frau Gemahlin und wie blühen Ihre lieben Kleinen empor?

Nächst diesem muss ich sogleich auch nach dem *Homer* fragen, der ja auch zu Ihrer Familie gehört? Sie schrieben Maltitzen³, der Sie schönstens begrüßt, Sie seien bis zum 13⁴. Gesang vorgeschritten. Ich wollte, es fänden sich immer neue Gesänge, damit Sie nicht so bald fertig würden!

Und was hören Sie von Turgéneff⁵, der heillose Mann hat seit fast Jahr und Tag mich nichts von sich hören lassen. Mir und den Meinen geht es ganz leidlich. Ich war 6–7 Wochen im August und September zu Gastein, Salzburg, Tegernsee und München, wo ich in der lieblichsten Gesellschaft und in Mitte reichster Kunst- und Naturgenüsse, allerschönste Tage verlebte. Haben Sie die Denkblätter an Goethe, bei Keßler in Frankfurt gesehen?⁶ Er hat dem Großherzog und mir köstliche Exempel davon verehrt.

Mit den treuesten Gesinnungen der Freundschaft und Anhänglichkeit immer dar der Ihrige

v. Müller

Перевод:

Веймар, 2 дек<абр> 45

Госпожа фон Гросс¹, кузина нашей дорогой госпожи фон Шорн, к тому же тесно связанная с семьей Гюнтероде², на несколько дней отправляется во Франкфурт и страстно желает познакомиться с Вами, мой дорогой, любимый друг! Поскольку она и сама зарекомендует себя как интересная личность, то я лишь охотно воспользуюсь возможностью, чтобы отправить Вам с ней сердечный привет. Как поживаете Вы и Ваши дорогие ближние? Как здоровье Вашей госпожи супруги и как подрастают Ваши дети?

Теперь я должен немедля спросить о *Гомере*, который также принадлежит к Вашей семье. Вы писали Мальтицу³, который искренне приветствует Вас, что продвинулись до 13-й песни⁴. Я хотел бы найти новые песни, чтобы и Вы не закончили так скоро!

А что Вам известно о Тургеневе?⁵ Этот нехороший человек ничего не дает о себе знать почти целый год и еще один день. У меня и моих близких дела идут вполне удовлетворительно. Я был 6–7 недель в августе и сентябре в Гаштайне, Зальцбурге, Тегернзее и Мюнхене, где провел прекраснейшие дни в самой милой компании и в средоточии драгоценных удовольствий искусства и природы.

Видели ли Вы воспоминания о Гёте, вышедшие у Кесслера во Франкфурте?⁶ Он преподнес великому герцогу и мне восхитительные экземпляры.

С самыми верными чувствами дружбы и привязанности навсегда
Ваш

ф. Мюллер

49

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

21 декабря 1845 г. / 2 января 1846 г. <Франкфурт-на-Майне>

2 janvier 1846

Recevez, cher ami, les félicitations pour la nouvelle année et mes excuses de n'avoir pas tout de suite répondu à votre aimable lettre; qui a procuré à moi et ma femme le plaisir de faire la connaissance de M. de Gross et en même temps le regret de n'en avoir pas pu profiter plus longtemps. Mon silence s'excuse par ma maladie qui m'obsède d'une manière bien *<нрзб>* dès le commencement du décembre passé. Elle date de plus loin; c'est déjà après le mois de décembre de 1844 qu'elle a commencé ses attaques contre moi: je l'ai combattue par l'eau de Kissingen; j'ai employé contre elle Schwalbach; elle a été vaincue pour quelque temps; mais voilà qu'elle revient de nouveau: toutefois je remarque que cette fois elle est moins forte; elle est déjà repoussée par Kopp¹; elle est en pleine retraite et j'espère que le printemps soutenu par Kissingen et l'été réuni à Schwalbach la chasseront tout à fait: le plus grand mal qu'elle m'a fait consiste dans ce qu'elle m'a empêché de continuer mon Odyssée. Voilà déjà une année entière que mon travail est arrêté: je suis resté immobile au milieu du XIIIe chant et cela me désole infiniment.

A la maladie physique est venue se joindre une maladie de cœur et celle-là touchera aussi sur le vôtre. Mon ami de 50 années, Tourgueneff, n'existe plus. Il y a déjà dix jours que j'ai reçu cette nouvelle de Moscou. Il s'y trouvait depuis quelques mois. Toutes les notices que j'ai reçues de lui-même et des autres sur l'état de sa santé étaient rassurantes: il se sentait autant bien que cela pouvait être après un si fort ébranlement produit par une longue maladie. Aussi sa mort ne paraît pas en avoir été

la suite. Le 3/15 décembre à 4 heures de l'après-midi il se trouvait chez un de ses amis, gai, bien portant; il le quitte pour aller dîner à la maison, dîne avec appétit et une demi-heure après le dîner il n'existe plus tué par un coup de sang. Je crois que cette mort subite a été occasionnée par un fort refroidissement qu'il a pu attraper la veille ayant passé toute la journée en plein air par un très mauvais temps, au milieu des forçats (qu'on expédiait de Moscou à Tobolsk) auxquels il distribuait de l'argent et plus que de l'argent, des consolations et des larmes. On peut dire qu'il est mort sur son bouclier: au milieu des actes de bienfaisance. C'est une âme sans tache qui a quitté la terre. Il m'est très doux que dans ses derniers temps il s'est reposé deux fois sous mon toit et que son souvenir, auquel se rattachent les événements les plus marquants de ma vie, restera à présent un bien commun de toute ma famille. Vous le conserverez aussi. Je suis sûr que Mme la Grande Duchesse et Mme la Princesse de Prusse (qui a su l'apprécier particulièrement) lui donneront des regrets. Mon cher ami, il serait digne de vous de consacrer quelques lignes de votre plume à sa mémoire pour que l'Allemagne où il a eu tant d'amis respectables, soit dignement informée de sa mort.

Adieu, cher ami. Conservez-moi votre bienveillance. J'espère recevoir de vous quelques mots en réponse à cette lettre.

Tout à vous

Joukovsky

Перевод:

2 января 1846

Примите, дорогой друг, поздравления с Новым годом и мои извинения, что не смог тотчас же ответить на Ваше любезное письмо, которое доставило мне и моей жене удовольствие познакомиться с г-жой Гросс, и в то же время сожаление, что я не мог им пользоваться долее. Мое молчание извиняет болезнь, которая одолевает меня <нрзб> образом с декабря прошлого года. Она началась ранее; уже в декабре 1844 года она начала свое наступление на меня: я ее победил водой Киссингена и употребил против нее Швальбах. На некоторое время она была сражена, но вот опять вернулась: однако на этот раз она не так сильна. Копп¹ ее отодвинул, и она отступила. Надеюсь, что весна Киссингена и лето Швальбаха ее совершенно

изгонят: самое большое зло, причиненное ею, состоит в том, что она помешала продолжить мою «Одиссею». Вот уже целый год моя работа стоит на месте: я остановился посреди XIII песни, и это меня бесконечно огорчает.

К телесной болезни присоединилась боль сердечная, и она касается также и Вас. Тургенева, бывшего моим другом пятьдесят лет, нет более. Я получил эту новость из Москвы уже десять дней назад. Он жил там несколько месяцев. Все уведомления о его здоровье, поступавшие от него самого или других, были утешительны: он чувствовал себя так хорошо, как можно чувствовать себя после сильного потрясения в результате длительной болезни. Поэтому его смерть не является, по-видимому, ее продолжением. 3/15 декабря в 4 часа пополудни он гостил у одного из друзей, веселый и здоровый. Он уехал ужинать домой, поужинал с аппетитом, а через полчаса его не стало вследствие удара. Я думаю, что эта внезапная смерть была вызвана сильной простудой, которую он мог подхватить. Накануне он провел весь день на воздухе при плохой погоде среди каторжников (которых переправляли из Москвы в Тобольск), которым он раздавал деньги и даже более, чем деньги: утешение и слезы. Можно сказать, что он умер на своем щите: ради благих дел. Землю покинула незапятнанная душа. Мне очень приятно, что в последнее время он два раза гостил у меня и что воспоминания о нем, к которым присоединяются самые знаменательные события моей жизни, останутся общим благом всей моей семьи. Вы также будете их хранить. Я уверен, что великая герцогиня и принцесса Прусская (которая сумела особо его оценить) будут сожалеть о нем. Дорогой друг, Ваше перо достойно посвятить несколько строк его памяти, чтобы Германия, где у него было столько уважаемых друзей, была достойным образом оповещена о его кончине.

Прощайте, дорогой друг. Сохраните для меня Ваше расположение. Надеюсь получить от Вас несколько строк в ответ на это письмо.

Всецело Ваш

Жуковский

50

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
29 декабря 1845 г. / 10 января 1846 г. Веймар

Weimar, den 10 Jan<uar> 46

Die Trauerkunde, die Sie, mein hochverehrter teurer Freund, mir mitteilen, hat mich auf das Tiefste erschüttert und auch Ihren Schmerz dabei fühle ich lebhaft nach. Ich schätzte und liebte ja seit vielen Jahren den uns so schnell Entrissenen, hatte so oft Gelegenheit den Adel seiner Seele, sein reiches, vielseitiges Wissen und die Anmut seines geselligen Umgangs zu erproben und zu bewundern! Er war der gütlichste, aufopferndste Bruder, der treueste Freund. Und nun, nachdem seine Gesundheit bereits wieder hergestellt schien, muss seine unveränderte Menschenfreundlichkeit nächste Ursache seines Todes werden! Wie treffend sagen Sie: „qu’il est mort sur son bouclier“¹.

Die Frau Großherzogin nimmt den innigsten Teil von unsrem gerechten Schmerz. Sie fühlt die ganze Größe dieses Verlustes, auch in Beziehung auf sein Vaterland und auf die wichtigen Dienste, noch in neuerer Zeit durch seine archivarischen Forschungen und Entdeckungen, die er ihm geleistet.

Ich soll Ihnen das herzlichste Beileid im Namen Ihrer kaiserlichen Hoheit aussprechen zugleich aber den innigsten Wunsch, dass Ihre neuerlich leidende Gesundheit sich recht bald zu voller Beruhigung Ihrer Freunde herstellen möge. Wie betrübend mir diese, erst jetzt erfahrene, Kunde Ihres gestörten Gesundheitszustandes war und ist, kann ich Ihnen nicht genug ausdrücken, mein geliebter Freund!

Wenn Sie einen ganzen Monat bei der Arbeit an Ihrer Iliade², diesem Schwesterkind Ihrer Muse, entsagen konnten, so muss fürwahr Ihr Leiden nicht gering gewesen sein. Es ist tröstlich, dass Sie versichern sich jetzt schon besser zu befinden, aber schonen Sie sich doch ja auf jede Weise. Meine treuesten Wünsche eilen zu Ihnen hin. Frau von Gross, die sich Ihrer Bekanntschaft lebhaft erfreute, will an Ihrem Aussehen nichts Kränkelndes gespürt haben.

Tourgenéff muss bedeutende Manuskripte und literarische Sammlungen hinterlassen haben. Wem fällt denn dies alles zu? Seinem Bruder in Paris, oder auch seiner Schwester?³ Mir wäre es unschätzbar, wenn man

die Kopie der Chateaubriandschen Memoiren bezüglich auf Madame Recamier⁴ retten könnte, die er uns im September 44 unter Ihrem gastlichen Dache vorlas. Auch das köstliche Bild der Recamier, das sie ihm zum Abschied schenkte, dürfte durchaus nicht in Russland vergraben bleiben. Können Sie nicht durch den Bruder oder sonst darauf einwirken?

Gerne möchte ich einen kleinen Nachruf in die Allgemeine Zeitung⁵ senden. Mir fehlen aber historische Materialien. Wann und wo ist er geboren, wann trat er in den Staatsdienst, wann gab er seine aktive Wirksamkeit auf? Hat er, außer den Urkunden Sammlungen aus den Böhmi-schen und Pariser Archiven noch etwas in Druck herausgegeben? Und so weiter. Vielleicht können Sie mir hierüber Mitteilungen machen. Möchten Sie sich bald dazu entschließen!

In der sehnlichen Hoffnung beruhigende Nachrichten über Ihr Befinden zu erhalten mit der herzlichsten Anhänglichkeit und Freundschaft der Ihrigste

von Müller

Перевод:

Веймар, 10 ян<варя> 46

Печальные известия, которые Вы, мой глубокоуважаемый дорогой друг, сообщили мне, потрясли меня до самой глубины души, и я при этом искренне разделяю Вашу скорбь. В течение многих лет я ценил и любил так скоро покинувшего нас, много раз имел возможность познать благородство его души и восхититься им, его богатыми разносторонними познаниями и изяществом теплого дружеского общения! Он был самым добрым, преданным братом, самым верным другом. И вот теперь, когда его здоровье, казалось, уже было восстановлено, его неизменное человеколюбие должно было стать верной причиной его смерти! Как точно вы говорите: «qu'il est mort sur son Vouclier»¹.

Великая герцогиня искренне разделяет нашу праведную скорбь. Она ощущает во всей полноте эту потерю и для всего отечества, в том числе из-за важной службы, которую он ему сослужил в последнее время в своих архивных разысканиях и открытиях.

Я должен выразить Вам самые искренние соболезнования от имени ее императорского высочества, а вместе с тем и искреннейшее пожелание, чтобы Ваше вновь пошатнувшееся здоровье до-

вольно скоро поправилось, чтобы восстановить спокойствие Ваших друзей. Как печально для меня было и есть это лишь теперь полученное известие о Вашем здоровье, не могу выразить словами, мой любимый друг!

Если Вы смогли отказаться от работы над «Илиадой»², одной из сестер Вашей музыки, на целый месяц, то, стало быть, скорбь Ваша велика. Обнадеживают Ваши уверения в том, что Вам уже лучше, но все же берегите себя. Мои самые искренние пожелания спешат к Вам. Госпожа фон Гросс, которая очень радовалась знакомству с Вами, не желает видеть в Вашем облике и следа недуга.

Тургенев, должно быть, оставил важные рукописи и литературные архивы. Кому все это достанется? Его брату в Париже или его сестре тоже?³ Я считаю, что было бы очень важным сохранить копию воспоминаний Шатобриана о мадам Рекамье⁴, которые он читал нам в сентябре 1844 года под крышей Вашего гостеприимного дома. А также восхитительный портрет мадам Рекамье, который Вы подарили ему на прощание, ни в коем случае нельзя похоронить в России. Не можете ли Вы поспособствовать этому через брата либо как-то иначе?

Я очень хотел бы отправить небольшой некролог в «Альгеймайне цайтунг»⁵. Но мне не хватает фактических материалов. Когда и где он родился, когда он поступил на государственную службу, когда прекратил свою активную деятельность? Издавал ли он в печати что-либо кроме документов из собраний богемских и парижских архивов? И так далее. Возможно, Вы можете сообщить мне об этом. Будьте любезны сделать это в ближайшее время.

В заветной надежде получить обнадеживающие новости о Вашем благоденствии с искренней привязанностью и дружбой всегда Ваш

фон Мюллер

51

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
5/17 января 1846 г. <Франкфурт-на-Майне>

Mon cher ami,

Je vous envoie une petite brochure qui vient de paraître à Moscou et dans laquelle sont décrits les détails de la mort subite de notre cher Tourgueneff¹. Notre ecclésiastique de Weimar vous aidera à la lire et

vous en profiterez pour la notice que peut-être vous voudrez bien écrire. J'ajoute ici quelques autres détails: T<ourgueneff> est né dans l'année 1784. Nous avons étudié ensemble dans la pension de l'Université de Moscou pendant les années 1797, 98, 99. Il est allé après finir ses études à *Göttingen* où particulièrement il s'est lié avec le vieux *Schlotzer*² qui a réveillé en lui le goût de l'histoire, surtout de celle de Russie. Son compagnon d'études était *Kaysaroff*³ qui après a été professeur de la langue russe à l'Université de Dorpat, d'où il est allé se faire tuer dans la guerre de 1812. Avec ce compagnon T<ourgueneff> a parcouru les pays slaves ce qui se liait avec ses occupations favorites ayant pour but l'étude des antiquités russes.

De retour en Russie, il est entré au service qui l'a détourné des occupations littéraires: il a servi près de M. *Novosiltsev*⁴ (mort depuis quelques années) qui jouissait alors d'une très grande faveur près de l'Empereur Alexandre. Il avait sous sa direction la commission de lois et Tourgueneff fut d'abord placé dans cette commission. Après il fut chef du département des cultes, sous le ministère du *Prince Alexandre Galitzine*⁵ (aussi mort depuis), avec lequel il est resté ami intime jusqu'à sa mort. En même temps T<ourgueneff> occupait une place de secrétaire d'état au conseil de l'Empire dans le département des lois. Il a quitté le service en 1825. Depuis ce temps il habitait non la Russie mais l'Europe en se partageant entre Moscou, Pétersbourg, Berlin et Paris. Partout il a été lié avec tout ce qui a été de meilleur et de plus éminent parmi les hommes d'état et les hommes de lettres. *Brougham*, *Lansdown*, *Walter Scott*, *Guizot*, *Chateaubriand* avec son cercle où dominait Mme de Recamier, *Humbold*, *Neander*, *Tholuck*⁶, etc, etc.

Le reste vous savez. Pour le caractériser vous n'avez qu'à consulter vos souvenirs et votre propre cœur. En pensant à lui à présent, que la mort après avoir détruit ce qui était périssable a mis plus à découvert ce qui est éternel, en pensant à son âme, je dis qu'entre tous ceux que j'ai connu, il a été le meilleur par cette bonté imperturbable qui était en lui pure comme celle d'un enfant. Jamais une idée ignoble ou un dessein mauvais n'ont parcelé l'innocence de cette âme. Son esprit était d'une originalité remarquable. Sa vie a été une bienfaisance active. Il était né pour sympathiser à tous les douleurs et sa sympathie a toujours été riche de secours et consolations. Je confie le tout à votre plume d'ami: il faut qu'une voix telle que la vôtre annonce à l'Allemagne la mort d'un

homme que ses meilleurs représentants ont su apprécier et compter pour ami.

Adieu. Avec accute et sincère estime. Tout à vous

Joukovsky

5/17 janvier 1846

Cela va beaucoup mieux avec moi quant au physique. Mais moralement cela va mal: hier nous avons reçu une déplorable nouvelle de Carlsruhe. Radowitz vient de perdre son unique fille⁷; une fièvre nerveuse l'a enlevée dans sa dix-septième année. Jeune, belle, remplie de charmantes qualités, douée d'un esprit supérieur qui rappelait le génie de son père – cette perte est affreuse; toute ma famille en est frappée au cœur.

Je rouvre ma lettre pour ajouter à l'article russe, un article français que je viens de recevoir dans le moment. Il est écrit par le comte de Circourt que peut être vous connaissez particulièrement⁸. Veuillez bien me renvoyer ces deux brochures après les avoir lues.

Перевод:

Дорогой друг,
посылаю Вам небольшую брошюру, вышедшую в Москве, которая подробно описывает внезапную смерть нашего дорогого Тургенева¹. Наш веймарский священник поможет Вам ее прочесть, и Вы сможете воспользоваться ею для заметки, которую Вы, вероятно, захотите написать. Добавлю здесь некоторые детали: Т<ургенев> родился в 1784 году. Мы учились вместе в Московском университетском пансионе в 1797–1799 годах. После он уехал заканчивать обучение в *Геттинген*, где, в частности, завязал знакомство со стариком *Шлёцером*², который пробудил в нем интерес к истории, особенно к истории России. Его однокашником был Кайсаров³, который затем преподавал русский язык в Дерптском университете, откуда ушел, чтобы отдать свою жизнь на войне 1812 года. С этим своим товарищем Т<ургенев> совершил путешествие по славянским землям, что было связано с его любимыми занятиями по изучению русских древностей.

Вернувшись в Россию, он поступил на службу и отошел от литературных занятий: служил под началом г-на *Новосильцева*⁴ (он умер

несколько лет назад), который пользовался тогда покровительством императора Александра. Он управлял Комиссией составления законов, и Тургенев был сначала назначен в эту Комиссию. После он возглавил департамент Главного управления духовных дел иностранных исповеданий в ведомстве князя *Александра Голицына*⁵ (он тоже уже умер), оставшегося его близким другом до самой смерти. Одновременно Т<ургенев> занимал должность статс-секретаря в Государственном совете при департаменте составления законов. Он отошел от службы в 1825 году. С того времени он жил не в России, а преимущественно в Европе, деля свое время между Москвой, Петербургом, Берлином и Парижем. Везде он сходиллся с самыми лучшими и выдающимися политиками и литераторами. *Брум, Лансдоун, Вальтер Скотт, Гизо, Шатобриан* с его салоном, где блистали мадам Рекамье, Гумбольдт, Неандер, Толук⁶ и т.д.

Остальное Вам известно. Для его характеристики обратитесь к своим воспоминаниям и собственному сердцу. Теперь, думая о нем, в ком смерть, разрушив все тленное, выявила все вечное, думая о его душе, я говорю, что среди всех, кого я знал, он более других отличался неизменной добротой, чистой как у ребенка. Никогда подлая мысль или дурной замысел не нарушали невинность этой души. Оригинальность его ума была поразительна. Его жизнь всегда была связана с благотворительностью. Он родился, чтобы сопереживать всем страждущим, и его сочувствие всегда было способно помочь и утешить. Все это я доверяю Вашему дружескому перу: необходимо, чтобы такой голос, как Ваш, сообщил Германии о смерти человека, которого ее лучшие представители сумели оценить и принять как друга.

Прощайте. С неизменным и искренним уважением всецело Ваш

Жуковский

5/17 января 1846

Что до меня, то физически я чувствую себя уже лучше. Но морально мне все еще плохо: вчера мы получили прискорбную весть из Карлсруэ. Радовиц потерял свою единственную дочь⁷; нервная горячка забрала ее на семнадцатом году жизни. Молодая, красивая, обладающая прелестными качествами, одаренная высоким умом,

сравнимым с гением ее отца, – эта потеря ужасна; все члены моей семьи поражены в самое сердце.

Я вновь распечатываю письмо, чтоб добавить к русской статье французскую статью, которую я только что получил. Она написана графом Сиркуром, которого Вы, вероятно, близко знаете⁸. Прошу вернуть мне эти две брошюры после прочтения.

52

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

26 апреля / 8 мая 1846 г. Веймар

Weimar, den 8. Mai 1846

Was werden Sie, teuerster Freund! von mir denken, dass ich so spät erst mein Versprechen erfülle? Aber es war wahrlich nicht meine Schuld; erst da ich eben erst meine Arbeit begonnen hatte, nahm unvermutete Krankheit des Landmarschalls während der ganzen Zeit des landständischen Rechnungstages alle meine Minuten in Anspruch, und dann folgte ein hartnäckiges Augenleiden.

Hier nun endlich folgt mein Nekrolog auf unsern unvergesslichen Tourgéneff, so gut ich ihn zusammen zu stellen, aus Ihren trefflichen Mitteilungen und Notizen, vermochte und aus meinen eignen Erinnerungen.

Ehe ich ihn jedoch zur Allgemeinen Zeitung einsende, bitte ich Sie inständigst, Ihr prüfendes Auge darüber walten zu lassen und mir alles, was Sie etwa anders gefasst, oder ganz weg wünschen, aufrichtig zu prüfen. Es liegt mir daran uns Wahres zu geben, nirgends Anstoß zu veranlassen.

Wie geht es mit Ihrer Gesundheit, mein Teurer? Wie in Ihrer lieben Familie? Wie mit der Odyssee? Ich bin höchst begierig auf Ihre Beantwortung dieser mir am Herzen liegenden Punkte.

Maltitz grüßt Sie aufs Herzlichste; auch Frau von Schorn.

Ist Ihnen anliegender Herder-Aufruf¹ schon zu Gesicht gekommen? Gewiss darf das fromme patriotische Unternehmen auch auf Ihre Teilnahme hoffen.

Von ganzer Seele mit inniger Liebe der Ihrige

v. Müller

Перевод:

Веймар, 8 мая 1846

Что Вы, дражайший друг, подумаете обо мне, который так поздно выполняет свое обещание? Но это, действительно, была не моя вина; как только я начал свою работу, из-за внезапной болезни ландмаршала все мое время заняли земские расчеты, а затем последовала затяжная болезнь глаз.

Здесь, наконец, прилагаю мой некролог о нашем незабвенном Тургеневе в том виде, в котором мне удалось составить его благодаря Вашим замечательным сообщениям и заметкам, а также с опорой на свои собственные воспоминания. Однако прежде чем я отправлю его в «Альгемайне цайтунг», настоятельнейшим образом прошу Вас внимательно изучить его и сообщить мне все, что Вы пожелаете изменить или убрать полностью. Для меня очень важно передать истину, нигде не допустив несообразности.

Как Ваше здоровье, мой дорогой? Как Ваша дорогая семья? Как обстоят дела с «Одиссеей»? Страстно желаю получить ответы на эти важные для меня вопросы.

Мальтиц сердечно приветствует Вас; госпожа фон Шорн также.

Вам уже попадалось на глаза приложенное воззвание Гердера?¹ Конечно, смеем надеяться на Ваше участие в этом полезном патриотическом предприятии.

От всей души с искренней любовью Ваш

ф. Мюллер

53

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

30 апреля / 12 мая 1846 г. Франкфурт-на-Майне

Cher et respectable ami!

Je vous remercie du fond de mon cœur pour la communication de votre manuscrit. Vous avez rendu un bien touchant, bien véridique hommage à la mémoire de notre ami; il est consolant pour ceux qui l'ont perdu, qu'une plume aussi pure et aussi exercée que la vôtre s'est occupée de le présenter tel qu'il a été à votre nation qu'il aimait et

respectait particulièrement dans son caractère et dans ses grandes lumières. Votre *nécrologe* se distingue de tous les autres par cette simplicité qui ne souffre aucune exagération, qui ne veut que la vérité *sans fard* ce qui la rend plus palpable, plus persuasive et elle en devient toujours touchante. Merci, cher ami. Je me hâte de vous renvoyer votre manuscrit en vous priant de ne pas tarder avec son impression. Serait-il possible d'avoir quelques exemplaires à part de l'imprimé? Vous m'obligeriez infiniment en m'en fournissant quelques-uns.

J'ajoute ici quelques observations: voyez les *numéros* dans le manuscrit:

1. La société d'*Arsamas* dont vous parlez gravement n'a été qu'une plaisanterie. Les personnes que vous nommez se sont en effet réunies mais non pas dans un but d'activité littéraire. Une bouffonnerie a été l'occasion de la naissance de la société d'*Arsamas*; et la *bouffonnerie* dès ce moment est devenue son caractère distinct. Nous nous réunissions pour rire à gorge déployée comme des fous; et moi, qui fus élu secrétaire de la société, je n'ai pas peu contribué à nous faire tous atteindre ce but principal, c.a.d. *le rire*; je rédigeais mes protocoles en *galimathias* dans lequel je me suis tout à coup trouvé d'une force gigantesque. Tant que nous n'avons été que *bouffons*, notre société est restée active et pleine de vie, aussitôt qu'on a pris la résolution de devenir *grave*, elle mourut d'une mort subite. Tourgueneff en a été le membre le plus inactif; mon activité consistait uniquement dans la rédaction de mes protocoles, les autres prononçaient des discours bouffons. Tourgueneff ne faisait rien. Et comme nous avons, en formant notre société, pris tous des noms fantastiques, et comme on savait d'avance que Tourgueneff ne ferait rien, on lui a donné le nom de *Harpe d'Éole*. La société d'*Arsamas* n'a laissé aucune trace de ses travaux par la simple raison qu'il n'y avait pas de travaux. Tourgueneff n'a pas démenti son caractère *d'accapareur de papier*. Il s'est emparé de tous mes protocoles en *galimathias* et des discours bouffons des autres membres: ils se trouvent à présent dans la collection de ses manuscrits qui est très remarquable par le nombre et la variété des choses qui la composent.

2. En quittant sa place et en se séparant de son chef (le Prince Alexandre Galitzine) Tourgueneff n'a pas rompu avec lui. Au contraire on peut dire que leur amitié mutuelle est devenue plus intime. Le Prince est resté jusqu'à sa mort le protecteur le plus aidant de Tourgueneff;

Tourgueneff a conservé au prince un attachement filial. Le Prince est mort il y a trois ans en Crimée dans un château qu'il s'est fait bâtir pour le temps de sa retraite: il a voulu la solitude pour se préparer à quitter la terre après avoir quitté ses grandeurs; cette solitude est devenue complète car il perdit la vue.

3. Le frère cadet de Tourgueneff¹ s'est trouvé malade à Dresde en 1826. Notre ami y vint de Pétersbourg pour le soigner et l'a fait avec la sollicitude d'un père. Il est resté avec le malade durant tout l'hiver de l'année 1826 à Dresde. Au printemps de l'année 1827 il l'a conduit à *Paris*; c'est là qu'il mourut bientôt après, presque subitement d'une affection cérébrale. Il repose au cimetière du Père-Lachaise.

Ici finissent mes *Berichtigungen*². Je pense qu'il serait convenable de rayer tout à fait le paragraphe d'Arsamas. Pour le reste il n'y a que quelques mots à changer ou à ajouter.

J'avoue que votre silence qui a duré assez longtemps m'avait inquiété. Enfin vous l'avez rompu de la manière la plus touchante et la plus aimable. Adieu, cher ami. Je vous embrasse de tout mon cœur. Rappelez-moi au souvenir de votre épouse et de votre fils et conservez-moi fidèlement le vôtre.

Tout à vous

Joukovsky

12 mai 1846. Francfort S/M

Je vous prie de saluer de ma part mon excellent Maltitz. Comme je voudrais l'avoir pour quelque temps près de moi pour pouvoir lui lire mon *Odysée* et de profiter de sa critique³.

Перевод:

Дорогой и уважаемый друг!

Благодарю Вас от всего сердца за присылку Вашей рукописи. Вы отдали так трогательно и искренне дань уважения памяти нашего друга. Те, кто его потерял, найдут утешение в том, что Ваше перо, такое чистое и искусное, представило его, каким он был в жизни, Вашим соотечественникам, которых он так любил и уважал, в особенности за свойства их характера и глубокие познания. Ваш *некролог* отличается от остальных простотой, не терпящей преувеличе-

ний, жаждущей лишь *истинной* правды, что делает его более предметным, более убедительным, и он становится оттого еще трогательнее. Благодарю Вас, дорогой друг. Спешу вернуть Вашу рукопись и прошу не медлить с ее печатью. Возможно ли получить несколько экземпляров помимо напечатанного? Вы меня бесконечно обяжете, прислав несколько штук.

Добавлю здесь несколько замечаний: смотрите *номера* в рукописи:

1. Общество «*Арзамас*», о котором Вы говорите серьезно, было лишь шуткой. Лица, которых Вы называете, действительно объединились, но не для занятий литературой. Буффонада явилась причиной рождения «*Арзамаса*», и с этого момента *буффонство* определило его характер. Мы объединились, чтобы хохотать во все горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, немало содействовал тому, чтобы достигнуть этой главной цели, то есть *смеха*; я заполнял протоколы *галиматьей*, к которой внезапно обнаружил колоссальное влечение. До тех пор, пока мы оставались только *буффонами*, наше общество оставалось деятельным и полным жизни; как только было принято решение стать *серьезными*, оно умерло внезапной смертью. Тургенев был его самым бездеятельным членом. Моя деятельность состояла исключительно из составления протоколов, другие произносили шуточные речи. Тургенев не делал ничего. И так как при основании общества мы все приняли вымышленные имена, и так как мы заранее знали, что Тургенев не будет ничего делать, мы дали ему имя *Эоловой Арфы*. Арзамас не оставил ни малейших следов письменной деятельности по той простой причине, что её и не было. Тургенев не изменил своему характеру *грабителя бумаг*. Он завладел всеми моими протоколами, написанными галиматьей, и шуточными речами других членов: теперь они находятся в его коллекции рукописей, весьма замечательной количеством и разнообразием бумаг, что ее составляют.

2. Уйдя со службы и расставшись со своим начальником (князем Александром Голицыным), Тургенев не порвал с ним совсем. Напротив, можно сказать, что их дружба стала более тесной. До самой своей смерти князь оставался верным покровителем Тургенева; Тургенев сохранил к князю сыновью привязанность. Князь умер три года назад в Крыму в усадьбе, которую он построил для времени

своей отставки: он желал уединения, чтобы быть готовым покинуть этот мир, оставив для начала все его блага; это уединение стало полным, так как он потерял зрение.

3. В 1826 году в Дрездене заболел младший брат Тургенева¹. Наш друг приехал из Петербурга для его лечения и делал это с заботливостью отца. Он пробыл с больным в Дрездене всю зиму 1826 года. Весной 1827 г. он отвез его в *Париж*, где он вскоре и умер почти внезапно от заболевания головного мозга. Он похоронен на кладбище Пер-Лашез.

На этом и заканчиваются мои *Berichtigungen*². Думаю, что следует полностью убрать параграф об «Арзамасе». В остальном достаточно изменить или добавить несколько слов.

Признаю, что Ваше молчание, длившееся довольно долго, меня обеспокоило. Затем Вы прервали его самым трогательным и приятным образом. Прощайте, дорогой друг. Обнимаю от всего сердца. Кланяйтесь от меня Вашей супруге и сыну; храните верно воспоминание и обо мне.

Всецело Ваш

Жуковский

12 мая 1846. Франкфурт-на-Майне

Прошу кланяться от меня дорогому Мальтицу. Как я хотел бы видеть его подле себя, чтобы прочесть ему свою «Одиссею» и воспользоваться его критикой³.

54

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

3/15 мая 1846 г. Веймар

Weimar, den 15. Mai 46

Ich eile, mein teurer Freund! Ihnen herzlichsten Dank zu sagen für die wohlwollende Prüfung meines Nekrologs und für dessen schnelle Zurücksendung. Er geht noch heute an Cotta ab, unter Beachtung Ihrer freundlichen Berichtigungen. Auch werde ich Ihrem Wunsche gern entsprechen, einige Exemplare des Abdrucks Ihnen zu übersenden. Es ist mir höchst beruhigend, dass Sie meinem Aufsatz den Stempel Ihrer Billi-

gung ausdrücken. Aber zanken muss ich ein wenig, dass Sie in Ihrem lieben, lieben Briefe mir kein Wort über Ihre Gesundheit sagen, die mir doch noch weit mehr als mein Nekrolog am Herzen liegt. Und ich muss fürchten, dass Sie noch nicht ganz hergestellt ist, da Ihr Schoßkind, die Übersetzung des Homer, diesen Winter hindurch ganz bei Seite geschoben wurde. Bitte, bitte, beruhigen Sie mich recht bald über diesen Punkt.

Ich habe sofort treulich an Maltitz ausgerichtet, was Sie an ihn auftrugen und er war sehr gerührt und dankbar darüber. Nur die Schwierigkeit des Urlaubs, der ihm durch sein Verhältnis mit Schröder¹ stets erschwert wird, hindert ihn, was er doch so sehr wünschte, zuweilen einen Ausflug zu Ihnen zu machen.

Wenn Sie *Riemers* „Briefe an Goethe und von ihm“² und *Schölls* herausgegebene „Ungedruckte Aufsätze und Briefe von Goethe“³ noch nicht kennen so empfehle ich beide Ihnen gar sehr.

Ich selbst beschäftige mich jetzt in jeder freien Stunde, meine Erinnerungen aus den Kriegs-Zeiten 1806–1815⁴ niederzuschreiben, die in der Tat viel Denkwürdiges enthalten. Ich denke sie über's Jahr herauszugeben. Wenn Sie es vergönnen, sende ich Ihnen einmal ein Fragment davon zu Probe zu.

Wer besitzt denn Tourgénéffs hinterlassene Papiere? Wäre es denn nicht möglich die Abschrift aus Chateaubriands *Mémoires d'outre tombe*⁵, die der Verewigte uns bei Ihnen vorlas, zu erlangen? Das würde ein großer Schatz für mich sein und die Erben Tourgénéffs wird es weit weniger interessieren.

Meine Frau, mein Sohn und Frau von Schorn verdanken Ihr Andenken aufs Innigste und sind stets über jede Kunde von Ihnen hochofret. Was haben Sie für Sommerpläne?

Sagen Sie Ihrer verehrten Gemahlin recht viele herzliche Grüße von mir und sagen Sie mir noch, wie Ihre lieben Kinder gedeihen?

Von ganzer Seele der Ihrige

v. Müller

Перевод:

Веймар, 15 мая 46

Я спешу, мой дорогой друг, сердечно поблагодарить Вас за благосклонную проверку моего некролога и быструю его присылку. Он

отправится сегодня к Котте с учетом Ваших дружеских исправлений. Кроме того, я с удовольствием выполню Вашу просьбу и вышлю Вам несколько экземпляров оттиска. Меня очень обнадежило то, что Вы дали моему сочинению свое одобрение. Но я вынужден посетовать на то, что в своих дорогих и дорогих мне письмах Вы не говорите ни слова о своем здоровье, это для меня гораздо важнее, чем некролог. И я опасюсь, что оно еще не совсем поправилось, так как Ваш любимец, перевод Гомера, совершенно отодвинут в сторону этой зимой. Прошу, прошу, сообщите мне в самое ближайшее время о положении дел.

Немедля я с искренними чувствами передал Мальтицу то, о чем Вы написали ему, и он был глубоко тронут и благодарен. Лишь затруднение в получении отпуска в связи с осложнениями в его отношениях со Шрёдером¹ мешает ему нанести Вам визит, которого он очень желает.

Если Вы еще не знакомы с «Письмами к Гёте и от него» *Римера*², а также с изданными *Шёллем* «Неопубликованными сочинениями и письмами Гёте»³, я настоятельно Вам их рекомендую.

Я сейчас провожу все свое свободное время, записывая свои «Воспоминания о военном времени 1806–1815 годов»⁴, в которых, действительно, много знаменательного. Думаю выпустить их через год. Если Вы позволите, я пришлю Вам как-нибудь фрагмент для ознакомления.

Кто все же получит бумаги Тургенева? Разве не было бы возможным получить копию выдержек из шатобриановых «*Mémoires d'outre tombe*»⁵, которые почивший друг читал нам у Вас? Это было бы большим сокровищем для меня, наследникам Тургенева они будут гораздо менее интересны.

Моя жена, сын и госпожа Шорн вспоминают о Вас с искренней благодарностью и всегда очень рады любой новости о Вас. Какие у Вас планы на лето?

Передавайте Вашей почтенной супруге множество сердечных приветствий от меня и расскажите мне еще о том, как поживают Ваши дорогие дети?

Всею душой Ваш

ф. Мюллер

55

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому*31 мая / 12 июня 1846 г. Веймар*

Weimar, den 12. Juni 46

Hier endlich, mein teuerster, die versprochenen Exemplare meines Nekrologs¹. Die Redaktion der Allgemeinen Zeitung hat ihn nicht nur 3 Wochen lang aufgehalten sondern mir auch keine besondern Abdrucke geschickt. Um Ihnen Wort zu halten, ließ ich ihn nun schnell dahier nochmals drucken.

Martersteig hat Ihnen ein Paket Tourgeneffsche Papiere gesendet. Wäre vielleicht jene Kopie der Biographie der Madame Recamier² darunter?

Ich hege die Idee, Sie Mitte Juli in Schwalbach zu besuchen und freue mich unaussprechlich darauf. Ich hoffe, die beste Bestätigung Ihres Wohlseins zu finden und die Gewissheit, dass es nie eines Nekrologs von mir für Sie bedürfen wird. Umgewandt möchte ich Sie darum bitten; ich bin sehr viel älter als Sie, zähle schon 67 Jahr und meine Gesundheit wankt seit einem halben Jahr gar sehr. Die liebe Prinzessin von Preußen ist bei uns und grüßt Sie herzlich. Anfang Juli kommt sie nach Hamburg und hofft sehr, dass Sie sie dort besuchen werden.

Treulichst der Ihrige,

*v. Müller****Перевод:***

Веймар, 12 июня 46

Вот, наконец, мой дражайший, обещанные экземпляры моего некролога¹. Редакция газеты «Альгемайне Цайтунг» не только задержала его на три недели, но и не выслала мне никаких оттисков. Чтобы сдержать данное Вам слово, я быстро напечатал его снова. Мартерштейг отправил Вам пакет бумаг Тургенева. Была ли среди них та самая копия биографии мадам Рекамье?²

У меня есть идея посетить Вас в середине июля в Швальбахе, и я несказанно жду этого. Я надеюсь найти лучшее подтверждение Вашего благополучия и уверенность в том, что от меня не потребуется некролог для Вас. Более того, я хотел бы попросить Вас об этом; я

намного старше Вас, мне уже 67 лет, и мое здоровье значительно пошатнулось за последние полгода. Милая принцесса Прусская у нас и сердечно приветствует Вас. Она придет в Гамбург в начале июля и очень надеется, что Вы посетите ее там.

Преданнейше Ваш

ф. Мюллер

56

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
<2/14 июня 1846 г. Франкфурт-на-Майне>

Je viens de recevoir dans le moment votre envoi, cher ami, et vous remercie infiniment, avec regret toutefois, de vous avoir donné la peine de faire réimprimer votre article que j'ai déjà eu dans mon exemplaire d'Allgemeine Zeitung. J'ai déjà envoyé un des cinq réimprimés au frère de notre ami défunt qui se trouve à Paris: vous le connaissez personnellement; il vous sera reconnaissant dans le fond de son âme¹. Il m'a envoyé plusieurs paquets de manuscrits qui ont appartenu au défunt; mais ils ne contiennent que mes lettres et celles du prince Wiasemsky; de plus tous les papiers de la défunte société d'Arsamas dont j'ai eu l'honneur d'être le secrétaire; cette société dont personne n'a eu une idée juste hors ses membres, est née d'une bouffonnerie, n'a existé que par le galimatias, et est morte subitement en couches du sens commun. Voici toute sa biographie.

Pour finir, je vous préviens que lorsque vous aurez écrit mon nécrologe et que vous voudrez le *transcrire* pour la Gazette d'Augsbourg, prenez une meilleure plume que celle dont vous vous êtes servi avec tant de résignation en m'écrivant votre dernière lettre. Probablement vous avez pensé en vous-même: *il ne pourra pas me lire, mais il me comprendra*. Vous avez deviné juste. Entre autres choses, j'ai compris que vous venez à Schwalbach vers la moitié de juillet; pour prévenir toute erreur malencontreuse je vous déclare ici bien catégoriquement que nous de même ne serons pas à Schwalbach que vers la moitié de juillet. Si pour y arriver vous passez par Francfort n'oubliez pas de frapper à notre porte.

Je suis bien heureux du souvenir gracieux de S.A.R. madame la Princesse de Prusse et me réjouis d'avance de pouvoir la saluer à Hambourg; probablement Son Altesse viendra aussi à Schlangenbad?

Veillez bien mettre mes hommages aux pieds de Son Altesse.
Tout à vous

Joukoffsky

Mes saluts à votre excellente épouse et à votre fils. Une bonne embrassade à Maltitz. Ma femme me charge de mille amitiés pour vous.

Перевод:

Дорогой друг, сообщаю, что только что получил Вашу посылку, а также выражаю Вам бесконечную благодарность, сожалея при этом, что заставил Вас перепечатать Вашу статью, которая была уже в моем экземпляре газеты «Альгемайне Цайтунг». Я уже отправил один из пяти перепечатанных экземпляров брату нашего почившего друга, который живет в Париже: Вы знаете его лично¹. Он будет от всего сердца благодарен Вам. Он отправил мне несколько посылок с рукописями покойного, но в них лишь мои письма и письма князя Вяземского, а также бумаги почившего общества «Арзамас», в котором я имел честь состоять секретарем. Это общество, о котором никто, кроме его членов, не имел точного представления, родилось из буффонады, существовало только благодаря галиматье и внезапно скончалось в родах здравого смысла. Вот и вся его биография.

Заканчивая, предупреждаю Вас, что когда Вы напишете мой некролог и захотите его *переписать* для аугсбургской газеты, возьмите перо лучшее, чем то, которым Вы воспользовались с таким прилежанием при написании Вашего последнего письма. Возможно, Вы думали про себя: *он не сможет прочесть, но он меня поймет*. Вы угадали верно. Кроме прочего, я понял, что Вы прибудете в Швальбах в середине июля. Предупреждая досадную ошибку, решительно заявляю, что мы также будем в Швальбахе лишь к середине июля. Если Вы по пути заедете во Франкфурт, не забудьте постучать в нашу дверь.

Я счастлив от милостивого воспоминания обо мне ее королевского высочества госпожи принцессы Прусской и заранее рад приветствовать ее в Гамбурге. Возможно, ее высочество прибудет также в Шлангенбад?

Передайте мое почтение ее высочеству.
Всецело Ваш

Жуковский

Кланяюсь Вашей любезной супруге и Вашему сыну. Обнимаю Мальтица. Моя жена шлет Вам тысячу приветов.

57

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

<Вторая половина июня 1846 г. Франкфурт-на-Майне>

Mon cher ami,

Vous me demandez si amicalement des nouvelles de ma santé que je crois être obligé de vous répondre tout de suite quelques mots.

Dieu merci, cela va bien à présent: mais toute l'année passée a été perdue pour mon travail. Cette interruption a été d'abord produite par la maladie elle-même, après par une sorte d'incapacité de reprendre un travail une fois interrompu. A présent je vais me remettre. Je n'irai pas encore *en avant*. Je réserve cela pour le moment où je serai de retour de Schwalbach où je passerai tout le mois de juillet; mais je m'occuperai de revenir sur ce qui *est déjà fait*: je corrigerai, je corrigerai jusqu'à ce que je pourrai dire: halte-là! Consummatum est¹. J'ai déjà commencé ce travail. Il est presque plus dur que la traduction elle-même; car quelquefois pour mot, pour une syllabe qui gêne on est obligé de changer des vers en entier; mais c'est précisément dans ces peines que gît le charme du travail; si on imaginerait une machine à vapeur pour aider aux poètes à faire vite leurs vers, toute leur vie poétique s'en irait en vapeur. Tant il est vrai que le trésor de la vie est la peine.

Ainsi donc soyez tranquille sur ma chétive personne matérielle; sa machine va de nouveau. Si toutefois je m'avise d'imiter notre ami, ne vous attendez pas que je vous demande à faire mon nécrologe, comme vous avez si bien fait le sien: je ne le pourrai pas; mais sachez d'avance que vous me ferez un grand plaisir en disant un petit mot sur moi à vos compatriotes qui pourtant ne s'intéresseront pas à ma mort autant qu'à celle de notre ami, qui a été connu par tant d'hommes d'élite en Allemagne et en Europe. Je vous prie d'avance d'être mon Biographe posthume par la seule raison que je sais que cela vous fera plaisir: vous

voyez que j'ai le désir sincère de vous être agréable même après ma mort. Toutefois je prie Dieu d'éloigner le moment où vous serez dans la nécessité de remplir ma prière. Soyez bien portant et conservez à moi vivant l'amitié que vous exprimerez très bien lorsque vous écrirez mon nécrologe.

Mes compliments à votre chère famille, à l'excellente Mme Schorn; une bonne et cordiale embrassade à Maltitz.

Tout à vous

Joukoffsky

Перевод:

Дорогой друг,

Вы с такой любезной настойчивостью спрашиваете известий о моем здоровье, что я должен сейчас же ответить Вам в нескольких словах.

Благодарение Богу, сейчас мне лучше, но весь прошлый год был потерян для моей работы. Это промедление было сначала продиктовано самой болезнью, а затем и некоей неспособностью приняться за прерванную работу. Сейчас я намереваюсь вновь взяться за нее. Но я пока не стану *продвигаться вперед*. Оставлю это до моего возвращения из Швальбаха, где проведу июль, а сейчас займусь тем, что *уже сделано*: буду исправлять и исправлять, пока не скажу: довольно! *Consummatum est*¹. Я уже начал эту работу. Она даже труднее, чем сам перевод, потому как ради слова, ради одного неудобного слога приходится менять целый стих; но как раз в этих муках заключено очарование работы. Если представить паровую машину, помогающую поэтам быстрее сочинять стихи, то вся их поэтическая жизнь обратилась бы в пар. Истина в том, что сокровище жизни и заключается в мучениях.

Итак, будьте спокойны за мою жалкую материальную сущность, ее механизм вновь работает. Если же мне вздумается последовать за нашим другом, не ждите, что я попрошу Вас составить мой некролог: я не посмею. Но знайте заранее, что Вы доставите мне большое удовольствие, сказав пару слов обо мне Вашим соотечественникам, которых, однако, моя смерть не будет интересовать настолько, насколько смерть нашего друга, известного мно-

гим прекрасным людям в Германии и в Европе. Заранее прошу Вас быть моим посмертным биографом только лишь потому, что знаю, что это доставит Вам удовольствие: видите, я искренне желаю быть Вам приятным даже после смерти. Тем не менее я прошу Господа отдалить момент, когда Вы будете вынуждены выполнить мою просьбу. Будьте здоровы и сохраните ко мне живому дружбу, которую Вы сможете так хорошо выразить, когда будете писать мой некролог.

Поклонитесь от меня Вашей дорогой семье, любезной г-же Шорн, сердечно обнимите Мальтица.

Всецело Ваш

Жуковский

58

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

6/18 декабря 1846 г. Веймар

Weimar, den 18. Dezember 46

Mein teurer Freund!

Ich höre von fern mit großer Bekümmernis, dass Sie sehr krank waren und auch Ihre liebe Gemahlin leidend ist. Hoffentlich geht es Ihnen beiden schon jetzt wieder besser, aber ich bitte Sie recht inständig, mich bald möglichst durch einige Zeilen Ihrer Hand zu beruhigen. Von lieben Freunden getrennt zu sein, ist schon schmerzlich genug, aber überdass über ihr Befinden in banger Sorge schweben zu müssen, noch viel schrecklicher.

Dass Sie nicht hierher kommen konnten, als die Großfürstin Olga bei uns weilte¹, war uns allen höchst bedauerlich. Waren Sie denn nochmals in Stuttgart? Ich höre, dass die junge Fürstin dort sehr geschätzt wird und überaus gefällt.

Unsere gute Großfürstin sah die schönen Herbsttage für sie sehr getrübt durch die qualvolle Sorge um ihre Enkelin in Genua². Und noch immer geht die Genesung nur sehr langsam vorwärts.

Mögen die jetzigen Winterstürme Ihr anmutiges Landhaus am Mainufer nicht zu gewaltig umstürmen! Ich versetze mich im Geiste gar oft dahin. Herzliches Lebewohl und nochmals die Bitte um baldige Kunde von Ihrem Ergehen.

F. v. Müller

Maltitz grüßt aufs Herzlichste.

Перевод:

Веймар, 18 дек<абр> 46

Мой дорогой друг!

Я с большой тревогой слышу известия издалека о том, что Вы были очень больны и что Ваша дорогая супруга тоже больна. Надеюсь, что вы оба уже чувствуете себя лучше, но я настойчиво прошу Вас успокоить меня как можно скорее несколькими строчками, написанными Вашей рукой. Быть вдали от дорогих друзей – это уже больно, но гораздо ужаснее пребывать в тревожном беспокойстве о Вашем самочувствии.

Нам всем было очень жаль, что Вы не смогли приехать сюда, когда великая княжна Ольга посетила нас¹. И все же Вы вновь были в Штутгарте? Я слышал, что молодая княжна очень почитается там и чрезвычайно всем нравится.

Прекрасные осенние дни были омрачены для нашей доброй великой герцогини мучительной заботой о ее внучке в Генуе². И выздоровление все еще идет очень медленно.

Пусть нынешние зимние штормы не слишком сильно штурмуют Ваш прекрасный загородный дом на берегу Майна! Я весьма часто перемещаюсь туда в своих мыслях. Сердечный прощальный привет и еще раз просьба поскорее прислать известия о Вашем самочувствии.

Ф. ф. Мюллер

Мальтиц приветствует Вас от всего сердца.

59

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
15/27 декабря 1846 г. Франкфурт-на-Майне

27 décembre 1846. Francfurt S/M

Merci pour votre bonne lettre, mon cher ami, et pour vos inquiétudes sur notre compte. J'aurais bien été heureux de pouvoir vous dire que ces inquiétudes sont sans fondement mais par malheur je ne le puis pas. Toute cette année a été désastreuse pour moi sous tous les rapports. La maladie de ma femme dure toujours; je suis condamné à en être témoin sans pouvoir y porter aucun soulagement. Le traitement de Kopp lui fait du bien; il n'a aucun doute sur les bons résultats; et moi-même j'attends de l'avenir une guérison complète; mais le présent est bien, bien pénible. Que Dieu daigne nous aider.

Dans votre dernière lettre vous m'avez dit que S.A.I. a daigné s'intéresser à ma femme et qu'elle voulait en avoir des nouvelles. J'attendais toujours le moment où je pourrais lui donner par vous de bonnes nouvelles mais ce moment n'arrive pas et je ne vois pas encore quand il arrivera. Toutefois mettez mes remerciements aux pieds de notre Gracieuse Grande Duchesse: la bonté est toujours fraîche, toujours chaude dans son âme qui ne perdra jamais sa charmante jeunesse.

Au passage de Monseigneur le Grand Duc¹ j'ai eu le bonheur de le rencontrer par hasard chez la comtesse Egloffstein. A son retour de Mannheim j'ai eu du malheur. Son Altesse a passé la soirée chez l'excellente Mme de Gunderode². J'ai été malade ce soir, ma femme encore plus: je n'ai pas pu aller chez Mme de Gunderode qui m'avait annoncé que S.A. serait chez elle. Le lendemain toutefois (n'étant plus absent de mon mal de tête) j'ai voulu tenter la fortune; je me suis levé et j'ai fait ma toilette de bien bonne heure; mais mon guignon a voulu qu'il fût un temps horrible, vent, pluie et neige: tous les drochki de la ville de Francfort s'étaient cachés ou ont tardé à paraître. Néanmoins mon domestique a réussi de pêcher dans cette tourmente un drochki presque délabré; mais il a perdu du temps à sa poursuite. Toutefois je me confie à la rossinante qui traînait à pas lent ce char, je cours ou plutôt je me traîne à la porte de l'hôtel de l'Empereur Romain, et juste au moment où je tourne de la Fahrgasse sur la Zeil, je vois sortir de cette porte l'équipage

du Grand Duc suivi de la voiture de Monsieur de Fritsch³; ils disparaissent impitoyablement dans la nuée de la neige tombante et moi, je reste désappointé dans mon drochki dont les fentes laissent un libre passage au vent et à la neige à la suite desquels entre même un malin cathare qui pourtant ne fait qu'une visite de passage.

J'ai prié la comtesse Egloffstein de publier mon désastre. Je ne sais pas si elle l'a fait. Mais je regrette infiniment d'avoir éprouvé le contretemps qui m'a privé de l'occasion de remercier Monseigneur de la bienveillance qu'il m'a daigné montrer à son premier passage; d'autant plus j'ai le regret que dans la même matinée, ayant visité Mme de Gunderode, j'ai su d'elle que l'excellent Prince lui a exprimé le désir de me rencontrer chez elle. Je voudrais bien, cher ami, que vous trouviez le moyen de faire parvenir à la connaissance de Son Altesse combien je suis touché de cette marque de sa bonté bienveillante.

Répondez je vous prie.

Tout à vous

Joukoffsky

Mes respects à votre famille. Tendre embrassade à Maltitz.

Перевод:

27 декабря 1846. Франкфурт-на-Майне

Дорогой друг, благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за Ваше беспокойство о нас. Я был бы счастлив сказать, что это беспокойство не имеет основания, но, к несчастью, не могу. Этот год был для меня губительным во всех отношениях. Болезнь моей жены не прекращается; я приговорен быть ее свидетелем, не имея никакой возможности облегчить ее страдания. Лечение Коппа оказывает на нее благотворное влияние, и он не сомневается в хороших результатах. Я же жду от будущего полного выздоровления, но настоящее очень, очень мучительно. Да поможет нам Бог.

В прошлом письме Вы писали, что ее императорское высочество соизволило поинтересоваться здоровьем моей супруги. Я все еще жду той минуты, когда смогу сообщить ей через Вас хорошие новости, но эта минута не настает, и я не знаю, когда она настанет. Тем

не менее поблагодарите за меня великую герцогиню: доброта всегда чиста и горяча в ее душе, которая никогда не потеряет своей очаровательной молодости.

Мне выпало счастье встретиться случайно с его высочеством великим герцогом¹ у графини Эглоффштейн. После его возвращения из Мангейма со мной приключилось несчастье. Его высочество провел вечер у госпожи Гюндероде². Я был болен в тот вечер, а моя жена еще более больна, и я не смог поехать к госпоже Гюндероде, которая сообщила мне, что его высочество будет у нее. Тем не менее на следующий день (все еще не избавившись от головной боли) я попытал счастья. Я поднялся ранним утром, но мои невезения продолжались: ужасная погода, ветер, дождь и снег. Все франкфуртские дрожки попрятались либо не торопились с появлением. Все же моему слуге удалось выудить в этой буре полуразвалившиеся дрожки, но он потерял много времени на их поиски. Итак, я доверяюсь кляче, медленно тянущей повозку, я еду или, скорее, тащусь к воротам гостиницы «Римский император», но в ту самую минуту, когда я поворачиваю с Фааргассе на Цайль, я вижу, как из тех самых ворот выезжает экипаж великого герцога, за которым следует карета господина Фрича³. Они безжалостно скрываются в облаке падающего снега. Я же остаюсь раздосадованный в своих дрожках, а через их щели свободно проникают ветер и снег, несущие за собой даже губительную простуду, заболевание которой, однако, длится недолго.

Я попросил графиню Эглоффштейн рассказать о моем бедствии, но не знаю, выполнила ли она мою просьбу. Я бесконечно сожалею, что это препятствие лишило меня возможности поблагодарить его высочество за ту благосклонность, которую он оказал мне во время своей первой поездки. Еще более я сожалею о том, что тем же утром, во время своего визита к госпоже Гюндероде я узнал от нее, что великий герцог высказал ей пожелание встретиться со мной у нее. Дорогой друг, я хотел бы, чтобы Вы нашли способ сообщить его высочеству о том, насколько я тронут этим знаком его благосклонности.

Прошу ответить на мое письмо.

Всецело Ваш

Жуковский

Кланяюсь вашей семье. Нежно обнимаю Мальтица.

60

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
30 декабря 1846 г. / 10 января 1847 г. Веймар

Weimar, den 10. Januar 1847

Verzeihung vor allen Dingen, teuerster Freund, wenn ich mich einer fremden Feder bediene, da meine neuerdings mehr als je leidenden Augen mich dazu zwingen.

Mit recht großer Betrübniß sah ich aus Ihren lieben Zeilen, dass der Gesundheitszustand Ihrer Frau Gemahlin Ihnen noch immer große Sorge macht. Ich weiß gar zu sehr aus Erfahrung, wie peinigend und alle Lebensverhältnisse trübend solche Sorgen sind. Leider wirkt wohl auch unsere jetzige Jahreszeit nachtheilig ein. Sollte nicht, sobald der Frühling kommt, der Aufenthalt in einem milden südlichen Klima das beste Heilmittel sein? Wenn der Arzt damit übereinstimmt, so müssten Sie sich durch nichts in der Welt abhalten lassen, die entsprechende Maßregel auszuführen; denn an einer dauernden Wiederherstellung der geliebten Gattin, hängt ja Ihr ganzes Lebensglück, und alle sich entgegenstellende Schwierigkeiten dürfen dabei nicht in Betracht kommen.

Der Großherzog hat es zwar sehr bedauert, Ihren Besuch nur um wenige Minuten verfehlt zu haben und erfahren zu müssen, dass Ihre freundliche Absicht mit so vielen Unannehmlichkeiten für Sie verbunden war, aber Er lässt Sie recht angelegentlich bitten, Sich doch ja über jenes Verfehlen nicht im Geringsten Skrupel zu machen. Er ist von Ihrer treuanhänglichen Gesinnung viel zu fest überzeugt, als dass Sie erst noch einer Bestätigung bedürften. Er sowohl, als die Frau Großherzogin lassen Ihnen tausend Herzliches sagen und vereinigen Sich in dem lebhaften Wunsche, recht bald die Beruhigung zu erhalten, dass Ihre schmerzliche Sorge um die Gesundheit Ihrer Frau Gemahlin beschwichtigt sei. Maltitz schließt sich aufs Innigste diesem Wunsche an, ein so schönes Gemüt, wie das Seinige empfindet doppelt Ihren Kummer, der fortwährend der Gegenstand unserer Gespräche ist. Bei solchen häuslichen Leiden bedarf es vieler Geduld, um durch den zögernden Schritt der Zeit nicht mutlos zu werden und dadurch das Übel noch zu vergrößern.

Lassen Sie mich die Hoffnung festhalten, bald – wenn auch nur durch wenige Zeilen Ihrer Hand – zu vernehmen, dass es besser geht und blei-

ben Sie stets meiner treuesten Teilnahme und liebevollen Anhänglichkeit an Sie, mein edler Freund, überzeugt.

F. von Müller

Перевод:

Веймар, 10 января 1847

Прежде прочего прошу прощения, дорогой друг, что мне служит чужое перо, мои снова более чем когда-либо страдающие глаза при-
нуждают меня к этому.

С большим прискорбием я узнал из Ваших милых строк, что состояние здоровья Вашей супруги все еще очень Вас беспокоит. Я слишком хорошо знаю из своего опыта, насколько тяжелыми и омрачающими все жизненные условия являются такие заботы. К сожалению, и наше нынешнее время года влияет отрицательно. Как только наступит весна, не будет ли пребывание в мягком южном климате лучшим средством для исцеления? Если доктор согласится с этим, Вас ничто в мире не удержит от выполнения соответствующего предписания; все Ваше счастье зависит от постепенного восстановления любимой супруги, и все трудности, с которыми Вы сталкиваетесь, не должны при этом приниматься во внимание.

Великий герцог очень сожалел, что пропустил Ваш визит всего на несколько минут и вынужден был узнать, что Ваше доброе намерение было связано с такими большими неудобствами для Вас, но он Вас настоятельно просит даже в малейшей степени не допускать угрызений совести из-за того промаха. Он слишком твердо убежден в Вашей верности и преданности, чтобы еще требовать от Вас подтверждения. Он и великая герцогиня передают Вам тысячу сердечных слов и едины в желании очень скоро получить утешительное известие о том, что Ваше мучительное беспокойство о здоровье Вашей госпожи супруги прошло. Мальтиц искреннейше присоединяется к этим пожеланиям, такой прекрасный ум, как его, вдвойне сопереживает Вашему горю, которое постоянно становится предметом наших разговоров. Такие семейные печали требуют большого терпения, чтобы не пасть духом от замедлившего свой ход времени и тем самым еще больше не увеличить беды.

Позвольте мне питать надежду узнать вскоре, хотя бы из нескольких строк Вашего письма, что дела идут лучше и что Вы всегда остаетесь убеждены в моем искреннейшем участии и нежной привязанности к Вам, мой благородный друг.

Ф. фон Мюллер

61

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

<Конец февраля 1847 г. Франкфурт-на-Майне>

Cher ami, vous m'avez demandé des nouvelles de ma femme – elle souffre toujours. J'espère beaucoup de l'arrivée du printemps. La feuille ci-jointe vous fera savoir ce qui se passe chez nous¹; ma famille vous l'envoie en signe d'amitié; vous prendrez part à son affliction, d'autant plus qu'elle a été il n'y a pas bien longtemps l'expérience de votre propre cœur.

M. de Fritsch m'a dit il y a quelques jours que S.A.I. notre chère Grande Duchesse a été indisposée, que même Elle a été obligée de garder le lit. Vous me ferez une grande grâce en m'informant de l'état de sa chère santé. Je vous prie de me mettre aux pieds de Son Altesse.

Je vous prie d'envoyer la lettre ci-jointe à la comtesse Caroline Egloffstein. Je ne sais pas au juste son adresse. Dites-lui que j'ai bien regretté de ne pas avoir pu lui dire adieu.

Ma femme vous salue de tout son cœur.

Tout à vous

Joukoffsky

Mes saluts à Maltitz.

Перевод:

Дорогой друг, Вы просили известий о моей жене – она все еще больна. Я во многом надеюсь на приход весны. Приложенный к письму листок¹ расскажет Вам о том, что у нас происходит; моя семья посылает Вам его в знак дружбы; Вы разделите ее печаль, тем более что совсем недавно она выпала и на Вашу долю.

Фрич сказал мне несколько дней назад, что ее императорскому высочеству нашей дорогой великой герцогине нездоровилось и что она даже была прикована к постели. Вы бесконечно обяжете меня,

сообщив о состоянии ее бесценного здоровья. Передайте великой герцогине мои заверения в глубочайшем уважении.

Прошу отправить приложенное письмо графине Каролине Эглоффштейн. Я не знаю в точности ее адреса. Скажите ей, что я весьма сожалею, что не смог попрощаться с ней.

Моя супруга кланяется Вам от всего сердца.

Всецело Ваш

Жуковский

Мое почтение Мальтицу.

62

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

24 февраля / 8 марта 1847 г. Веймар

Weimar, 8/3 47

Mit großem Schmerz habe ich Ihren Trauerfall vernommen, mein teurer Freund! Wie tief muss er Sie alle ergriffen haben!

Sprechen Sie doch ja Ihrer lieben Gemahlin und den würdigen andren Teilnehmern meine innigste Teilnahme aus. Namens der Gräfin Egloffstein kann ich dieselbe im Voraus versichern. Auch die Frau Großherzogin empfindet Ihren gerechten Schmerz mit und trägt mir auf, es Ihnen und dem guten Reutern treulich auszudrücken. Sie lässt Ihnen sagen, dass Sie doch ja nicht nach Russland reisen möchten, ohne über Weimar zu kommen.

Von mehrwöchentlichem Unwohlsein, das uns besorgt machte, ist die Frau Großherzogin jetzt glücklich hergestellt, und dankt Ihnen freundlichst für Ihre Nachfrage. Für heute nicht mehr, da ich sehr in Landtagsgeschäften stecke.

Mit den innigsten Wünschen für die Gesundheit Ihrer teuren Gemahlin, immerfort der Ihrigste

v. Müller

Перевод:

Веймар, 8/3 47

С великой болью я услышал о Вашем горе, мой дорогой друг! Как глубоко оно, должно быть, потрясло вас всех!

Выразите мои искренние соболезнования Вашей дорогой жене и почтенным родителям. От имени графини Эглоффштейн могу Вас заранее заверить в том же. Великая герцогиня также искренне сочувствует Вашей праведной боли и поручает мне передать это Вам и дорогим Рейтернам. Она передает Вам, чтобы Вы не отправлялись в Россию, не проехав через Веймар.

После нескольких недель недомогания, которое беспокоило нас, великая герцогиня теперь счастливым образом выздоровела и любезнейше благодарит Вас за беспокойство. На сегодня более ничего, поскольку я очень вовлечен в дела ландтага.

С самыми искренними пожеланиями здоровья Вашей дорогой супруге, всегда Ваш

ф. Мюллер

63

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

25 марта / 6 апреля 1847 г. Веймар

Weimar, den 6. April 1847

Während meine Gedanken, teuerster Freund, sich seit der Trauerkunde, die Sie mir gaben, oftmals mit der Sorge um Sie und die Ihrigen beschäftigten, befiel mich Mitte März ein heftiges Catarrhfieber, das in noch etwas Schlimmeres auszuarten drohte. Jetzt, wo ich zwar wieder besser, aber doch noch immer sehr angegriffen bin und noch immer das Zimmer hüten muss, ist es mir ein dringendes Bedürfnis, zu vernehmen, wie es Ihnen, Ihrer teuren Frau Gemahlin und der würdigen Familie Reutern ergeht, auch wie es mit Ihrem Reisevorhaben aussieht? Wir dürfen doch mit Sicherheit darauf rechnen, dass Sie über Weimar reisen und nicht allzu kurz bei uns verweilen werden?

Unsere Herrschaften befinden sich wohl, die Frau Erbgroßherzogin wird am 11. dieses Monats in den Haag reisen und bald darauf auch ihr Gemahl nachfolgen¹.

Gräfin Caroline Egloffstein war von dem schnellen Hinscheiden Ihrer lebenswürdigen Schwägerin außerordentlich ergriffen und trug mir auf, Ihnen ihre schmerzlich teilnehmenden Gefühle lebhaft auszusprechen.

Möchte ich ihr recht bald gute Kunde von Ihren allerseitigen jetzigen Zuständen mitteilen können.

Leben Sie wohl, geliebter Freund! Von ganzem Herzen der Ihrige,

F. von Müller

Перевод:

Веймар, 6 апреля 1847

В то время как мои мысли, дражайший друг, после горестного известия, которое Вы мне сообщили, часто были заняты заботой о Вас и Ваших близких, в середине марта меня поразила сильная катаральная лихорадка, которая угрожала перейти во что-то худшее. Теперь, когда мне стало лучше, но я все еще в потрясении и должен оставаться в комнате, мне настоятельно необходимо услышать, как дела у Вас, Вашей дорогой супруги и почтенной семьи Рейтерн, а также как обстоят дела с Вашими планами на поездку? Можем ли мы с уверенностью рассчитывать на то, что Вы проедете через Веймар и задержитесь у нас на не слишком короткое время?

Наши государи чувствуют себя хорошо, великая герцогиня отправится в Гаагу 11-го числа этого месяца и вскоре последует за супругом¹.

Графиня Каролина Эглофштейн была очень потрясена скорой кончиной Вашей милой невестки и просила меня живо передать свои горестные сопереживающие чувства. Хотел бы я сообщить ей хорошие вести о Вашем нынешнем положении.

Прощайте, любимый друг! Всем сердцем Ваш

Ф. фон Мюллер

64

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

<Начало июня 1848 г. Франкфурт-на-Майне>

Mon cher ami,

Il y a des années que je ne vous ai pas écrit: cela est vrai à la lettre; les événements qui ont récemment ébranlé le monde se sont suivis avec une telle rapidité et ont été en si grand nombre qu'il serait juste de donner à

chaque jour qui appartient aux derniers six mois la signification d'une année.

Quant à moi, dans ces jours derniers, à la maladie universelle qui s'est déclarée dans le corps politique¹, s'est associée une maladie d'yeux qui longtemps a empêché de me jouir de plume. J'en suis à présent quitte, mais pour me restaurer complètement je dois aller faire une cure à Ems où j'ai déjà envoyé ma pauvre femme souffrante. Nous y resterons jusqu'au 15 juillet². A cette époque nous nous mettrons en route pour la Russie. Je ne sais si cette route nous mènera par Weimar car nous avons le projet de la faire par Lubeck; de cette manière il est douteux que je vous revoie avant mon départ si toutefois, comme vous en avez l'habitude, vous ne venez vous-même faire votre tournée aux bains – vous l'avez donc fait l'année passée; mais il est aussi vrai que l'été de l'année 1847 avait une toute autre physionomie que celui de 1848. A présent, celui qui a un abri tranquille y reste sans bouger et celui qui n'en a pas se hâte d'en trouver un pour se soustraire à la tempête qui gronde et qui menace de devenir un ouragan universellement destructeur. Toutefois je ne puis pas me refuser de vous laisser au moins une ombre de moi si je ne puis pas vous expédier ma personne: je vous envoie comme symbole et souvenir d'une fidèle amitié mon effigie à laquelle je vous prie de donner hospitalité dans votre cabinet où, parmi tant d'images tout autrement intéressantes que la mienne, cet humble plâtre³ vous parlera d'un respectueux attachement que celui qui vous l'envoie vous gardera partout et toujours. Ainsi soit-il. Veuillez me répondre en quelques mots et donnez-moi l'idée de ce que vous projetez faire dans le courant de cet été. Mes compliments à Madame votre épouse et à votre excellent fils. Mon tendre baiser à mon filleul.

Le vôtre *Joukovsky*

Перевод:

Дорогой друг,

Я Вам не писал целую вечность, и это в буквальном смысле так. События, недавно потрясшие мир, следовали так быстро и были так многочисленны, что было бы верно придать каждому дню из последних шести месяцев значимость года.

Что до меня, в эти последние дни к всеобщей болезни, которая разразилась в мире политики¹, присоединилась болезнь глаз, которая мне долгое время не давала пользоваться пером. Теперь я от нее свободен, но чтобы полностью восстановиться, я должен поехать в Эмс на лечение, куда я уже отправил мою бедную больную жену. Мы пробудем там до 15 июля². Затем мы направимся в Россию. Я не знаю, пройдет ли наш путь через Веймар, потому как мы намереваемся проделать его через Любек; итак, сомневаюсь, что увижусь с Вами до отъезда, если только по привычке Вы не заедете сами на воды – Вы уже сделали это в прошлом году, но правда и то, что 1847 год имел совершенно иной вид, нежели год 1848. Теперь тот, у кого есть спокойное убежище, остается в нем без движения, а не имеющий торопится его найти, дабы уклониться от бушующей бури, грозящей стать все разрушающим ураганом. Все-таки я не могу не оставить Вам по крайней мере свою тень, если не могу отправить себя к Вам лично: посылаю Вам в качестве символа и в память о верной дружбе свое изображение, которому прошу дать убежище в Вашем кабинете, где, среди стольких изображений гораздо интереснее моего, этот смиренный гипсовый слепок³ расскажет Вам о той почтительной привязанности, которую его отправитель хранит к Вам везде и навсегда. Да будет так. Напишите мне несколько слов в ответ и расскажите о своих планах на это лето. Мое почтение Вашей супруге и Вашему любезному сыну. Нежный поцелуй моему крестнику.

Ваш Жуковский

65

А. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

31 мая / 12 июня 1848 г. Веймар

Euer Excellenz,

habe ich im Auftrag meines Vaters seinen herzlichsten Dank auszusprechen für den gütigen Brief durch den Sie ihn, so wie durch das beige-fügte liebe Bild *so sehr* erfreut haben.

Leider ist er nun schon seit acht Tagen wieder so unwohl, dass ihm alles Schreiben oder Lesen gänzlich untersagt ist, ihm nicht einmal die Zeitungen vorgelesen werden dürfen.

Wahrscheinlich in Folge von Erkältung befiel ihn plötzlich eine beunruhigende Schwäche des Unterkiefers, die ihm das Sprechen sehr beschwerlich macht. Indessen dürfen wir nach Versicherung des Arztes uns doch der Hoffnung hingeben, dass das Übel bei sorgfältiger Pflege wieder gehoben werden könne. Leider sind die gegenwärtigen Zeitereignisse, die ihn unaufhörlich beschäftigen und erregen nicht günstig für eine auf größtmögliche Beruhigung der Nerven hinwirkende ärztliche Behandlung. Wir hoffen zu Gott, dass die Genesung recht bald wieder eintrete!

Vor wenigen Wochen hatte er die Freude der Frau Herzogin von Orleans¹ in Eisenach aufzuwarten und diese kleine Reise hatte ihn eher erkräftigt als geschwächt, so sehr sie ihn auch gemächlich ergreifen musste.

Eine von ihm für künftigen Monat beabsichtigte Reise an den Rhein sollte ihm auch die große Freude bringen Euer Excellenz aufzusuchen, was er sich aber nun wohl wird versagen müssen.

Ihrer verehrten Frau Gemahlin und Ihnen wünscht mein Vater die besten Erfolge des Emser Aufenthaltes. Meine mit der sorglichsten Pflege unausgesetzt beschäftigte Mutter schließt sich mit mir diesem Wunsche aufs Angelegentlichste an. Auch mein Karlchen, der Gott sey Dank! ziemlich kräftig heranwächst, wünscht dem verehrten Herrn Paten freundlichst empfohlen zu sein. Mit größter Verehrung habe ich die Ehre zu zeichnen Euer Excellenz ganz gehorsamster

A. von Müller

Weimar, den 12. Juni 1848

Mein Vater trägt mir noch besonders auf hinzuzufügen, wie er die Hoffnung nicht aufgebe, dass die Petersburger Reise Euer Excellenz über Weimar führen werde; das Gegenteil werde ihn sehr schmerzen.

Перевод:

Ваше превосходительство,
от имени моего отца я должен выразить свою искреннюю благодарность за доброе письмо, которым Вы его *очень* обрадовали, как и приложенной милой картиной.

К сожалению, он ныне уже восемь дней снова так нездоров, что ему совершенно запрещено писать или читать, даже газеты ему не читают.

Вероятно, в результате простуды у него внезапно возникла тревожная болезненность нижней челюсти, что очень затрудняет его речь. Тем временем, после заверения доктора мы можем надеяться на то, что при тщательном уходе недуг может быть устранен. К сожалению, нынешние события, которые непрерывно занимают и волнуют его, неблагоприятны для лечения, направленного на максимально возможное успокоение нервов. Мы уповаем на Бога, надеясь, что выздоровление наступит достаточно скоро.

Несколько недель назад он имел удовольствие нанести визит госпоже герцогине Орлеанской¹ в Эйзенахе, и это маленькое путешествие скорее укрепило его, чем ослабило, так сильно, должно быть, оно его тронуло.

Поездка на Рейн, запланированная им на будущий месяц, должна была также принести ему большую радость и позволить навестить Ваше превосходительство, но теперь он, вероятно, должен от этого отказаться.

Вашей уважаемой супруге и Вам мой отец желает успешнейшего пребывания в Эмсе. Моя непрерывно занятая заботливейшим уходом мать присоединяется вместе со мной к этому пожеланию. Мой маленький Карл тоже, слава богу! очень энергично растет, желает любезнейше кланяться уважаемому крестному. С величайшим уважением покорнейше отдаю честь Вашему превосходительству

А. фон Мюллер

Веймар, 12 июня 1848

Мой отец поручает мне обязательно добавить, что он не оставляет надежды на то, что путешествие Вашего превосходительства в Санкт-Петербург пройдет через Веймар; иначе он будет очень расстроен.

66

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому*31 июля / 12 августа 1848 г. Веймар*

Weimar, den 12. August 1848

Endlich, mein teurer Freund, kann ich Ihnen unmittelbar – wie früher nur durch meinen Sohn – den innigsten Dank für Ihr herrliches Medaillon aussprechen, was mir die allerhöchste Freude gemacht hat und täglich von neuem macht. Auch Gräfin Egloffstein, die einige Zeit bei uns war, teilte diese Freude und findet gleich mir Ihr Abbild ganz vortrefflich.

Maltitz brachte mir von Zeit zu Zeit Ihre lieben Grüße und teilte mir seine Übersetzung Ihrer trefflichen Aufsätze über Faust¹ mit, die mir viel zu denken gaben und mich wahrhaft erbauten. Fahren Sie nur ja fort, solche einzelne Stellen im Faust nach Ihrer Anschauungsweise zu entwickeln und aufzuhellen, es ist gar zu schön zu gewahren, welchen unerschöpflichen Quell zu Betrachtung und Gefühlen der Faust Männern Ihres Geistes und Herzens darbietet. Dabei muss ich Ihnen doch auch mitteilen, dass Goethe die Retschischen Darstellungen denen von Cornelius vorzog². Maltitz sagt mir, dass meine Gedanken Sie nun in dem lieblichen Krontal aufsuchen dürfen. Dies gibt mir die Hoffnung, dass Sie die Reise nach Russland für dieses Jahr aufgeben, zumal es nicht wohl getan wäre, der Cholera entgegen zu gehen. Aber wie hat Ems Ihrer verehrten Gemahlin zugesagt und wie befindet sie sich jetzt?

Und was machen Ihre allerliebsten Kinder? Meine Gesundheit stellt sich nur langsam her; ich gehe oder fahre zwar täglich etwas aus, muss mich aber noch sehr schonen, zumal im Lesen und Schreiben. Es ist mein sehnlichster Wunsch zu Ende dieses Monats Hanau auf einige Wochen besuchen zu können, wenn anders die Witterung besser u. sicherer wird, als in diesen letzten Tagen. Dann würde ich auch des Glücks genießen, Sie wieder zu sehen. Unter dessen würde es mir schon ein großer Trost sein, von Ihnen baldige Kunde über Ihr und der Ihrigen Ergehen zu erhalten. In den letzten Wochen habe ich alle Morgen Eierschalenwasser in dem Garten am Goethischen Hause getrunken; Sie können leicht denken welche zahllosen Erinnerungen dabei in mir aufwachten! Ich frühstückte dann mit Maltitz auf dem kleinen Balkon, der aus dem südlichen Büstenzimmer in den Garten hinaus gehet und wir sprechen gar oftmals

von Ihnen mit treuster Anhänglichkeit. Sehr gespannt bin ich auf «Chateaubriands mémoires outre tombe», aus denen uns Tourgénéf so vortrefend interessant vorlas!

Und nun für heute Lebewohl mein geliebter Freund, mit tausend Segenswünschen

F. von Müller

Перевод:

Веймар, 12 августа 1848

Наконец, мой дорогой друг, я могу непосредственно – а не как ранее только через моего сына – выразить мою искреннюю благодарность за Ваш великолепный медальон, который доставил мне величайшую радость и доставляет ее ежедневно. Графиня Эглоффштейн, которая была у нас некоторое время, поделила эту радость и, как и я, находит Ваше изображение превосходным.

Время от времени Мальтиц передавал мне Ваши добрые пожелания и делился со мной своим переводом Ваших прекрасных эссе о Фаусте¹, которые дали мне много пищи для размышлений и по настоящему обрадовали меня. Продолжайте же истолковывать с Вашей точки зрения подобные отдельные отрывки из «Фауста»: так прекрасно видеть, какой неиссякаемый источник наблюдений и чувств предлагает «Фауст» людям Вашего ума и сердца. К тому же я должен Вам сообщить, что Гёте предпочел иллюстрации Ретча иллюстрациям Корнелиуса². Мальтиц говорит мне, что Вы теперь находитесь в прелестном Кронтале. Это дает мне надежду, что Вы откажетесь от поездки в Россию в этом году, тем более что было бы нехорошо идти навстречу холере. А как понравился Вашей уважаемой супруге Эмс и как она сейчас себя чувствует?

И чем занимаются Ваши любимейшие дети? Мое здоровье восстанавливается медленно; я ежедневно куда-то выхожу или выезжаю, но должен еще себя очень беречь, особенно в чтении и письме. Мое заветнейшее желание – в конце этого месяца иметь возможность на несколько недель посетить *Гану*, если погодные условия будут лучше и безопаснее, чем в эти последние дни. Тогда я также был бы счастлив снова увидеть Вас. Поэтому для меня было бы

большим утешением получить скорые вести от Вас о Вас и Ваших близких. В последние несколько недель я каждое утро пил в саду дома Гёте воду, настоящую на яичной скорлупе; Вы можете легко вообразить, какие бесчисленные воспоминания просыпались при этом во мне! Затем я завтракал с Мальтицем на небольшом балконе, который выходит в сад из комнаты со скульптурами, и мы часто говорим о Вас с вернейшей преданностью. Я с нетерпением жду «Chateaubriands mémoires outre tombe», которые Тургенев так превосходно нам читал!

А теперь на сегодня прощайте, мой любимый друг, с тысячей добрых пожеланий

Ф. фон Мюллер

67

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

8/20 октября <1848 г.> Баден-Баден

20 octobre. Bade-Bade

Cher ami,

Il y a bien longtemps que j'avais le projet de vous écrire – et toujours j'ai été empêché par quelque chose. Comment cela va-t-il avec vous? Répondez je vous prie bien vite à cette question. Si cela vous est pénible, je prie votre excellent fils de vous prêter sa plume. Si mon filleul le faisait j'en aurais été bien content; je me tiens en attendant à son père auquel je presse cordialement la main.

Mes nouvelles ne sont pas tout à fait bonnes. Le choléra m'a arrêté et la maladie de ma femme m'a décidé de rester pour cet hiver en Allemagne, bien, bien à contre cœur, car peu de jours ont suffi pour transformer cette Allemagne si pleine de bien-être jusqu'à ce temps, en un chaos, où on ne trouve plus de fond pour appuyer avec sécurité son pied. Nous verrons si les réformateurs de la société feront mieux que le bon Dieu qu'ils ont mis de côté en déclarant que le mot par *la grâce de Dieu* est dorénavant superflu dans le frontispice du code de l'ordre général, c'est-à-dire dans le titre des princes. On ne peut pas ni leur désirer ni leur espérer le succès car on ne peut pas leur dire: que Dieu vous aide. Nos temps sont difficiles; ils sont même impossibles comme le

dit Montlosier. Maltitz m'a écrit que vous avez été indisposé, mon cher chancelier; on ne doit pas s'en étonner. Qui n'est pas plus ou moins malade à présent! Chaque fois qu'on m'apporte les gazettes je sens la chair de poule; je suis sûr que notre génération mettra au jour une nouvelle maladie que nos prédécesseurs n'ont pas connu: le typhus des journaux. La liberté de la presse n'est à présent autre chose que la liberté d'oppression dans le sens radical. Comme les actes d'une complète abnégation de soi-même deviennent presque impossibles dans notre temps d'égoïsme et de cupidité, je vous communique, pour réjouir votre cœur, le récit d'un acte dans ce sens, récit que vous connaissez déjà, que je vous ai fait autrefois verbalement moi-même, sur notre Empereur. C'est un fragment tiré d'une de mes lettres, traduit en allemand et inséré dans la Neuen Preussischen Zeitung¹. Je vous prie de garder ce lambeau en souvenir de moi et de me payer en m'envoyant une nouvelle réjouissante sur l'état de votre santé. Je vous prie de présenter mes respects à votre excellente épouse.

Tout à vous

Joukovsky

Перевод:

20 октября, Баден-Баден

Дорогой друг,

Я уже давно собирался Вам написать – но мне всегда что-то мешало. Как Вы поживаете? Прошу поскорее ответить на этот вопрос. Если Вас это затрудняет, прошу Вашего сына одолжить Вам свое перо. Если бы мой крестник сделал это, я был бы весьма рад; а тем временем я займу его отца, которому сердечно жму руку.

Вести обо мне не совсем хороши. Холера меня остановила, а болезнь жены вынудила остаться на эту зиму в Германии. Мое сердце этому противилось, поскольку всего нескольких дней хватило, чтобы превратить эту Германию, до сего дня полную блаженства, в хаос, в котором нет более места, куда можно безопасно ступить. Посмотрим, сделают ли реформаторы общества лучше Всевышнего, от которого они отказались, заявляя, что слова *Божьей милостью* отныне излишни в фасаде закона о всеобщем порядке, то есть в кня-

жеских титулах. Невозможно ни желать, ни надеяться на их успех, поскольку им нельзя сказать: да поможет вам Бог. Наши времена тяжелы, они даже невозможны, как говорит Монлозье¹. Мальтиц писал мне, что Вы были нездоровы, мой дорогой канцлер. Нечему удивляться. Кто сейчас не болен! Каждый раз, как мне приносят газеты, мне делается страшно; я уверен, что наше поколение породит новую болезнь, которой наши предшественники не ведали: газетный тиф. В наше время свобода печати есть не что иное, как свобода гнета в полном смысле. Поскольку примеры полного самоотречения становятся почти невозможны в наше время эгоизма и корыстолюбия, я передаю Вам, чтобы порадовать Ваше сердце, рассказ об одном из таких деяний, рассказ, который Вы уже знаете и который я поведал Вам когда-то на словах, о нашем императоре. Это отрывок из одного моего письма, переведенный на немецкий язык и включенный в газету «Neuen Preussischen Zeitung»². Прошу сохранить этот отрывок в память обо мне, а в награду отправить отрядную весть о своем здоровье. Передавайте мои почтения Вашей любезной супруге.

Всецело Ваш

Жуковский

68

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

13/25 ноября 1848 г. Веймар

Weimar, den 25. November 1848

Vortrefflichster Freund!

Vergeblich hoffte ich von Tag zu Tag meine Gesundheit wenigstens so weit erkräftigt zu sehen, um Ihnen mit eigener Hand ausdrücken zu können, wie sehr Sie mich durch Ihre freundlichen Zeilen vom 20. vergangenen Monats erfreuten. Eine inzwischen eingetretene, nun schon vier Wochen andauernde heftige Erkrankung meiner Frau musste natürlich auch auf mich und meine ohnehin geschwächten Nerven sehr nachteilig einwirken. Gott sei Dank, dass neuerdings Besserung der Kranken eingetreten ist, obschon dieselbe sehr langsam fortschreitet.

Ich freue mich, dass Sie, teuerster Freund! vorerst noch bei uns in Deutschland weilen, obschon ich die Ursache des Reiseaufschubs, das Unwohlsein Ihrer verehrten Gemahlin aufs Tiefste beklage. Möchte sich dieses doch recht bald gänzlich heben! Der Aufenthalt in dem schönen Baden wird gewiss dazu beitragen.

Möchten Sie dort von den Stürmen der Gegenwart wenigstens direkt unberührt bleiben, denn wer könnte sich den moralischen Eindrücken ganz entziehen!

Wer hätte noch vor Jahresfrist ahnen können, dass in so kurzer Zeit das sonst so ruhige ernstverständige Deutschland so weit kommen werde, daß Anarchie und Rohheit unter dem falschen Schein der Freiheit die Errungenschaft einer durch Jahrhunderte mühsam erstrebten Bildung und Wissenschaft in Zweifel stellen können! Doch hoffen wir, dass aus dem Gärungsprozess ein geläuterter Zustand erstehe!

Wie schmerzlich insbesondere auch die Berliner Verhältnisse unsre hochverehrte Frau Großherzogin notwendig berühren, brauche ich Ihnen nicht erst zu sagen.

In solchen Zeiten des allgemeinen Misstrauens und Missachtens musste eine Mitteilung wie die Ihrige in der neuen preußischen Zeitung einen um so erfreulicheren Lichtpunkt bieten. Sehr bin ich Ihnen dankbar für das mir gesendete Exemplar und lebhaft hat es mich an jene schöne Stunde zu Ems erinnert, wo Sie mir den merkwürdigen Vorgang, dessen einziger Zeuge Sie waren, aus der Fülle Ihres tiefen Gefühles schilderten.

Leider verhindern mich meine Übel, besonders meine Augenschwäche gänzlich durch irgend eine literarische Tätigkeit mich über die unfreundliche Gegenwart hinüber zu heben.

Doch genug der Klagen! Lassen Sie mich recht bald wieder Erfreuliches von Ihnen hören, insbesondere auch von dem Besserbefinden Ihrer Frau Gemahlin, der ich mich freundlichst zu empfehlen bitte.

Meine Frau, Sohn und Enkel erwidern Ihr gütiges Gedenken ihrer durch angelegentlichste Empfehlungen. Stets der Ihrigste

Fr. von Müller

Перевод:

Веймар, 25 ноября 1848

Прекраснейший друг!

Напрасно я надеялся, что мое здоровье со дня на день укрепитя настолько, чтобы я мог Вам собственноручно выразить, как сильно Вы обрадовали меня своими дружескими строчками от 20-го числа прошлого месяца. Начавшаяся между тем и теперь уже четыре недели продолжающаяся тяжелая болезнь моей жены, конечно, оказала очень неблагоприятное воздействие на меня и мои и без того ослабленные нервы. Слава богу, что с недавних пор у больной наступило улучшение, хоть оно и прогрессирует очень медленно.

Я рад, что Вы, дражайший друг! пока еще пребываете у нас в Германии, хотя я глубочайше сожалею о причине отсрочки поездки, недомогании Вашей почтенной супруги. Пусть же она скорее полностью восстановится! Пребывание в прекрасном Бадене, безусловно, поспособствует этому.

Лишь бы только и там Вас прямо не затронули бури современности – ибо кто может совершенно избежать морального давления!

Кто бы мог предположить даже год назад, что за столь короткое время прежде такая безмятежная серьезная Германия пойдет так далеко, что анархия и преступность под ложным сиянием свободы могут поставить под сомнение веками кропотливо собранные достижения образования и науки! Но мы надеемся, что из смуты возникнет просветление!

Мне не нужно рассказывать Вам, как болезненно берлинские, прежде всего, обстоятельства влияют на нашу глубокоуважаемую великую герцогиню.

В такие времена всеобщего недоверия и пренебрежения, явление, подобное Вашему в «Новой прусской газете», должно стать отрадным лучом света. Я очень благодарен Вам за присланный мне экземпляр, он ярко напомнил мне о том прекрасном часе в Эмсе, когда Вы со всей полнотой Ваших глубоких чувств описали мне странное событие, единственным свидетелем которого Вы являлись.

К сожалению, мои недуги, особенно слабость глаз, совершенно не дают мне возвыситься над недружелюбной действительностью какой-либо литературной деятельностью.

Однако достаточно жалоб! Позвольте мне в скором времени услышать от Вас еще что-нибудь отрадное, в особенности об улучшении состояния Вашей супруги, которой я прошу любезнейше откланяться.

Моя жена, сын и внук отвечают на Ваши любезные упоминания о них самыми настоятельнейшими поклонами. Всегда Ваш

Фр. фон Мюллер

69

В.А. Жуковский – неустановленному лицу (Г.А. Шёллю?)

11/23 ноября <1851 г.> Баден-Баден

Bade-Bade. 23 novembre

Cher et respectable ami,

Il y a déjà quelques mois que j'ai reçu de Maltitz le livre que vous avez eu la bonté de m'adresser¹. La cause du retard de la réponse pour vous remercier est bien triste: déjà depuis 5 mois que je souffre des yeux, que je suis enfermé dans ma chambre et privé de la possibilité de lire, d'écrire et de m'occuper autrement. Je veux pourtant vous dire un mot de remerciement pour votre cadeau qui m'est bien précieux et parie qu'il vient de vous et par ce qu'il s'attache au souvenir de notre ami² qui restera toujours dans mon cœur inviolable. Donc merci, merci. Recevez les assurances de mon fidèle attachement.

Joukovsky

Перевод:

Баден-Баден. 23 ноября

Дорогой и уважаемый друг,

прошло уже несколько месяцев, как я получил от Мальтица книгу, которую Вы любезно мне передали¹. Причина задержки ответа с моей благодарностью довольно печальна: вот уже 5 месяцев я страдаю от болезни глаз, я заперт в комнате и лишен возможности читать, писать и занимать себя чем-либо иным. Тем не менее я хочу

сказать слова благодарности за Ваш подарок, который очень ценен для меня, и держу пари, что он исходит от Вас и что он связан с памятью о нашем друге, который навсегда с нежностью останется в моем сердце.

Итак, спасибо, спасибо. Примите заверения в моей истинной преданности.

Жуковский

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание продолжает публикацию переписки В.А. Жуковского, начатую эпистолярными томами Полного собрания сочинений и писем поэта (т. 15–20) и придерживается идентичных эдичионных принципов.

Источниками публикации являются авторский автограф, копия или первая полная публикация в тех случаях, когда автограф или копия неизвестны. Источник, по которому печатается письмо, а также время и место первой его публикации описаны в начале примечаний к нему. Для автографов и копий указываются местонахождение и шифр, для первопубликаций – выходные данные и страницы издания.

Если в автографе имеется дата, она воспроизводится в тексте письма или в правом верхнем углу, или в левом нижнем, как в оригинале. Сохраняются графика и состав даты автографа, причем ошибка в ней (описка, несовпадение чисел старого и нового стилей) не устраняется. Однако, несмотря на наличие или отсутствие авторской даты, каждое письмо снабжено редакторской датой, напечатанной перед письмом в виде подзаголовка, после номера письма и/или имени автора; состав редакторской даты включает указания числа, месяца, года и места написания письма. В случае, если в автографе дата неполная (отсутствует указание числа, месяца или года), дополнения в редакторской дате заключены в угловые скобки. Предположительные редакторские даты в их полном составе также заключены в угловые скобки. Если же источником текста письма является не автограф и не копия, а первопубликация, в редакторской дате воспроизведена датировка публикации, в случае необходимости дополненная (дополнения оговариваются в примечаниях).

В примечаниях авторская дата не приводится и не оговаривается, если в ней нет ошибок. Отсутствие даты (Б. д.) или ее неполнота

(Б. г.) фиксируются, и обосновывается точная или предположительная датировка, которая и переносится в подзаголовок. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода. При этом числа 1–10 обозначаются как «начало», 11–20 – как «середина», 21–31 – как «конец» месяца. Письма, датируемые по почтовому штемпелю или по косвенным данным (дневник или ответные письма В.А. Жуковского, упоминаемые реалии), печатаются с обозначением: «около» или «не позднее» соответствующего числа привлекаемых документов. Письма, написанные в течение нескольких дней и датированные несколькими числами, вводятся в общий хронологический ряд писем согласно последней дате. В подзаголовке фиксируются обе (или несколько) даты создания текста. Сомнительные редакторские даты и дополнения к неполным датам отмечаются знаком вопроса.

Тексты писем воспроизводятся с возможной точностью в обозначении обращений, приписок, заключительных фраз, подписи и т.д. Недописанные или сокращенно написанные слова дополняются в угловых скобках. Сомнительное прочтение сопровождается знаком вопроса в угловых скобках, а слова, оставшиеся неразобранными, помечаются знаком <нрзб>, с цифрой, обозначающей количество непрочитанных слов, если их больше одного, например <2 нрзб>. Все подчеркивания автора воспроизводятся курсивом, за исключением названий периодических изданий и произведений, которые заключаются в кавычки. Все иноязычные слова и фразы, встречающиеся в тексте писем, отмечены, их перевод с обозначением в скобках языка оригинала дается в постраничных сносках. Если письмо полностью написано на иностранном языке, перевод дается в основном тексте.

Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации. Все опiski, пропуски знаков препинания специально не оговариваются. Снимаются знаки тире, обозначающие начало нового абзаца, и текст дается с красной строки. Унифицируется написание таких титульных обозначений, как «его (ее) величество (высочество)», «великий князь», «великая княгиня», «милостивый государь», «император», «императрица», а также слов в именительном и косвенных падежах, отражающее неустойчивость и общую эволюцию отечественной орфографии и колеблющееся в пределах

иногда даже одного текста (щастие, счастье, счастье). Во всех обращениях местоимение Вы и производные от него (Вас, Ваше и т.д.) печатаются с заглавной буквы. Сохраняются особенности орфографии подлинника, связанные с шутивным тоном и игровым поведением автора, а также с детским невладением правильным написанием. Для воссоздания общей атмосферы письма не заменяются слова или фразы, неудобные для печати. Сохранено обозначение некоторых топонимов и антропонимов. Разночтения в цитатах и автоцитатах стихотворений в автографах писем (в основном это знаки препинания и отдельные лексические вариации) оставлены без изменения и сверки, но это оговаривается в комментарии.

Если говорить о письмах на французском и немецком языке, то они не соответствуют современным нормам по нескольким параметрам: графике (диакритические знаки, очень часто отсутствующие в оригинальных текстах), орфографии (старые орфографические нормы написания некоторых слов) и даже грамматике и синтаксису. С этой точки зрения во французских и немецких текстах очевидно несоответствие современным правилам согласования времен, да и вообще присутствуют грамматические ошибки и нетипичные для современного языка речевые обороты и формы некоторых слов. Коррекция франко- и немецкоязычных текстов осуществлена в настоящем издании только на уровне графики и орфографии; характерные для авторов некорректные речевые обороты и словоформы, равно как и грамматические ошибки, оставлены без изменения.

Все впервые публикуемые письма на французском и немецком языке в настоящем издании сопровождаются современным переводом, выполненным Н.Е. Никоновой и И.А. Вяткиной при участии Е.Е. Дмитриевой и О.Б. Лебедевой. В эдиционных принципах относительно перевода мы руководствовались соображениями, с одной стороны, сохранения особенностей стиля, более близкого к оригинальному стилю Жуковского и Мюллера, а с другой – все же необходимостью предложить эквивалентный перевод.

Все указатели подготовлены В.С. Киселевым.

Приносим сердечную благодарность доктору Хольгеру Зигелю и доктору Йоахиму Францу (Университет Мангейма, Германия) за консультации при подготовке текста писем на немецком языке.

1

Ф. фон Мюллер – В. А. Жуковскому
(С. 31–34)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано: *Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 281–282.*

Печатается по автографу.

Датируется: 15/27 апреля 1828 г.

Вместе с первым письмом канцлера, открывающим переписку, публикуем посвящение Мюллера В.А. Жуковскому (РО ИРЛИ. № 28167. Л. 8), которое могло прилагаться к любому из писем, поскольку оно не датировано, но по своему содержанию и ретроспективной отсылке к знакомству с Гёте в 1827 г. теснее всего соотносится с данным посланием. Памятные цитаты из Ф.Г. Якоби и Гёте имеют программное значение не только для рассматриваемого эпистолярного диалога, но и для понимания образа Жуковского, конструируемого канцлером и запечатлевшегося в кругу веймарских гётеанцев. Выдержка из Якоби станет жизнестроительным кредо Жуковского и получит продолжение в письмах к Мюллеру 1840-х гг.

Как в заглавии к выпискам указывает Ф. фон Мюллер, фрагменты текста взяты из рукописей философа. В опубликованных сочинениях автора дословных совпадений не обнаруживается.

Aus Fr. H. Jacobis nachgelassenen Manuskripten.

Kapitel VIII. 34. Um Gott aus der Vernunft darzutun, muss er als etwas die Vernunft bedingendes dargetan werden.

– Wenn die Vernunft ihn bedingt, so ist er nicht.

Ibid. S. 85. Der Instinkt weiset, der Verstand beweiset. Um zu beweisen, muss etwas Früheres da sein, voran gewiesen, womit bewiesen wird. Gott kann deswegen nicht bewiesen werden. Der Beweisgrund wäre über ihm, wäre wahrer als er selbst.

Die Vernunft aber wäre kein Vermögen der Wahrheit, wenn kein Gott wäre. So wird die Vernunft aus und durch Gott, nicht Gott aus der Vernunft und durch sie bewiesen.

So ferner Kapitel VIII. S. 17. VII. 118.

Zur freundlichen Erinnerung
von F. v. Müller.

„Shukowski ist ein so zartes Gemüt, dass man auch nicht auf gewöhnliche Weise ihm Liebe und Achtung beibringen kann“.

Goethe. Den 6. September 1827

Перевод:

Из рукописей, оставленных Фр. Г. Якоби

Глава VIII. 34. Чтобы разумом понять Бога, следует понимать Его как нечто, разум обуславливающее.

– Если Бога объясняет разум, то Он перестает существовать.

Там же С. 85. Инстинкт указывает, рассудок доказывает. Чтобы доказывать, должно существовать что-то, явленное ранее, что служит доказательству. По этой причине существование Бога не может быть доказанным. Иначе основание доказательства будет первичным по отношению к Нему, будет более явственным, чем Он сам.

Разум, однако же, не был бы прибежищем истины, если бы не существовало Бога. Таким образом, разум существует от Бога и через Бога, а не Бог от разума и через него.

Так далее. Глава VIII. С. 17. VII. 118.

На дружескую память
от Ф. ф. Мюллера

«Жуковский так тонок душой, что невозможно обычным образом выразить любовь и уважение к нему».

Гёте. 6 сентября 1827

¹ Карл Бернгард (1792–1862), герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский, генерал от инфантерии голландской службы, путешественник и математик.

² Фон Бильк, мекленбургский гофмаршал, известный конезаводчик.

³ В связи с отсутствием письма Жуковского, на которое данное служит ответом, невозможно достоверно установить, о какой описи идет речь, но, вероятно, это мог быть список книг, необходимых для комплектования учебной библиотеки великого князя Александра Николаевича. Закупкой книг для библиотеки Жуковский занимался в период пребывания в Германии и во Франции в 1826–1827 гг.

⁴ Жуковский пробыл Берлине с 31 августа / 12 сентября до 27 сентября / 9 октября 1827 г., во время этого визита он встречался с королевским семейством и многими известными деятелями науки и культуры. В дневнике он отмечает неоднократные встречи с Гумбольдтом, Брюлем, Алопеусом и многими другими немецкими друзьями, в это время произошло его знакомство и завязалась дружба с генералом Й. фон Радовицем (см. ПССиП. Т. 13. С. 293–296).

⁵ Стихотворение «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича». Оно было написано 20 апреля 1818 г. в Москве в день Пасхи. Его перевод на немецкий язык, выполненный Ф. фон Мюллером, – «An Ihre Kaiserliche Hoheit der Frau Grossfürstinn Alexandra Feodorowna. Moskau im April 1818», был приложен к архивной единице с письмами Жуковского. См.: Петухов Е.В. Письма В.А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905. С. 342. Посещение Веймара и общение с Мюллером в 1827 г. приходится на то время, когда Жуковский готовился приступить к исполнению обязанностей наставника юного наследника престола, в связи с этим он мог читать оду друзьям, позиционируя себя в новом статусе.

⁶ Имеется в виду стихотворение «К Гёте» в собственноручном немецком переводе, приподнесенное адресату Жуковским через Мюллера по отъезде из Веймара в 1827 г. Подробнее см.: Жуковский В.А. Собрание немецких сочинений и автопереводов. Томск, 2018. С. 252–256 (комментарий Н.Е. Никоновой).

⁷ Подразумевается «Полное собрание сочинений» Гёте (Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. Stuttgart und Tübingen. J.G. Cotta'sche Buchhandlung, 1827–1833).

⁸ «Елена» – часть 2, акт 3 трагедии «Фауст».

⁹ «Воззвание к Веймару», стихотворение короля Баварии Людвига I (1786–1868), написано как посвящение Гёте и уходящему золотому веку Веймара, Мюллер прочел его немецкому поэту вместе с автопереводом послания «К Гёте» Жуковского. Подробнее об этом: Unterhaltungen mit Goethe: kritische Ausgabe. Hrsg. von E. Grumach. Weimar: Böhlau, 1956. S. 121.

¹⁰ Речь, вероятнее всего, идет о поэтическом посвящении Мюллера Веймару и Гёте «Wohl ist sie heilig, wieder Dichter lehret» (цит. по: Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918. С. 136). Спустя два года, в 1829 г., в журнале «Собиратель» Жуковский публикует свое четверостишие «То место, где был добрый, свято!», представляющее, парафраз этих строк (подробнее см.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск, 2012. С. 103–105).

¹¹ Подразумевается шестой том издания И.В. Гёте «Ueber Kunst und Alterthum» (Stuttgart: Cotta, 1828).

¹² Речь идет о Марии Гертруде Бринкман (р. 1744), матери Марии Луизы Якоби (урожд. Бринкман, 1776–1845), супруге Георга Арнольда Якоби (1768–1845), государственного советника Саксен-Веймарского правительства, сына философа Фридриха Генриха Якоби (1743–1819). В личной библиотеке поэта сохранилось издание пятитомного «Собрания сочинений» Фридриха Генриха Якоби 1812 г. (Описание. №. 1367) с многочисленными пометами. Судя по немецким записям на полях первого тома, включающего пометами философского содержания, книгу читала с карандашом в руках и супруга Жуковского. В этом томе содержится большинство карандашных записей и отчеркиваний.

¹³ Петр Михайлович Волконский (1776–1852), князь, с 1826 г. министр Императорского двора и уделов и управляющий Кабинетом Его Величества.

¹⁴ Вероятно, Август фон Гердер (1776–1838), немецкий геолог, оберберг-гауптман, действительный член Императорского минералогического общества.

¹⁵ Каролина фон Эглоффштейн (1789–1868), графиня, автор литературных и музыкальных произведений, фрейлина великой герцогини Марии Павловны. Подробнее о контактах Жуковского с графинями фон Эглоффштейн см.: Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.

¹⁶ Шлёссель – лицо неустановленное.

¹⁷ А.И. Тургенев после посещения Веймара в начале августа 1827 г. отправился в сентябре в Швейцарию, а затем прибыл в Париж, где оставался до начала февраля 1828 г. В момент написания комментируемого письма он находился в Лондоне, куда прибыл на свидание с братом Н.И. Тургеневым.

2

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 34–36)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 1–2.

Публикуется впервые.

Датируется: 13/25 мая 1828 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»*.
(л. 2 об.)

¹ См. примеч. 12 к письму Ф. фон Мюллера от 15/27 апреля 1828 г.

² Подразумевается отъезд императора Николая I на театр боевых действий Русско-турецкой войны 26 апреля 1828 г. Вернулся он в Петербург только 14 октября 1828 г.

³ Для получения денежного содержания на следующий год лицам, пребывающим за границей, по закону необходимо было предоставлять справку о том, что получатель жив, заверяемую российским дипломатическим представителем (министром или поверенным).

⁴ Мария Павловна (1786–1859), великая княгиня и великая герцогиня княжества Саксен-Веймар-Эйзенах, о ее контактах с Жуковским подробнее см.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб., 2015. С. 141–144.

⁴ См. примеч. 15 к письму Ф. фон Мюллера от 15/27 апреля 1828 г.

3

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 36–40)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 3–4 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 282–283 (фрагменты).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 6/18 июня 1828 г.

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

¹ 2/14 июня 1828 г. скончался великий герцог Карл Август Саксен-Веймар-Эйзенахский (р. 1757).

² Карл Фридрих (1783–1853), старший сын усопшего Карла Августа, ставший великим герцогом Саксен-Веймар-Эйзенахским с 14 июня 1828 г. Он вместе с женой великой княгиней Марией Павловной находился в тот момент в Петербурге в гостях у императрицы Марии Федоровны.

³ Йозеф Карл Штилер (1781–1858), известный портретист, придворный художник Мюнхенского двора с 1811 г. По заказу Людвига I Баварского написал в 1828 г. известный портрет «Иоганн Вольфганг фон Гёте в возрасте 79 лет».

⁴ 11 апреля 1827 г. граф Иоанн Антонович Каподистрия (1776–1831) был избран правителем Греции на 7 лет, его отправлению в Грецию было посвящено письмо Жуковского от первых чисел августа 1827 г. (ПССиП. Т. 16. С. 494–495).

⁵ Установить, о каком стихотворении Ф. фон Мюллера идет речь, не удалось. И.В. Гёте посвятил этому поводу стихотворение «An Graefin von Rapp, geborene von Rothberg, nach dem Tod ihres einzigen Sohnes, Mai 1828» [Графине Рапп, урожденной фон Ротберг, по случаю кончины ее единственного сына, май 1828]. Графиня Альбертина Шарлотта фон Ротберг (1797–1842) от второго брака с французским генералом Жаном Раппом (1773–1821) имела сына Максимилиана (1816–1828), о болезни и кончине которого идет речь в письме. Ее старшая сестра, Эмилия Вильгельмина фон Ротберг (1787–1870), о которой пишет Ф. фон Мюллер, была замужем за Карлом Эмилем фон Шпигель унд цу Пекельсгеймом (1783–1849).

⁶ Вероятнее всего, речь идет о Каролине Ржевуске (1795–1885), известной своими авантюрами красавице, хозяйке литературного салона, которой посвящали свои стихотворения А.С. Пушкин и А. Мицкевич.

⁷ Князь Алексей Алексеевич Долгорукий (1767–1834) исполнял должность министра юстиции с октября 1827 г.

⁸ См. примеч. 5 к письму Ф. фон Мюллера от 15/27 апреля 1828 г.

4

Ф. фон Мюллер – В. А. Жуковскому

(С. 40–43)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 283–284 (в сокращении, с ошибочной датой 1 октября 1828 г., не соответствующей упоминаемым реалиям, см. примеч. далее).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 30 октября / 10 ноября 1828 г.

¹ Константин Христофорович Бенкендорф (1785–1828), генерал русской императорской армии, герой войны 1812 г. и заграничных походов, генерал-адъютант, дипломат, русский посланник в Штутгарте и Карлсруэ. Дружеские отношения его с Ф. фон Мюллером, вероятно, завязались в 1813–1814 гг., в эпоху наполеоновских войн, и продолжились, когда К.Х. Бенкендорф с 1820 по 1826 г. был послом при вюртембергском и баденском дворах. Бенкендорф принимал участие в Русско-турецкой войне и умер 6 августа 1828 г. от болезни легких. Его тело было перевезено в Штутгарт, где и прошли похороны.

² Императрица Мария Федоровна скончалась 24 октября / 5 ноября 1828 г.

³ С июля по сентябрь 1828 г. шла осада русскими войсками турецкой крепости-порта Варна в Болгарии, в результате которой была одержана победа, важная для хода Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

⁴ Смерть императора Александра I в 1825 г.

⁵ Августа, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская (1811–1890), дочь великой княжны и герцогини Марии Павловны, была помолвлена с принцем Вильгельмом Фридрихом Людвигом Прусским, впоследствии императором Вильгельмом I (1797–1888), 25 октября 1828 г.

⁶ «Метаморфозы растений» – элегия И.В. Гёте.

⁷ Карл Бернгард (1792–1862), герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский, генерал от инфантерии голландской службы, путешественник и математик. Речь идет об издании «Reise Sr. Hoheitdes Herzogs Bernhard zu Sachsen-Weimar-Eisenach durch Nord-Amerika in den Jahren 1825 und 1826» [«Путешествие герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского Бернхарда по Северной Америке 1825 и 1826 гг.»], в котором подробно рассказывается об одиннадцатимесячной поездке герцога в США и Канаду.

⁸ Эти издания в библиотеке Жуковского не сохранились.

⁹ Фридрих Максимилиан фон Клиnger (в российском подданстве – Фёдор Иванович Клиnger; 1752–1831), немецкий поэт и драматург; генерал российской армии. В 1770-х гг. вошел в круг веймарских литераторов благодаря активной театральной деятельности, его драма «Буря и натиск» стала символом нового литературного движения. При русском дворе оказался в 1780 г., будучи приглашенным в свиту Марии Федоровны (Софии Доротеи Вюртембергской).

¹⁰ См. примеч. 5 к письму Ф. фон Мюллера от 15/27 апреля 1828 г.

¹¹ Карл Фридрих Вихман (1775–1836), немецкий скульптор, получил известность благодаря созданию статуй российских царственных особ; в данном случае речь идет о бюсте императрицы Марии Федоровны.

5

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 43–44)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 3.

Публикуется впервые.

Датируется: 20 ноября / 2 декабря 1828 г.

¹ Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856), граф, композитор. См. о его визите к И.В. Гёте 10/22 декабря 1828 г.: Дурьлин С.Н. Русские писатели у Гёте в Веймаре // ЛН. М., 1932. Т. 4/6. С. 359–361.

² Имеется в виду автоперевод стихотворения «Видение», пересланный через М.Ю. Виельгорского. Писарская копия, о которой говорит в своем письме Жуковский, хранится в папке Ф. Мюллера в архиве Гёте и Шиллера в Веймаре. Упоминание в немецком автопереводе наследника престола проясняет маскулинность русского текста стихотворения, немецкий автоперевод которого трансформирован скорее всего по причине изменения своего адресата, которым выступала в первую очередь веймарская герцогиня и русская великая княгиня Мария Павловна. Подробнее см.: Жуковский В.А. Собрание немецких сочинений и автопереводов. Томск, 2018. С. 257–261 (комментарий Н.Е. Никоновой).

³ Стихотворение «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны» было отправлено в виде русского оригинала, отпечатанного отдельной брошюрой. О дальнейшей судьбе и восприятии стихотворений Жуковского в Веймаре рассказывается в ответном письме канцлера фон Мюллера от 29/17 декабря 1828 г. Из двух стихотворений, посвященных царственным особам, известность в кругу немецких друзей Жуковского получило лишь одно. Канцлер Мюллер позаботился о том, чтобы в самый короткий срок поэтический перевод сочинения, посвященного памяти Марии Федоровны («Gefühle am Sarge Ihrer Kaiserlichen Majestät der Kaiserin Maria Feodorowna. In der Nacht von Ihrer Beerdigung von Shukofski») был напечатан в том же 1828 г. Эта посылка Жуковского возымела свое непосредственное продолжение в виде завязавшейся после нее личной переписки поэта с будущей великой герцогиней Марией Павловной (ThHStAW. Grossherzogliches Staatsarchiv A XXV, Russische Korrespondenzen. № 77).

6

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 45–47)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 7–8.

Публикуется впервые.

Датируется: 17/29 декабря 1828 г.

¹ Экштедт Альберт Фридрих фон Витцгум (1797–1860), камергер при саксонском дворе.

² В данном случае имеется в виду супруга единственного сына поэта Оттилия Гёте (урожд. фон Погвиш; 1796–1872), известная своей активной культурной деятельностью в веймарском кругу.

³ Алексей Александрович Лобанов-Ростовский (1787–1848), князь, государственный деятель, в 1824 г. ушел временно в отставку по собственному желанию и отправился в заграничное путешествие.

⁴ Речь идет, скорее всего, о стихотворениях «Видение» и «У гроба Государыни Императрицы Марии Фёдоровны» (подробнее см.: Жуковский В.А. Собрание немецких автопереводов. Томск, 2018. С. 257–261).

⁵ См. примеч. 3 к письму Жуковского от 20 ноября / 2 декабря 1828 г.

⁶ Имеются в виду переданные Жуковским стихотворения, см. примеч. 4.

⁷ См. письма Ф. фон Мюллера от 15/27 апреля и 6/18 июня 1828 г. и комментарии к ним.

⁸ Имеется в виду издание самого крупного романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre»).

⁹ К сожалению, установить, о каком стихотворении идет речь, не удалось.

7

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 47–48)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28167. Л. 6.

Публикуется впервые.

Датируется: 23 декабря 1828 г. / 4 января 1829 г.

¹ Барон Эрнст фон Больё-Марконнэй (1786–1859), чиновник, тайный советник и председатель правительства в Ольденбурге.

² Генриетта фон Эглоффштейн, в девичестве фон Больё-Марконнэй (1773–1864), графиня, фрейлина, мать трех сестер Эглоффштейн. Подробнее о контактах Жуковского с графинями фон Эглоффштейн см.: Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.

³ Барон Карл фон Больё-Марконнэй (1777–1855), генерал, второй муж графини Генриетты фон Эглоффштейн.

⁴ См. примеч. 4 к письму Ф. фон Мюллера от 17/29 декабря 1828 г.

⁵ Карл Христиан Людвиг Штарклоф (1789–1850), придворный советник, писатель.

8

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 48–49)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 5. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: 13/25 августа 1833 г.

Адрес: «À Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»* (л. 6 об.).

Основанием датировки письма является дневниковая запись от 14/26 августа 1833 г., воспроизводящая содержание письма: «Веймар-Мерзбург. Поутру у канцлера Миллера. <...> У Великой княгини. <...> Отъезд в 12 ¹/₄» (ПССиП. Т. 13. С. 392). Соответственно, письмо было написано днем раньше, вероятно, вечером.

¹ Вероятно, под аббревиатурой скрывается обозначение какой-то дипломатической должности при саксен-веймарском дворе.

9

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 49–52)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 9–10 об.

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 284 (в сокращении).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 2/14 октября 1837 г.

¹ Во время заграничного путешествия 1833 г. Жуковский пробыл в Веймаре 4 дня (с 23 по 26 августа н. ст.), этот визит стал первым после смерти И.В. Гёте. Поэт посетил в компании канцлера многие памятные места в Веймаре. Подробнее см.: Никонова Н.Е. Веймарский след В.А. Жуковского // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113). С. 157–183.

² Подразумевается путешествие Жуковского с наследником престола великим князем Александром Николаевичем по России в 1837 г.

³ Одной из двух посланниц выступила, скорее всего, Е.Ф. Чевкина (см. следующее письмо Жуковского). Вторую даму идентифицировать не удалось.

⁴ Столетие Геттингенского университета, долгие годы сохранявшего лидирующую позицию в Германии, праздновалось в 1837 г. А.И. Тургенев был его выпускником и поддерживал тесные контакты с профессорами университета, Ф. фон Мюллер был приглашен на торжество как государственный канцлер княжества.

⁵ Мария Маргарета Вильдермет (Цецилия Александровна, 1777–1839), гувернантка принцессы Прусской Шарлотты, в замужестве великой княгини Александры Федоровны, впоследствии императрицы. Подробнее о ее контактах с Жуковским см.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. СПб., 2015. С. 145–167.

⁶ Речь идет, вероятнее всего, о портрете Гёте 1828 г. работы Йозефа Карла Штилера (1781–1858), придворного художника в Мюнхене.

⁷ Неточная цитата из стихотворения Маттиаса Клаудиуса (1740–1815) «Der Säemann» (здесь – в нашем переводе. – *Н.Н.*). Сюжет произведения связан с трагической символикой, в образе орла изображается бессмертие человеческого духа. Стихотворение было одним из популярных масонских гимнов, так что его включение в послание Жуковскому не случайно. В личной библиотеке русского поэта издания М. Клаудиуса представлены в виде пяти томов из восьмитомного «Собрания сочинений», вышедшего в 1790–1812 гг. (Описание. С. 123).

⁸ Иоганн Дидерих Грис (1776–1842), поэт и переводчик, в письме о нем идет речь как об авторе переводов «Rasender Roland» Л. Ариосто (Йена, 1804–1809), «Verliebter Roland» М. Боярдо (1837), «Befreites Jerusalem» Т. Татто (1800–1803).

⁹ «Goethe's poetische und prosaische Werke in zwei Bänden. J.G. Cotta, 1836–1837», с предисловием И.П. Эккермана. В личной библиотеке Жуковского сохранилось другое подготовленное Эккерманом издание этих лет, посвященное воспоминаниям о Гёте: «Gesprache mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 1823–1832. Von Johann Peter Eckermann. Theile 1–2. Leipzig, 1836–1837.

¹⁰ Иоганн Георг фон Котт (Котта) (1796–1863), немецкий издатель и книготорговец.

¹¹ Вышло лишь одно из упомянутых изданий – переписка Гёте 1774–1832 г. с Карлом Людвигом фон Кнебелем (1744–1834) (в 1851 г. в Лейпциге); переписка с Карлом Фридрихом Рейнхардом (1761–1837) была издана с предисловием канцлера Мюллера значительно позже.

¹² Известны не менее трех сочинений Мюллера о жизни и творчестве Гёте: Goethe in seiner pract. Wirksamkeit, Eine Vorlesung in d. Academie gemeinnützigter Wiss. zu Erfurt am 12. September 1832; Goethe in seiner eth. Eigenthümlichkeit, Zweiter Btr. zu seiner Charakteristik, 1832; Goethes Persönlichkeit, Drei Reden d. Kanzlers F. v. M. – gehalten in d. J. 1830 u. 1832, hrsg. u. eingel. v. W. Bode, 1901; Goethes Unterhaltungen mit d. Kanzler F. v. M., 1870, 1904. В личной библиотеке Жуковского с дарственной подписью автора хранятся экземпляры двух брошюр канцлера.

¹³ Каролина Луиза Саксен-Веймар-Эйзенахская (1786–1816), принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская, в замужестве наследная великая герцогиня Мекленбург-Шверинская.

10

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 53–54)

Автограф: GSA 68/444. Bl. 11–11 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 23 мая / 3 июня 1838 г.

¹ Екатерина Фоминична Чевкина (урожд. Томатис, 1799–1879), фрейлина, жена Константина Владимировича Чевкина (1802–1875), государственного и военного деятеля.

² Письмо Ф. фон Мюллера от 2/14 октября 1837 г. с упоминаемыми в нем приложениями.

³ Возвращение из путешествия с наследником престола великим князем Александром Николаевичем по России в ноябре 1837 г.

⁴ В Веймар Жуковский добрался 25 августа / 6 сентября 1838 г. после завершения вояжа с наследником престола в Швецию (ПССиП. Т. 14. С. 115).

⁵ Стихотворное переложение повести Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843), вышедшее в свет в 1837 г. Подробнее см.: ПССиП. Т. 4. С. 471–490. Комментарий Н.Ж. Вётшевой.

⁶ «Ундина» была напечатана с гравированным Николаем Ивановичем Уткиным (1780–1863) рисунком Герарда фон Рейтерна (1794–1865), изображающим Жуковского на фоне Женевского озера, и с двадцатью гравированными рисунками – иллюстрациями Людвиг фон Майделя (1795–1846). Здесь, видимо, Жуковский имел в виду именно последнего.

⁷ Вероятно, здесь речь идет о встрече 19/31 мая 1838 г. с великой княгиней Марией Павловной и принцем Фридрихом Вильгельмом (ПССиП. Т. 14. С. 86).

11

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 54–55)

Автограф: GSA 68/444. Bl. 62. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: 26 августа / 7 сентября 1838 г.

Адрес: «A Monsieur le Chancelier de Müller»*. (л. 63 об.)

Датируется по дневниковой записи Жуковского на следующий день после его приезда в Веймар от 26 августа / 7 сентября 1838 г.: «Поездка в Бельведер для представления государю и великой княгине» (ПССиП. Т. 14. С. 115).

¹ Карл Эмиль фон Шпигель унд цу Пикельхейм (1783–1849), барон, немецкий государственный деятель, обер-гофмаршал саксен-кобургского двора.

² «Erbprinzz» (полное название: «Gasthof Zum Erbprinzen») («Гостиница наследного герцога») – гостиница в Веймаре, основанная в 1747 г. и снесенная в 1989–1990-х гг., знаменитая тем, что в ней останавливались, иногда надолго, многие деятели науки, культуры и искусства из Германии и других европейских стран. Была памятником культурного наследия.

* Господину канцлеру фон Мюллеру (фр.).

12

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 55–56)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28167. Л. 1.

Публикуется впервые.

Датируется: 29 августа / 10 сентября 1838 г.

¹ Точно установить автора статей не представляется возможным. В немецкой прессе второй половины 1830-х гг. царило прорусское направление, определяемое прусскими консерваторами. Эти тенденции сменились на противоположные лишь спустя десятилетие, тогда в политическую полемику включился и сам Жуковский (ПССиП. Т. 11/1. С. 404–431).

² См. запись Жуковского в дневнике от 29 августа / 10 сентября 1838 г.: «Обедал у Миллера» (ПССиП. Т. 14. С. 115).

³ В дневнике Жуковского не упоминается посещение театра 28 августа / 9 сентября 1838 г.

⁴ Фридрих Теодор Давид Кройтер (1790–1856), государственный советник, библиотекарь, секретарь Гёте. В дневнике Жуковского имеется запись от 28 августа / 9 сентября 1838 г.: «В доме Гёте. <...> Разговор с Экерманом и Крейтером» (ПССиП. Т. 14. С. 115). О повторном посещении дома Гёте на следующий день и о встрече с Кройтером в дневнике не упоминается.

13

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 56)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 55. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: 31 августа / 12 сентября 1838 г.

Адрес: «A Monsieur le Chancelier de Müller»* (л. 56 об.).

Датируется по дневниковой записи Жуковского от 1/13 сентября 1838 г. о посещении великим князем Александром Николаевичем дома Гёте (ПССиП. Т. 14. С. 116). Соответственно, записка датируется предшествующим днем.

* Господину канцлеру фон Мюллеру (*фр.*).

14

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 56–57)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 57. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: 3/15 сентября 1838 г.

Датируется по пребыванию в Веймаре императрицы Александры Федоровны, дню, наиболее насыщенному визитами Жуковского к разным лицам, и упоминанию дорожных сборов перед отъездом из Веймара на следующий день (ПССиП. Т. 14. С. 116).

¹ Widerhall – отклик (*нем.*). Вероятно, название стихотворения Ф. фон Мюллера, возможно, положенного на музыку.

² Anklang – звучание (*нем.*). Вероятно, название стихотворения Ф. фон Мюллера, возможно, положенного на музыку.

³ Даниэль Георг фон Экендаль (1780–1857), шведско-немецкий писатель, историк. См. также письмо Ф. фон Мюллера от 14/26 сентября 1828 г.

15

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 57)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 48. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: 3/15 сентября 1838 г.

Адрес: «A Monsieur le Chancelier de Müller» (л. 48)*.

Датируется по упоминанию отъезда из Веймара 4/16 сентября 1838 г. (ПССиП. Т. 14. С. 116), соответственно, записка должна относиться к предшествующему дню.

¹ Вероятно, это стихотворения Ф. фон Мюллера для преподнесения императрице Александре Федоровне, о которых говорилось в записке Жуковского от того же дня.

* Господину канцлеру фон Мюллеру (*фр.*).

16

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 58)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 54. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: около 4/16 сентября 1838 г.

Адрес: «A Monsieur Le Chancelier de Müller»* (л. 54).

Датируется по сообщению в письме Ф. фон Мюллера от 14/26 сентября 1838 г., что Ф.Т.Д. Кройтер получил кольцо через два дня после отъезда Жуковского из Веймара, т.е. после 4/16 сентября 1838 г. Вероятнее всего, записка была отправлена накануне отъезда, поскольку до этого Жуковский мог передать подарок великого князя Александра Николаевича лично.

¹ Андрей Андреевич Шрёдер (1779–1858), дипломат, русский министр в Дрездене и при саксен-веймарском дворе.

17

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 58–60)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 11–12.

Публикуется впервые.

Датируется: 14/26 сентября 1838 г.

Адрес: «à Monsieur Monsieur la Conseiller d'Etat actuel Joukowski attaché à la Suite de S. A. I. le Grand Duc héritier de Russie, à München aux bons soins de l'ambassade de Russie»** (л. 12 об.). Штемпель: «Weimar. 27 Sep. 1838».

¹ Жуковский прибыл в Мюнхен 10/22 сентября 1838 г. О его поездке см.: ПССиП. Т. 14. С. 116–118.

* Господину канцлеру фон Мюллеру (*фр.*).

** Господину действительному статскому советнику Жуковскому в свите его императорского высочества наследного великого князя российского, в Мюнхене при посольстве России (*фр.*).

² См. записку Жуковского от 4/16 сентября 1838 г.

³ Людвиг Шорн (1793–1842), ученый, историк искусства, известный в культурной жизни Веймара. Вероятно, награды были вручены в благодарность за услуги по показу веймарских достопримечательностей.

⁴ См. записку Жуковского от 3/15 сентября 1838 г. Упомянутая книга – это, вероятно, изданная в Веймаре в 1828 г. «Geschichte des schwedischen Volks und Reichs» [«История шведского народа и государства»].

⁵ Генриетта фон Штейн цу Норд унд Остгейм (в замуж. фон Шорн; 1807–1869), фрейлина саксен-веймарского двора, писательница.

⁶ Расшифровать аббревиатуру, обозначающую какое-то лицо, к сожалению, не удалось.

⁷ Жемма фон Мюллер (ум. 1842), жена А. фон Мюллера.

⁸ “Demuth ist unser höchstes Ziel” – «Смирение есть наша наивысшая цель» (нем.). См. подробное объяснение этой сентенции в письме Жуковского от 4/16 ноября 1838 г.

⁹ Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854), философ; Лео фон Кленце (1784–1864), архитектор, художник и писатель; Петер Йозеф фон Корнелиус (1783–1867), художник и педагог. О контактах с ними Жуковского см.: ПССиП. Т. 14. Указатель имен.

¹⁰ Газтано Каттанео (1771–1841), нумизмат и поэт.

¹¹ Алессандро Франческо Томмазо Мандзони (1785–1873), писатель-романтик.

18

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 60–67)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 7–10 об.

Копия: GSA 68/444. Вл. 12–13 об. (центральная часть письма, рукой Ф. фон Мюллера).

Публикуется впервые.

Датируется: 4/16 ноября 1838 г.

¹ Вальхалла – зал славы выдающихся исторических личностей, принадлежащих к германской культуре, расположенный в 10 км от Регенсбурга и возведенный по замыслу Людвиг Баварского. Здание построено в стиле афинского Парфенона. На северном фризе находятся аллегорические изображения германских государств, а на южном – преимущественно батальные сцены. В скандинавской и немецкой мифологиях Вальхалла – место посмертного обитания павших в битве героев.

² Жуковский посетил Милан во время своего первого заграничного путешествия в конце июля – начале августа 1821 г., о чем свидетельствуют его дневниковые записи (ПССиП. Т. 13. С. 202, 207) .

³ Пинакотека Брера – одна из крупнейших картинных галерей Милана, включающая в себя 38 залов, посвященных произведениям искусства различных школ и эпох. Пинакотека Брера была названа так благодаря своему местоположению – располагается галерея в историческом квартале Брера, от итальянского слова «braida» или «brera», дословно переводимого как «земля, очищенная от деревьев».

⁴ Тесные творческие и дружеские связи А. Мандзони с представителями веймарского двора, в том числе с Ф. фон Мюллером, установились в конце 1810-х – начале 1820-х гг. благодаря посредничеству его друга Г. Каттанео, находившегося в переписке с великим герцогом Карлом Августом и Гёте. Последний испытывал особый интерес к творчеству А. Мандзони, см.: Blank H. Goethe und Manzoni – Weimar und Mailand. Heidelberg, 1988; Авeticsян В.А. Гёте и итальянская литература XIX в.: (В свете концепции мировой литературы) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 2. С. 32–42. Переписку А. Мандзони с Гёте, Мюллером, И.Ф.Г. Шлоссером и др. см.: Carteggi letterari. Milano, 2010. Т. 29/1. Alessandro Manzoni.

⁵ Паоло Фризиани (Фризинья) (1728–1784), итальянский астроном и физик.

⁶ Иоанн Каподистрия (Капо д'Истрия) (Иван Антонович, 1776–1831), государственный деятель, с 1827 г. президент Греции.

⁷ Адальберт фон Мюллер (1805–1850), веймарский тайный советник, сын канцлера Ф. фон Мюллера.

⁸ Роштейн и Зауэрхард, лица неустановленные.

⁹ Вероятнее всего, подразумевается письмо Жуковского к Л.К. Виельгорской от 4/16 ноября 1838 г. (РА. 1876. Кн. 1. № 4. С. 360).

19

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 67–70)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 13–16 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 285 (с небольшими сокращениями).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 11/23 февраля 1839 г.

¹ Имеется в виду Карл Фридрих, великий герцог княжества. Его поездка в Вену вместе с наследником Карлом Александром (1818–1891) совпала с посещением города Жуковским. Их встреча состоялась 19 февраля / 3 марта 1839 г. (ПССиП. Т. 14. С. 157).

² Георг Кристиан Август Кестнер (1777–1853), дипломат, художник и коллекционер произведений искусства. Жуковский познакомился с ним во время пребывания в Риме в 1833 г. и поддерживал дружеские контакты до конца жизни. Подробнее об этом см.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. С. 193–194.

³ Жуковский приехал в Рим 4/16 декабря 1838 г. и пробыл там до 1/13 февраля 1839 г. (ПССиП. Т. 14. С. 140–154). За это время он неоднократно встречался с Кестнером.

⁴ Юлия фон Эглоффштейн (1792–1869), графиня, художница. Подробнее о контактах Жуковского с графинями фон Эглоффштейн см.: Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.

⁵ В личной библиотеке Жуковского сохранилось издание 1820 г.

⁶ Имеется в виду книга Карла Лебрехта Иммермана (1796–1840): Immermann K. Münchhausen. Bd. 1. Düsseldorf, 1838.

⁷ Эрнст Бенъямин Соломон Раупах (1784–1852), писатель и драматург. В личной библиотеке Жуковского хранятся три его издания.

⁸ Подразумевается издание: Hoffmeister K. Schiller's Leben, Geistesentwicklung und Werke im Zusammenhang. Stuttgart, 1838.

⁹ Иоганн Фридрих Бальц (1760–1798), издатель из Тюбингена и основатель одноименного издательства в Штутгарте.

¹⁰ Памятник Ф. Шиллеру в Штутгарте был выполнен его другом и знакомцем Жуковского Б. Торвальдсеном и является одним из лучших скульптурных изображений поэта.

¹¹ Франц Грильпарцер (1791–1872), австрийский писатель, драматург.

¹² Фридрих Фердинанд фон Бейст (1809–1886), саксонский, австрийский и австро-венгерский государственный деятель и дипломат.

20

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 70–72)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 213. Л. 17–18 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 16/28 июня 1839 г.

¹ См. о маршруте Жуковского в ответном письме от 21 июля / 1 августа 1839 г.

² Фредо (*фр.*) – уменьшительное от Фридрих, канцлер имеет в виду себя.

21

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 72–74)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 14–15.

Публикуется впервые.

Датируется: 21 июля / 1 августа 1839 г.

¹ В дневнике Жуковского зафиксировано, что с 4/16 июня по 7/19 июня он провел во Франкфурте, записи от 7/19 июня и 8/20 июня рассказывают о пребывании в Виллинсгаузене, следующая дата (23 июня) относится уже ко времени прибытия в Петергоф (ПССиП. Т. 14. С. 178–179). Ройс (Реус) – княжество в центральной Германии.

² Это письмо Г. фон Штейн (в замуж. фон Шорн) не сохранилось в известных архивных материалах Жуковского.

22

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 74–77)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 18–19.

Публикуется впервые.

Датируется: 20 октября / 9 ноября 1839 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»* (л. 19 об.).

¹ *Zusammensein* – вместе (*нем.*).

² В этой поездке Жуковский пробыл с 17 августа по 17 октября 1839 г., см.: ПССиП. Т. 14. С. 181–188.

³ Письма Жуковского к графиням Эглоффштейн пока не обнаружены.

⁴ Строки из «Оды к радости» (*Ode an die Freude*) Ф. Шиллера:

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

Кто сберёг в житейской выюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге, –
Влейся в наше торжество!
(Перевод И. Миримского)

⁵ Это письмо в архиве поэта не сохранилось, неизвестны также и письма Жуковского к Г. фон Штейн (в замуж. фон Шорн).

⁶ Личность этого художника установить не удалось.

23

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 77–79)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 19–20.

Публикуется впервые.

Датируется: 6/18 апреля 1840 г.

¹ Жуковский пробыл в Веймаре 25–28 марта / 6–9 апреля 1840 г., см.: ПССиП. Т. 14. С. 196–197.

² Записка Генриетты фон Больё-Марконнэй, в первом браке Эглоффштейн, в архиве поэта не сохранилась.

³ Мария Николаевна (1819–1876), великая княжна, старшая дочь Николая I, 28 марта 1840 г. родила дочь Александру.

⁴ Ганс Христофор Эрнст Гагерн (1766–1852), немецкий государственный деятель, писатель.

⁵ Мария, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская (1808–1877), в браке принцесса Прусская.

24

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру (С. 79–81)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 22–23.

Публикуется впервые.

Датируется: 10/22 апреля 1840 г.

¹ Письмо Жуковского к Генриетте фон Больё-Марконнэй, в первом браке Эглоффштейн, пока не обнаружено.

² Речь идет о сватовстве великого князя Александра Николаевича к 16-летней невесте Марии Александровне (1824–1880), дочери великого герцога Людвига II Гессенского (1777–1848), именованной до принятия ею православия принцессой Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией Гессен-Дармштадтской. Переезд в Дармштадт и знакомство молодых людей состоялись 31 марта / 12 апреля 1840 г. (ПССиП. Т. 14. С. 197–198).

³ Император Николай I и императрица Александра Федоровна прибыли во Франкфурт только 4/16 июня 1840 г. (ПССиП. Т. 14. С. 210).

25

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 81–83)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 21–22.

Публикуется впервые.

Датируется: 14/26 мая 1840 г.

¹ Мария Гессен-Дармштадтская, невеста цесаревича.

² Жуковский совершил поездку в Баден 5/17 мая 1840 г. (ПССиП. Т. 14. С. 207).

³ Свидание Жуковского с А.И. Тургеневым состоялось только 8/20 сентября 1840 г. в Дюссельдорфе (ПССиП. Т. 14. С. 221).

⁴ Жуковский был крестным отцом внука канцлера Карла (р. 1839).

26

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру (С. 83–85)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 20–21. На л. 20 помета Ф. фон Мюллера: «Heidelberg 18 Juil 1840».

Публикуется впервые.

Датируется: 5/17 июля 1840 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»*
(л. 21 об.).

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

¹ Жуковский выехал из Эмса 3/15 июля 1840 г.

² Вертерн, лицо неустановленное.

³ Подразумевается подготовка помолвки Жуковского с дочерью Г. фон Рейтерна Елизаветой.

⁴ В Веймар Жуковский повторно приехал 17/29 октября 1840 г. и пробыл там до 19/31 октября (ПССиП. Т. 14. С. 226).

27

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 85–87)

Автограф: GSA 68/444. Bl. 24–25.

Публикуется впервые.

Датируется: 31 июля / 12 августа 1840 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar» (л. 25 об.)*.

¹ Речь идет о картине Ю. фон Эглоффштейн «Агарь и Измаил в пустыне». Подробнее см.: Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.

² Петр Яковлевич Убри (1774–1847), дипломат, посол, действительный тайный советник.

³ Город в Саксонии, где жила Ю. фон Эглоффштейн.

⁴ Императрица Александра Федоровна прибыла в Германию на помолвку великого князя Александра Николаевича и выехала из Франкфурта 28 июля / 9 августа 1840 г. (ПССиП. Т. 14. С. 215).

⁵ Жуковский вернулся в Петербург 1/13 ноября 1840 г. (ПССиП. Т. 14. С. 226).

⁶ См. примеч. 4 к письму Жуковского от 5/17 июля 1840 г.

⁷ Петер Александр фон Унгерн-Штернберг (1806–1868), русско-немецкий писатель, чиновник. Подробнее о его контактах с Жуковским см.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и Александр фон Унгерн-Штернберг: по материалам неопубликованных писем к поэту // Жуковский и другие. Томск, 2020. С. 86–102. Письма Жуковского к нему пока не обнаружены.

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

⁸ Йозеф фон Радовиц (1793–1853), прусский государственный деятель и публицист. О его дружбе с Жуковским см.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М., 2015. С. 237–266.

⁹ Жуковский выехал в Дюссельдорф для помолвки с Елизаветой фон Рейтерн в день написания данного письма.

28

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 87–89)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 23–24 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 8/20 августа 1840 г.

¹ Шарлотта фон Рейтерн (урожд. фон Шверцель, 1797–1854), жена Г. фон Рейтерна.

² Эдуард Гильдебрандт (1817–1868), немецкий художник. Речь идет о его картине «Портрет художника Е.Р. Рейтерна», написанной в 1838 г. и сохранившейся в Государственном Русском музее.

³ Роксана Скарлатовна Эдлинг (урожд. Стурдза; 1786–1844), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, близкая подруга графа Каподистрии.

⁴ Каролина фон Вольцоген (урожд. фон Ленгефельд; 1763–1847), немецкая писательница, автор романа «Агнесса фон Лилиен» (1798), сестра Шарлотты фон Ленгефельд, жены Фридриха Шиллера.

⁵ Мария, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская (1808–1877), в браке принцесса Прусская.

⁶ Эдвард Якоб фон Штейнле (1810–1886), исторический живописец; художник-романтик, представитель движения назарейцев.

29

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру (С. 90–92)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 16–17 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 17/29 августа 1840 г.

¹ Цитата из Библии «Ибо прах ты, и в прах возвратишься...» (Бытие, III, 19).

² Франц Зибель (1777–1842), художник.

³ К. Иммерман женился в 1839 г. на Вильгельмине Марианне Нимейер (1819–1886), дочери врача из Магдебурга.

⁴ Подразумевается письмо А.И. Тургеневу от 14/26 августа 1840 г. (РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. № 117. Л. 6–6 об.).

⁵ Почему Дюссельдорф должен быть так щедро одарен за наш счет? (нем.).

30

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 92–95)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 25–26 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 286 (в сокращении).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 27 августа / 8 сентября 1840 г.

¹ Свидание Жуковского с А.И. Тургеневым состоялось 8/20 сентября 1840 г. в Дюссельдорфе (ПССиП. Т. 14. С. 221).

31

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 95–97)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 27–28 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 286 (фрагмент).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 2/14 марта 1841 г.

¹ Карл Александр, будущий великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский, приехал в Петербург на свадьбу цесаревича.

² Александр фон Гумбольдт (1769–1859), немецкий естествоиспытатель и географ.

³ Герман Фердинанд Фрейлиграт (1810–1876), поэт, переводчик, представитель революционной поэзии 1848 г. В личной библиотеке Жуковского сохранилось собрание его стихотворений 1840 г. (Описание. № 1057).

⁴ Подразумевается книга: Karl Immerman. Blätter der Erinnerung an ihn. Stuttgart, 1842.

⁵ Свадьба великого князя Александра Николаевича и великой княгини Марии Александровны состоялась 16/28 апреля 1841 г.

⁶ Эмиль, принц Гессен-Дармштадтский (1790–1856).

⁷ Фридрих Фердинанд фон Бейст (1809–1886), саксонский, австрийский и австро-венгерский государственный деятель и дипломат.

32

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 97–99)

Автограф: GSA 68/444. В1. 26–27.

Публикуется впервые.

Датируется: 2/14 января 1842 г.

¹ Речь идет, очевидно, о картине «Die Poesie» (1838) Кристиана Кёлера (1809–1861), художника дюссельдорфской школы.

² Георг Якоб Фельзинг (1802–1883), немецкий гравёр на меди, автор гравюры с картины К. Кёлера «Поэзия».

³ Эрнст Дегер (1809–1885), немецкий художник. К сожалению, установить, о какой его картине идет речь, не удалось.

33

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 100–103)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 29–30 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 286 (фрагмент).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 23 февраля / 7 марта 1842 г.

¹ Людвиг фон Шорн умер 5/17 февраля 1842 г.

² Карл Александр Август Иоганн Саксен-Веймар-Эйзенахский (1818–1901) был помолвлен с Вильгельминой Марией Софией Луизой Нидерландской (1824–1897), дочерью нидерландского короля Виллема II (1792–1849) и великой княгини Анны Павловны (1795–1865). Их свадьба состоялась 27 сентября / 8 октября 1842 г.

³ Судя по дневниковым записям Жуковского, он мог быть в Эйзенахе в сентябре 1841 г., из поездки он вернулся 25 сентября / 5 октября (ПССиП. Т. 14. С. 261). См. также следующее письмо Жуковского от 29 марта / 9 апреля 1842 г.

⁴ Филипп Отто Рунге (1777–1810), немецкий художник-романтик. Его труды об искусстве и переписка с Брентано, Арнимом, Гёте и Тиком вышли в свет в 1840–1841 гг.

⁵ Г.Ф. Фрейлиграт, немецкий поэт, переводчик; выдающийся представитель революционной поэзии 1848 г. С 1842 г. он стал получать (об этом хлопотал Александр фон Гумбольдт) пенсию от прусского короля, будучи противником всякой партийности; стихотворение «Aus Spanien» (1841) заканчивается знаменитым стихом «Der Dichter steht auf einer höhern Warte, als auf den Zinnen der Partei» [«Поэт стоит выше, чем на бойницах партии»]. Но через два года он отказался от пенсии и всецело примкнул к демократической партии. В личной библиотеке Жуковского сохранилось именно то издание, о котором пишет канцлер Мюллер (Описание. № 1057. С. 158), хотя поэт прохладно относился к революционной поэзии немецких авторов 1840-х гг. (см. об этом: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – читатель немецкой поэзии 1840-х гг.: сборник Георга Гервега «Стихи живого человека» (1841) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 2. С. 59–78).

⁶ Роберт Эдуард Прутц (1816–1872), поэт, драматург и историк литературы, редактор, профессор Университета Галле, его стихи политической направленности пользовались большой популярностью. Упомянутое издание – книга «Der Göttinger Dichterbund: Zur Geschichte der deutschen Literatur» («Геттингенская школа поэтов: к истории немецкой литературы», 1841). В личной библиотеке Жуковского его произведения отсутствуют.

⁷ Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835), немецкий филолог, философ, государственный деятель. Подразумеваются его «Gesammelte Werke» (Berlin, 1841. Bd. 1–3). В личной библиотеке Жуковского это издание отсутствует.

⁸ Григорий Иванович Вилламов (1773–1842), статс-секретарь императрицы Марии Федоровны, впоследствии Александры Федоровны, литератор.

34

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 103–107)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 28–29.

Публикуется впервые.

Датируется: 29 марта / 9 апреля 1842 г.

35

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 107–110)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 33–34 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 287 (фрагмент).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 13/25 апреля 1842 г.

¹ Подразумевается некрологическая статья Ф. фон Мюллера: Nekrolog für Ludwig von Schorn // Neue Jenaische allgemeine Literatur-Zeitung. 1842. № 126 (27 мая). S. 521–525.

² Жизнь есть прекрасная картина, основу которой составляет страдание! (*фр.*). Видоизмененная цитата из письма Жуковского от 29 марта / 9 апреля 1842 г.

³ А.И. Тургенев до мая 1842 г. оставался во Франции, а затем в июне приехал в Германию.

36

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 110–112)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 31–32 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 9/21 июня 1842 г.

¹ Аполлоний Петрович Мальтиц (Фридрих Аполлоний, 1795–1870), барон, дипломат, переводчик, поэт, секретарь русской миссии в Мюнхене.

² Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873), поэт, дипломат, консервативный публицист.

³ Мария, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская, в браке принцесса Прусская, дочь Марии Павловны.

⁴ Жуковский 31 мая 1842 г. получил прусский орден Pourle Mérite (Pourle Mérite für Wissenschaften und Künste; За заслуги в науке и искусстве), который даровался за достижения в искусствах и науках.

⁵ Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург (1773–1859), князь, австрийский государственный деятель, канцлер, был удостоен ордена Pourle Mérite в 1842 г.

⁶ Доминик Франсуа Жан Араго (1786–1853), французский астроном, физик и политик, был удостоен ордена Pourle Mérite в 1842 г.

37

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 112–114)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 35–36.

Публикуется впервые.

Датируется: 19/31 июля 1842 г.

Адрес: «Seiner Excellenz dem Herrn Geheimrat Joukowski, Großkreuz hoher Orden, zu Düsseldorf»* (л. 36 об.). Штемпель: «Weimar. 31 Jul 1842».

¹ Весь смысл моей жизни в том, // чтобы оплакивать потерю ее! (нем.) Дневниковая запись И.В. Гёте, сделанная им в день кончины его супруги (Johann Wolfgang von Goethe: Berliner Ausgabe. Poetische Werke [Band 1–16]. Berlin, 1960 ff. Band 1. S. 752–753).

38

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 115–117)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 30–31.

Копия: РО ИРЛИ. № 27749. Л. 1–2 об.

* Его превосходительству господину тайному советнику Жуковскому, кавалеру высоких наград, в Дюссельдорф (нем.)

Публикуется впервые.

Датируется: 23 июля / 4 августа 1842 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»*
(л. 31 об.).

39

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 117–119)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 32–32 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 2/14 ноября 1842 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»**
(л. 33 об.).

¹ Дочь Александра родилась 30 октября / 11 ноября 1842 г.

² Иоанн Михайлович Певницкий (1798–1863), священник русской православной церкви в Штутгарте с 1823 по 1852 г.

40

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 119–122)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 37–38 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 287 (фрагмент).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 10/22 ноября 1842 г.

¹ Письма А.П. Мальтица сохранились в архиве Жуковского (РО ИРЛИ. № 28130), к этому времени может относиться одно из них, недатированное (л. 73–74).

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

** Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (*фр.*).

² Парафраз слов из кантаты на коронацию чешского композитора Леопольда Кожелуха (1747–1818) «Heil dem Monarchen» («Слава монарху», 1791).

³ Свадьба Карла Александра Августа Иоганна Саксен-Веймар-Эйзенахского с Вильгельминой Марией Софией Луизой Нидерландской, которая состоялась 27 сентября / 8 октября 1842 г.

41

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 122–123)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28167. Л. 2. На л. 3 об. арифметические подсчеты Жуковского.

Публикуется впервые.

Датируется: 23 июня / 5 июля 1843 г.

Адрес: «An Seine Excellenz den Herrn Geheimrat Joukowski, Großkreuz hoher Orden»* (л. 3 об.). Штемпель: «Weimar. 5 jul 1843».

¹ Фридрих Леберехт Липман (Федор Иванович; 1784–1854), немецкий историк, статистик, профессор Берлинского университета, читавший наследнику курс всеобщей истории, после окончания курса вернулся в Германию.

² Семья Жуковских с конца мая до конца августа 1843 г. находилась во Франкфурте, периодически выезжая на окрестные курорты (ПССиП. Т. 14. С. 271–273).

42

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру (С. 123)

Автограф: GSA 68/444. Bl. 34.

Публикуется впервые.

Датируется: 2/14 июля 1843 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»** (л. 35 об.).

* Его превосходительству господину тайному советнику Жуковскому, кавалеру высоких наград, в Дюссельдорф (нем.).

** Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (фр.).

¹ Семья Жуковских приехала в Швальбах 3/15 июля и вернулась в Дюссельдорф 24 июля / 5 августа 1843 г. (ПССиП. Т. 14. С. 273).

43

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 124–125)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28167. Л. 4.

Публикуется впервые.

Датируется: 18/30 июля 1843 г.

Адрес: «Seiner Excellenz dem kaiserlich russischen wirklichen Staatsrat Joukowski, Großkreuz hoher Orden, zu Schwalbach»* (л. 5 об.).

44

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 125)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 36.

Публикуется впервые.

Датируется: 23 июля / 4 августа 1843 г.

45

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 126–127)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 39–40.

Публикуется впервые.

Датируется: 22 сентября / 4 октября 1844 г.

Адрес: «à Monsieur Monsieur la Conseiller d'Etat actuel Joukowski à Sachsenhausen»** (л. 40 об.).

* Его превосходительству российскому императорскому статскому советнику Жуковскому, кавалеру высоких наград, в Швальбах (нем.).

** Господину действительному статскому советнику Жуковскому, в Саксенхаузен (фр.).

¹ Фридрих Мартерштейг (1814–1899), художник, преподаватель живописи, автор исторических и жанровых полотен.

² А.И. Тургенев провел в доме Жуковских во Франкфурте конец августа – половину сентября 1844 г. и затем отправился в Париж.

46

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 127–129)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 41–42 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 5/17 января 1845 г.

¹ Сын Жуковского Павел родился 1/13 января 1845 г.

² В течение 1844 г. А.И. Тургенев страдал от тяжелой болезни и лечился водами в Германии.

³ Подразумевается работа Жуковского над переводом «Одиссеи» Гомера, продолжавшаяся с января 1842 г. Первые 12 песней поэт закончил переводить как раз накануне рождения сына – 19/31 декабря 1844 г. Затем к переводу он вернулся только в 1848 г.

47

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 129–131)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 38–39 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 9/21 января 1845 г.

¹ В библиотеке Жуковского сохранились два издания «Одиссеи» на греческом языке: *Homer's Odyssee. [In graece]. Abth. 1–4.* Wien, 1827–1828; *Homeri Odyssea. [In graece]. Heft 1–6.* Hannover, 1837–1842 (Описание. № 1313–1314). Здесь, по-видимому, речь идет о втором.

48

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 131–133)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 43–44.

Публикуется впервые.

Датируется: 20 ноября / 2 декабря 1845 г.

Адрес: «An Seine Excellenz Herrn russischen Geheimrat Joukowski, Großkreuz hoher Orden, zu Sachsenhausen»* (л. 44 об.).

¹ К сожалению, установить личность фон Гросс не удалось.

² Вероятно, потомки Каролины фон Гюндероде (1708–1806), немецкой поэтессы.

³ Подразумевается письмо Жуковского А. фон Мальтицу от 26 октября / 7 ноября 1845 г. (РБ. 1912. № 7/8. С. 7–9).

⁴ Перевод второй половины «Одиссеи» Жуковский смог продолжить только в 1848 г.

⁵ После лечения в Париже и в Германии в августе 1845 г. А.И. Тургенев вернулся в Москву.

⁶ Подразумевается издание: Gedenklblätter an Goethe. Mit 9 Abbildd. nebst einem Facsimile d. Handschrift Goethe's. Frankfurt a. M. : Kessler, 1846. [Воспоминания о Гёте. С 9 гравюрами-факсимиле рукописей Гёте. Франкфурт-на-Майне : Кесслер, 1846].

49

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 133–135)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 44–45.

Публикуется впервые.

Датируется: 21 декабря 1845 г. / 2 января 1846 г.

¹ Иоганн Генрих Копп (1777–1858), немецкий врач, практиковавший в Ганау, автор трудов по медицине, член-корреспондент Петербургской медико-хирургической академии.

50

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 136–138)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 45–46 об.

* Его превосходительству господину российскому тайному советнику Жуковскому, кавалеру высоких наград, в Заксенхаузен (нем.)

Публикуется впервые.

Датируется: 29 декабря 1845 г. / 10 января 1846 г.

¹ что он умер на своем щите (*фр.*). Цитата из предыдущего письма Жуковского.

² Вероятно, описка Ф. фон Мюллера, нужно «Одиссея». План перевода «Илиады» созрел у Жуковского только к 1848 г.

³ Архив А.И. Тургенева Жуковский и Н.И. Тургенев поручили на хранение и разбор Дмитрию Николаевичу Свербееву (1799–1874), дипломату, мемуаристу, давнему другу семьи Тургеневых. Упомянутая Мюллером двоюродная сестра братьев Тургеневых Александра Ильинична Нефедьева (1782–1845) к тому моменту уже ушла из жизни.

⁴ Чтения мемуаров проходили в салоне мадам Жюльет Рекамье (1777–1849), которая подарила А.И. Тургеневу свой портрет и выдержки из мемуаров Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848; см.: Siegel. С. 27). Речь идет о «Mémoires d'Outre-Tombe» («Замогильных записках»), чтение отрывков из которых было популярным занятием в европейских салонах во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг.

⁵ Дословно: «Всеобщая газета», была одной из центральных ежедневных периодических изданий в Германии, некролог Мюллера вышел в № 157 газеты от 6 июня 1846 г. (S. 1249–1250).

51

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 138–142)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 40–41 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 5/17 января 1846 г.

¹ Отдельное издание некрологической статьи Михаила Петровича Погодина (1800–1875) «В память об Александре Ивановиче Тургеневе» (М., 1845), первоначально напечатанной в газете «Московские ведомости» (1845. № 148).

² Август Людвиг Шлёцер (1735–1809), немецкий и российский историк, публицист и статистик.

³ Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813), литератор, профессор русской словесности Дерптского университета.

⁴ Николай Николаевич Новосильцев (1761–1838), государственный деятель, полномочный делегат при совете Царства Польского и попечитель Виленского учебного корпуса.

⁵ Александр Николаевич Голицын (1773–1844), князь, обер-прокурор Синода, министр просвещения в 1816–1824 гг.

⁶ Генри Брум (1778–1868), барон, английский государственный деятель и писатель; Генри Ландсдаун (1780–1863), маркиз, английский лорд, политический деятель, президент Совета министров; Вальтер Скотт (1771–1832), английский писатель; Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874), французский историк и политический деятель; Август Иоганн Вильгельм Неандер (1789–1850), германский протестантский богослов и церковный историк, преподаватель, духовный и научный писатель; Фридрих Август Готтре Толук (1799–1877), германский протестантский богослов, преподаватель Университета в Галле.

⁷ Мария фон Радовиц (1831–1846), дочь Й. фон Радовица.

⁸ Граф Адольф де Сиркур (1801–1879), французский ученый и публицист, поместил свой некролог А.И. Тургеневу в газете «Le Semeur» (1846. 14 января).

52

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 142–143)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 47–48. На л. 48 об. записи Жуковского в столбец – фамилии участников «Арзамаса»: «Тургенев. Пушкин. Муравьев. Орлов. Уваров. Кавелин. Жихарев. Батюшков. Дашков. Блудов. Вигель. Н. Тургенев. Плещеев. Воейков. Жуковский. Пушкин. Вяземский. Полетика. Северин».

Публикуется впервые.

Датируется: 26 апреля / 8 мая 1846 г.

¹ Речь идет, вероятнее всего, об издании биографии и переписки И.Г. Гердера, выпущенном его сыном Эмилем (Herder's Lebensbild, Bd. 3.1, Blasing, Erlangen, 1846. Heraus gegeben von seinem Sohne Dr. Emil Gottfried von Herder).

53

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 143–147)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 42–43 об.

Впервые опубликовано: Петухов Е.В. Письма В.А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905. С. 343 (на франц., фрагмент: «*Cher et respectable ami! – qu'il n'y avait pas de travaux*»).

Републикация: Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 69 (рус. перевод, фрагменты: «Буффонада явилась – внезапной смертью», «Арзамас не оставил – трудов не было»).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 30 апреля / 12 мая 1846 г.

¹ Сергей Иванович Тургенев (1792–1827), дипломат, младший брат Александра и Николая Тургеневых.

² *Berichtigungen* – исправления (нем.).

³ Далее следует нечитаемая фраза, от которой из-за порчи края листа остались только верхние части букв.

54

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 147–150)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 49–50 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 3/15 мая 1846 г.

¹ Андрей Андреевич Шрёдер (1779–1858), дипломат, русский министр в Дрездене и при саксен-веймарском дворе.

² Фридрих Вильгельм Ример (1774–1845), немецкий филолог, секретарь Гёте и издатель его сочинений. Заметка о готовящихся к изданию новых письмах Гёте вышла в приложении к «Альгемейне Цайтунг» № 85 от 26 марта 1846 г.

³ Густав Адольф Шёлль (1805–1882), археолог, библиотекарь, историк литературы, издатель наследия Гёте. Речь идет об издании: «Briefe und Aufsätze von Goethe aus den Jahren 1766 bis 1786» (1846).

⁴ Издание этого произведения вышло в 1851 г. (Müller F. Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806–1813. Braunschweig, 1851. 310 S.).

⁵ См. примеч. 4 к письму Ф. фон Мюллера от 29 декабря 1845 г. / 10 января 1846 г.

55

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 150–151)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 51–51 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 31 мая / 12 июня 1846 г.

¹ Некролог Ф. фон Мюллера вышел в № 157 газеты от 6 июня 1846 г. (S. 1249–1250).

² См. примеч. 4 к письму Ф. фон Мюллера от 29 декабря 1845 г. / 10 января 1846 г.

56

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру (С. 151–153)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 60–61. Б. д.

Впервые опубликовано: Петухов Е.В. Письма В.А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905. С. 343 (на фр., фрагмент: «cette société dont personne – Voici toute sa biographie»).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 2/14 июня 1846 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur le Chancelier de Müller à Weimar»* (л. 61 об.). Штемпель: «Francfort. 14 juin 1846».

Датируется по штемпелю.

¹ Н.И. Тургеневу.

* Господину канцлеру фон Мюллеру в Веймар (фр.).

57

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 153–155)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 58–59. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: вторая половина июня 1846 г.

Датируется не ранее письма Жуковского от 2/14 июня 1846 г. и не позже упоминаемого в письме отъезда в Швальбах в июле 1846 г.

¹ Свершилось! (*лат.*) – слова Христа перед смертью: «Когда же Иисус вкусил укуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Евангелие от Иоанна 19:30, синодальный перевод).

58

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 155–156)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 52–53.

Публикуется впервые.

Датируется: 6/18 декабря 1846 г.

Адрес: «Seiner Excellenz dem Herrn Geheimrat von Joukowski, Großkreuz hoher Orden, zu Sachsenhausen bei Düsseldorf»* (л. 53 об.). Штемпель: «Weimar. 18/12 1846».

¹ После состоявшейся в Петергофе 1/13 июля 1846 г. свадьбы великой княжны Ольги Николаевны с Карлом Фридрихом Александром (1823–1891), принцем Вюртембергским, она отправилась к мужу в Штутгарт, куда прибыла 12/24 сентября 1846 г. Подробнее см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества». Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 356–362.

² К сожалению, установить, о какой из трех внучек великой княгини Марии Павловны идет речь, не удалось: Луиза Мария Елизавета Прусская (1838–1923), дочь Августы Марии Луизы Катерины Саксен-Веймар-

* Его превосходительству господину тайному советнику Жуковскому, кавалеру высоких наград, в Заксенхаузен под Дюссельдорфом (*нем.*).

Эйзенахской (1811–1890); Мария Анна Прусская (1836–1918), дочь Марии Луизы Александрины Саксен-Веймар-Эйзенахской (1808–1877); Мария Луиза Анна Прусская (1829–1901), дочь Марии Луизы Александрины Саксен-Веймар-Эйзенахской (1808–1877).

59

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 157–159)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 46–47 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 15/27 декабря 1846 г.

¹ Карл Фридрих, великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский.

² Шарлотта Генриетта Гюндероде (р. 1788), жена франкфуртского юриста и политика Ф.К.Г.В. фон Гюндероде.

³ Карл Кристиан Фридрих Вильгельм фон Фрич (1804–1892), посол Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского в парламенте во Франкфурте-на Майне.

60

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 160–162)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 54–54 об. Чужим почерком с собственноручной подписью.

Публикуется впервые.

Датируется: 30 декабря 1846 г. / 10 января 1847 г.

61

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 162–163)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 49–49 об. Б.д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец февраля 1847 г.

Датируется по упоминанию о наступающей весне и сообщению о горе семьи Рейтернов-Жуковских – смерти дочери Марии (Мии)

10/22 февраля 1847 г., а также по ответному письму Ф. фон Мюллера от 24 февраля / 8 марта 1847 г.

¹ Это приложение к письму не сохранилось.

62

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 163–164)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 55–55 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 24 февраля / 8 марта 1847 г.

63

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому
(С. 164–165)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 56. Чужим почерком с подлинной подписью и последней фразой.
Публикуется впервые.
Датируется: 25 марта / 6 апреля 1847 г.

¹ Вероятно, поездка в Гаагу к сестре великой княгине Анне Павловне была обусловлена известиями о болезни ее сына Виллема Александра Фредерика Константина Николая Михаила (Александр Оранско-Нассауский; 1818–1848). Он умер от туберкулеза 20 февраля 1848 г.

64

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру
(С. 165–167)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 63–64 об. Б.д.
Копия: РО ИРЛИ. № 27749. Л. 2–2 об.
Публикуется впервые.
Печатается по автографу.
Датируется: начало июня 1848 г.

Датируется по ответному письму А. фон Мюллера от 31 мая / 12 июня 1848 г.

¹ Революционные события в Германии в 1848 г.

² Елизавета Жуковская отправилась в Эмс на лечение в начале мая 1848 г., в первых числах июня к ней присоединился Жуковский.

³ Гипсовый слепок с бронзового медальона с портретом Жуковского. Бронзовый медальон Жуковский отправил в подарок великой герцогине Марии Павловне в январе 1848 г.

65

А. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 167–169)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 61–62 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 31 мая / 12 июня 1848 г.

¹ Герцогиня Элен Мекленбург-Шверинская (1814–1858), с 1837 г. супруга принца Фердинанда Филиппа Орлеанского (1810–1842). В ходе революции 1848 г. вынуждена была уехать из Франции и вернуться на родину в Германию.

66

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому (С. 170–172)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 57–58 об.

Впервые опубликовано: Schorn A., von. Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 120. S. 287 (фрагмент).

Печатается по автографу впервые полностью.

Датируется: 31 июля / 12 августа 1848 г.

¹ Статья «Две сцены из Фауста», перевод которой на немецкий язык активно обсуждали Жуковский и А.П. Мальтиц в эпистолярном общении 1848 г.

² Фридрих Август Мориц Ретч (1779–1857), немецкий живописец и гравер. Приобрел известность иллюстрациями к «Фаусту» Гёте и «Песне о ко-

локоле» Шиллера. Петер фон Корнелиус (1783–1867), один из любимых художников Жуковского, представитель группы «назарейцев».

67

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

(С. 172–174)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 50–51 об. Б.г.

Публикуется впервые.

Датируется: 8/20 октября 1848 г.

Год устанавливается по публикации статьи Жуковского, см. примеч.

¹ Франсуа Доминик Монлозье, граф де (1755–1838), французский политический деятель и писатель. Видоизмененная цитата взята из его книги «De la Monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours» [«О французской монархии со времен ее основания до наших дней»]. Paris, 1814. Т. 2. Р. 151. Книга Монлозье в издании 1814 и дополненных вариантах 1817, 1821 и 1824 гг. сохранилась в личной библиотеке Жуковского (Описание. № 1673–1677).

² Речь идет о статье «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку» с рассказом об отречении великого князя Константина Павловича от престола в пользу брата, будущего императора Николая I. Статья была опубликована: Beilage zu № 52 der Neuen Preussischen Zeitung. Mittwoch, den 30. August 1848. S. 1–2 [Приложение к Новой прусской газете. № 52. Среда, 30 августа 1848 г. С. 1–2].

68

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

(С. 174–177)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214. Л. 59–60 об. Ручкой сына А. фон Мюллера с собственноручной подписью. На л. 59 карандашные записи Жуковского с расчетами расходов на текущие дела.

Публикуется впервые.

Датируется: 13/25 ноября 1848 г.

69

В.А. Жуковский – неустановленному лицу (Г.А. Шёллю?)
(С. 177–178)

Автограф: GSA 68/444. Вл. 52–53. Б.г. Написано карандашом «слепым» почерком с помощью специальной машинки.

Публикуется впервые.

Датируется: 11/23 ноября 1851 г.

Год устанавливается по болезни глаз Жуковского.

Поскольку сын канцлера А. фон Мюллер умер в 1850 г., письмо не могло быть адресовано ему и попало в бумаги его отца, вероятно, по связи с биографией последнего. Возможный адресат письма – Густав Адольф Шёлль, который подготовил посмертное издание книги Ф. фон Мюллера, см. примеч. 1 далее. Ср. примеч. 3 к письму Ф. фон Мюллера от 3/15 мая 1846 г.

¹ Вероятно, это издание мемуаров Ф. фон Мюллера: *Erinnrungen aus den Kriegszeiten von 1806–1813. Von Friedrich von Muller. Braunschweig, 1851*. Книга сохранилась в личной библиотеке Жуковского (Описание. № 1700).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

РГА.ЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

GSA – Goethe- und Schiller-Archiv / Архив Гёте и Шиллера (Веймар, Германия)

ThHStAW – Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar / Тюрингский главный государственный архив в Веймаре (Германия)

Учреждения

ОРЯС – Отделение русского языка и словесности

Печатные источники

ЛН – Литературное наследство

Описание – Библиотека В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981.

ПССиП – Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1–16. М. : Языки славянской культуры, 1999–2019.

РА – Русский архив

РБ – Русский библиофил

РС – Русская старина

Siegel – Siegel Holger. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845. Böhlau Verlag Köln/Weimar/Wien, 2019.

Обозначения

Б. г. – Без года

Б. д. – Без даты

Н. ст. – Новый стиль

С. ст. – Старый стиль

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.А. ЖУКОВСКОГО

An Ihre Kaiserliche Hoheit der Frau
Großfürstin Alexandra Feodorowna.
Moskau im April 1818 *184*

Dem guten großen Manne 6, 13, 50,
52

Gefühle am Sarge Ihrer Kaiserlichen
Majestät der Kaiserin Maria Feodo-
rowna 48, *189*

Арзамасские протоколы 144, 146,
151, 152

«Боже, Царя храни!» 16, 17

Видение 45, 46, 48, *189, 190*
Воспоминание 16

Государыне великой княгине Алек-
сандре Федоровне на рождение в.
кн. Александра Николаевича 31, 33,
38, 40, 41, 43–46, *184*

Две сцены из Фауста 170, 171, 223

Илиада (перевод) 136, 138, *216*

К Гёте 6, 10, 13, 31, 33, *184*
К портрету Гёте 6, 9

О происшестввиях 1848 года. Письмо
к графу Ш-ку 173, 174, *224*
Одиссея (перевод) 128–133, 135,
136, 138, 142, 143, 145, 147, 148,
149, 153, 154, *214–216*

Песня («Где фиалка, мой цветок»)
11

Собиратель (журнал) 11, *185*
Странствующий жид 15

Теон и Эсхин 21
«То место, где был добрый, свято!»
11, *185*

У гроба Государыни Императрицы
Марии Федоровны 19, 44–46, 48,
189, 190

Ундина 53, 54, 84, 85, 88, 89

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Августа Мария Луиза Катерина Саксен-Веймар-Эйзенахская (1811–1890), дочь великой герцогини Марии Павловны 40, 42, 188, 220, 221
- Аветисян В.А. 199
- Айзикова И.А. 27
- Александр Николаевич (1818–1881), старший сын Николая I, великий князь, с 1855 г. российский император Александр II 9, 20, 44, 49, 51, 56, 58, 70, 71, 75, 76, 79–82, 95, 97, 184, 192–195, 197, 203, 204, 206, 207, 212, 227
- Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. 37, 39, 40, 42, 139, 141, 188
- Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798–1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, с 1817 г. жена великого князя Николая I, российская императрица с 1825 г. 56, 57, 75, 76, 80, 86, 184, 192, 196, 203, 204, 208, 227
- Александрина см. Жуковская А.В.
- Алопеус Давыд Максимович (1769–1831), граф, дипломат, русский посланник при берлинском дворе 184
- Анна Амалия Брауншвейг-Вольфен-бюттельская (1739–1807), герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская 4
- Анна Павловна (1795–1865), великая княгиня, королева Нидерландов 208, 222
- Араго Доминик Франсуа Жан (1786–1853), французский астроном, физик и политик 111, 112, 210
- Ариосто Лудовико (1474–1533), итальянский поэт и драматург 50, 52, 192
- Арним Карл Йоахим Фридрих Людвиг фон (1781–1831), немецкий писатель, прозаик и драматург 208
- Бабушка см. Мария Федоровна
- Бальц Иоганн Фридрих (1760–1798), издатель из Тюбингена и основатель одноименного издательства в Штутгарте 68, 69, 200
- Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), поэт 217
- Бейст Фридрих Фердинанд фон (1809–1886), саксонский, австрийский и австро-венгерский

¹ Имена ученых, публикаторов и издателей даны без аннотации.

- государственный деятель и дипломат 68, 70, 96, 97, 200, 207
- Бенкендорф Константин Христофорович (1785–1828), генерал русской армии, герой войны 1812 г. и заграничных походов, генерал-адъютант, дипломат, русский посланник в Штутгарте и Карлсруэ 19, 40, 42, 188
- Бердяев Н.А. 10
- Бернгард Карл (1792–1862), герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский, генерал от инфантерии голландской службы, путешественник и математик 10, 31, 32, 41, 43, 184, 188
- Бертух Фридрих Юстин (1747–1822), немецкий писатель, издатель, редактор и переводчик 5, 26
- Бильк фон, мекленбургский гофмаршал, известный конезаводчик 31, 32, 184
- Бланк Г. 199
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф с 1842 г., государственный деятель 217
- Бодэ В. 5, 193
- Больё-Марконнэй Карл фон (1777–1855), барон, генерал, второй муж графини Генриетты фон Эглоффштейн 47, 48, 191
- Больё-Марконнэй Эрнст фон (1786–1859), барон, чиновник, тайный советник и председатель правительства в Ольденбурге 47, 48, 190
- Боярдо Маттео Мария (1441–1494), итальянский поэт 192
- Брат см. Тургенев Н.И.
- Брентано Клеменс (1778–1842), немецкий поэт-романтик 208
- Бринкман Мария Гертруда (р. 1744), мать М.Л. Якоби, супруги Г.А. Якоби, государственного советника Саксен-Веймарского правительства, сына философа Ф.Г. Якоби 11, 13, 14, 32–36, 38, 39, 41, 43, 46, 47, 185
- Брум Генри (1778–1868), барон, английский государственный деятель и писатель 139, 141, 217
- Брюль Карл Фридрих Мориц Пауль фон (1772–1837), граф, королевский тайный советник Пруссии, в 1815–1828 гг. генеральный интендант королевских театров в Берлине 184
- Будущий правитель см. Александр Николаевич
- Вдова см. Иммерман В.М.**
- Вдова см. Штейн Г. фон**
- Вейраух Август Генрих фон (1788–1865), немецкий композитор, дерптский знакомый Жуковского 11
- Великая герцогиня см. Мария Павловна
- Великая княгиня см. Мария Павловна
- Великая княжна см. Ольга Николаевна
- Великий князь см. Карл Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский
- Вертерн, неустановленное лицо 83, 84, 204
- Веселовский А.Н. 3, 25, 26, 185
- Вётшева Н.Ж. 194
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), чиновник Министерства иностранных дел, мемуарист 217
- Виельгорская Луиза Карловна (1791–1853), графиня, жена М.Ю. Виельгорского 199
- Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856), граф, композитор 14, 19, 43–48, 189

- Виланд Кристоф Мартин (1733–1813), немецкий писатель 11
- Вилламов Григорий Иванович (1773–1842), статс-секретарь императрицы Марии Федоровны, впоследствии Александры Федоровны, литератор 101, 103, 208
- Виллем Александр Фредерик Константин Николай Михаил (Александр Оранско-Нассауский; 1818–1848), сын великой княгини и королевы Нидерландов Анны Павловны и Виллема II 222
- Виллем II (1792–1849), король Нидерландов 208
- Вильгельм Фридрих Людвиг Прусский (1797–1888), принц, впоследствии император Вильгельм I 40, 42, 188
- Вильгельмина Мария София Луиза Нидерландская (1824–1897), дочь нидерландского короля Виллема II и великой княгини Анны Павловны 120, 121, 208, 212
- Вильдермет Мария Маргарета (Цецилия Александровна, 1777–1839), гувернантка принцессы Прусской Шарлотты, в замужестве великой княгини Александры Федоровны, впоследствии императрицы 50, 51, 192
- Витцтум Экштедт Альберт Фридрих фон (1797–1860), камергер при саксонском дворе 45, 46, 190
- Вихман Карл Фридрих (1775–1836), немецкий скульптор, приобрел известность статуями российских царственных особ 41, 43, 189
- Вишнякова Е.А. 26
- Внук см. Александр Николаевич
- Внук см. Мюллер К. фон
- Войков Александр Федорович (1778 или 1779–1839), поэт, журналист, муж племянницы Жуковского А.А. Протасовой 217
- Волконский Петр Михайлович (1776–1852), князь, с 1826 г. министр Императорского двора и уделов и управляющий Кабинетом Его Величества 32–36, 41, 43, 185
- Вольцоген Каролина фон (урожд. фон Ленгефельд; 1763–1847), немецкая писательница 88, 89, 205
- Воронин В.Е. 220
- Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь, поэт, журналист и литературный критик 151, 152, 217
- Вяткина И.А. 1, 2, 181
- Гагерн Ганс Христофор Эрнст (1766–1852), немецкий государственный деятель, писатель 78–82, 84, 85, 202
- Гервег Георг (1817–1875), немецкий поэт и публицист 208
- Гердер Август фон (1776–1838), немецкий геолог, обер-берггауптман, действительный член Императорского минералогического общества 32, 34, 37, 38, 41, 43, 185
- Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий писатель и философ 7, 67, 69, 217
- Гердер Эмиль Эрнст Готфрид фон (1783–1855), сын И.Г. Гердера 142, 143, 217
- Герцог см. Карл Август Саксен-Веймар-Эйзенахский
- Гёте Август Юлий Вальтер фон (1789–1830), сын И. В. Гёте 190
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт 4–11, 13–18,

- 26, 31–47, 50–52, 55, 56, 62, 65, 132, 133, 148, 149, 170–172, 182–185, 187–190, 192, 193, 195, 199, 208, 210, 215, 218, 219, 223, 226, 227
- Гёте Кристиана фон (урожд. Вульпиус; 1765–1816), жена И.В. Гёте 210
- Гёте Оттилия (урожд. фон Погвиш; 1796–1872), жена А.Ю.В. фон Гёте, невестка И.В. Гёте 45, 46, 190
- Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874), французский историк и политический деятель 139, 141, 217
- Гиллельсон М.И. 3, 26, 218
- Гильдебрандт Эдуард (1817–1868), немецкий художник 87, 89, 205
- Гинзбург Л.Я. 26
- Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, обер-прокурор Синода, министр просвещения в 1816–1824 гг. 139, 141, 144–147, 217
- Гомер, легендарный древнегреческий поэт 128, 129, 132, 148, 149, 214
- Государыня см. Мария Федоровна
- Государь см. Карл Август Саксен-Веймар-Эйзенахский
- Государь см. Карл Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский
- Грильпарцер Франц (1791–1872), австрийский писатель, драматург 68, 70, 200
- Грис Иоганн Дидерих (1776–1842), немецкий поэт и переводчик 50, 52, 192
- Гросс фон, неустановленное лицо 131–134, 136, 138, 215
- Грумач Э. 184
- Гумбольдт Александр фон (1769–1859), немецкий естествоиспытатель и географ 95, 97, 139, 141, 184, 206, 208
- Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (1769–1859), немецкий ученый-энциклопедист 101, 103, 208
- Гюндероде Каролина фон (1708–1806), немецкая поэтесса 215
- Гюндероде Фридрих Карл Гектор Вильгельм фон (1786–1862), франкфуртский юрист и политик 221
- Гюндероде Шарлотта Генриетта (р. 1788), жена франкфуртского юриста и политика Ф.К.Г.В. фон Гюндероде 157–159, 221
- Гюнтероде, семейство 131, 132
- Данилевский Р.Ю. 4, 26
- Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839), дипломат и литератор 217
- Девочка см. Жуковская А.В.
- Девочка см. Мюллер Ж. фон
- Дегер Эрнст (1809–1885), немецкий художник 98, 99, 207
- Дитя см. Жуковский П.В.
- Дитя см. Мюллер К. фон Дмитриева Е.Е. 1, 2, 181
- Долгорукий Алексей Алексеевич (1767–1834), князь, министр юстиции с октября 1827 г. 38, 39, 46, 47, 187
- Долгушин Д.В. 27
- Дочурка см. Жуковская А.В.
- Дочь см. Жуковская А.В.
- Дочь см. Радовиц М. фон
- Друг см. Тургенев А.И.
- Дубовенко К.И. 26, 27
- Дурылин С.Н. 189
- Елизавета Алексеевна (урожд. принцесса Баден-Дурлахская Луиза Мария Августа, 1779–1826), императрица, жена императора

- Александра I 205
- Жена см. Мюллер В. фон
Жена см. Рейтерн Е. фон
Жена см. Штейн Г. фон
Жихарев Степан Петрович (1788–1860), переводчик, театрал и ме-
муарист 217
Жуковская Александра Васильевна
(в замуж. баронесса Верман,
1842–1899), дочь Жуковского
117–121, 125, 129, 131, 132, 148,
149, 170, 171, 211
Жуковский Павел Васильевич
(1845–1912), художник, сын В.А.
Жуковского 127–132, 148, 149,
170, 171, 214
- Зауэрхард, неустановленное лицо
63, 66, 199
Зибель Франц (1777–1842), худож-
ник 90, 91, 93, 94, 206
Зигель Х. 1, 2, 181, 226
- Иммерман Вильгельмина Марианна**
(урожд. Нимейер; 1819–1886),
жена К.Л. Иммермана 90, 91, 93,
94, 111, 112, 116, 117, 206
Иммерман Карл Лебрехт (1796–
1840), немецкий писатель 5, 19,
20, 26, 67–69, 88–91, 93–97, 111,
112, 200, 206, 207
Император см. Николай I
Иоанн, апостол 220
- Кавелин Дмитрий Александрович**
(1778–1851), воспитанник Мос-
ковского университетского пан-
сиона, директор Петербургского
главного педагогического инсти-
тута 217
Кайсаров Андрей Сергеевич (1782–
1813), литератор, профессор рус-
ской словесности Дерптского
университета 139, 140, 216
Каподистрия Иоанн (Капо д'Истрия
Иоанн Антонович, 1776–1831),
граф, русский и греческий госу-
дарственный деятель, министр
иностранных дел России (1816–
1822 гг.) и первый правитель не-
зависимой Греции (1827–1831 гг.)
37, 39, 62, 65, 187, 199, 205
Карл Август Саксен-Веймар-
Эйзенахский (1757–1828), вели-
кий герцог Саксен-Веймар-
Эйзенахский 4, 14, 19, 37, 39, 40–
43, 187, 199
Карл Александр Август Иоганн
Саксен-Веймар-Эйзенахский
(1818–1891), наследный великий
герцог Саксен-Веймар-Эйзе-
нахский 67, 68, 70, 95–97, 100–
103, 200, 206, 208, 212
Карл Фридрих Александр (1823–
1891), принц Вюртембергский, с
1864 г. король Вюртембергский
Карл I 220
Карл Фридрих Саксен-Веймар-
Эйзенахский (1783–1853), стар-
ший сын Карла Августа, великий
герцог Саксен-Веймар-
Эйзенахский с 1828 г. 4, 27, 37,
39, 93, 94, 132, 133, 157–161, 164,
165, 187, 194, 200, 221
Каролина Луиза Саксен-Веймар-
Эйзенахская (1786–1816), прин-
цесса Саксен-Веймар-
Эйзенахская, в замужестве на-
следная великая герцогиня Мек-
ленбург-Шверинская 193
Каттанео Гаэтано (1771–1841), ну-
мизмат и поэт 59, 60, 198, 199
Кёлер Кристиан (1809–1861), ху-
дожник Дюссельдорфской школы
98, 99, 207

- Кеслер Георг Христиан (1787–1842), немецкий книгоиздатель 132, 133, 215
- Кестнер Георг Кристиан Август (1777–1853), дипломат, художник и коллекционер произведений искусства 67, 69, 71, 72, 200
- Киселев В.С. 1, 2, 179–225
- Клаудиус Маттиас (1740–1815), немецкий поэт 14, 15, 192
- Кленце Лео фон (1784–1864), архитектор, художник и писатель 59, 60, 198
- Клингер Фридрих Максимилиан фон (в российском подданстве – Федор Иванович Клингер; 1752–1831), немецкий поэт и драматург; генерал российской армии 41, 43, 188
- Кнебель Карл Людвиг фон (1744–1834), немецкий поэт и переводчик 50, 52, 193
- Княгиня см. Мария Павловна
- Ковалев П.А. 26
- Кожелух Леопольд (1747–1818), чешский композитор 212
- Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, сын Николая I 220
- Константин Павлович (1779–1831), великий князь, цесаревич, главнокомандующий польской армией и наместник Царства Польского 224
- Копп Иоганн Генрих (1777–1858), немецкий врач, практиковавший в Ганау, автор трудов по медицине, член-корреспондент Петербургской медико-хирургической академии 133, 134, 157, 158, 215
- Корнелиус Петер Йозеф фон (1783–1867), художник и педагог, представитель группы «назарейцев» 59, 60, 170, 171, 198, 224
- Король см. Фридрих Вильгельм III
- Король Пруссии см. Фридрих Вильгельм IV
- Котт (Котта) Иоганн Георг фон (1796–1863), немецкий издатель и книготорговец 50, 52, 67, 69, 147, 149, 184, 193
- Крестник см. Мюллер К. фон
- Кройтер Фридрих Теодор Давид (1790–1856), государственный советник, библиотекарь, секретарь Гёте 55, 56, 58–60, 195, 197
- Кузен см. Эглоффштейн А.Ч. фон унд цу
- Ландсаун Генри (1780–1863), маркиз, английский лорд, политический деятель, президент Совета министров 139, 141, 217
- Лебедева О.Б. 1, 2, 181
- Липман Фридрих Леберехт (Федор Иванович; 1784–1854), немецкий историк, статистик, профессор Берлинского университета 122, 123, 212
- Лобанов В.В. 26, 226
- Лобанов-Ростовский Алексей Александрович (1787–1848), князь, государственный деятель 45, 46, 190
- Луиза Гессен-Дармштадская (1757–1830), великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, супруга великого герцога Карла-Августа 15, 51, 52
- Луиза Мария Елизавета Прусская (1838–1923), дочь Августы Марии Луизы Катерины Саксен-Веймар-Эйзенахской, внучка великой герцогини Марии Павловны 155, 156, 220
- Львов Алексей Федорович (1798–1870), композитор, скрипач, в

- 1837–1861 гг. директор Придворной певческой капеллы 17
- Людвиг I (1786–1868), баварский король в 1825–1848 гг. 10, 31, 33, 37, 39, 184, 187, 198
- Людвиг II Гессенский (1777–1848), великий герцог Гессенский 203
- Майдель Людвиг фон (1795–1846), художник 53, 54, 194
- Мальтиц Аполлоний Петрович (Фридрих Аполлоний, 1795–1870), барон, дипломат, переводчик, поэт, секретарь русской миссии в Мюнхене 24, 25, 110, 112, 118–123, 129–132, 142, 143, 148, 149, 152–156, 158–163, 170–174, 177, 209, 211, 215, 223
- Мандзони Алессандро Франческо Томмазо (1785–1873), писатель-романтик 22, 59, 60, 62, 63, 65–67, 69, 198, 199
- Мария Александровна (Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессен-Дармштадтская; 1824–1880), дочь великого герцога Людвига II Гессенского, великая княгиня, впоследствии императрица 79–82, 203, 207
- Мария Анна Прусская (1836–1918), дочь Марии Луизы Александрины Саксен-Веймар-Эйзенахской, внучка великой герцогини Марии Павловны 155, 156, 221
- Мария Луиза Александрина Саксен-Веймар-Эйзенахская (1808–1877), дочь великой герцогини Марии Павловны, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская, в браке принцесса Прусская 78, 79, 88, 89, 110, 112, 134, 135, 150–153, 202, 205, 210, 221
- Мария Луиза Анна Прусская (1829–1901), дочь Марии Луизы Александрины Саксен-Веймар-Эйзенахской, внучка великой герцогини Марии Павловны 155, 156, 221
- Мария Николаевна (1819–1876), великая княжна, старшая дочь Николая I 75, 76, 78, 79, 202
- Мария Павловна (1786–1859), великая княгиня и великая герцогиня герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах 5, 9, 26, 27, 35–40, 42, 45, 47, 50, 52–55, 68, 70–72, 78, 79, 82–85, 87–89, 91–94, 96–103, 110, 112, 118–121, 126–128, 130, 131, 134–137, 155–165, 175, 176, 185–189, 191, 194, 210, 220, 222, 223
- Мария Федоровна (1759–1828), императрица 19, 20, 40–45, 47, 187–190, 208, 227
- Мартерштейг Фридрих (1814–1899), художник, преподаватель живописи, автор исторических и жанровых полотен 126–129, 150, 214
- Мать см. Мария Федоровна
- Мать см. Мюллер В. фон
- Мать см. Рейтерн Е. фон
- Мать см. Штейн К.О.Л.
- Мать см. Эглоффштейн Г. фон
- Медичи, семейство 24, 61, 64
- Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар фон (1773–1859), князь, австрийский государственный деятель, канцлер 111, 112, 210
- Министр юстиции см. Долгорукий А.А.
- Миримский И. 202
- Мицкевич Адам Бернард (1798–1855), польский поэт 187
- Монарх см. Карл Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский
- Монлозье Франсуа Доминик (1755–

- 1838), граф де, французский политический деятель и писатель 173, 174, 224
- Муравьев Никита Михайлович (1795–1843), капитан генерально-го штаба, декабрист 217
- Мюллер Адальберт фон (1805–1850), веймарский тайный советник, сын канцлера Ф. фон Мюллера 2, 7, 8, 17, 24, 63, 66, 68, 70, 75, 77, 80, 81, 84, 85, 96, 97, 99, 113–117, 120, 121, 126–131, 145, 147–149, 152, 153, 166–173, 175, 177, 198, 199, 223–225
- Мюллер Вильгельмина фон (1782–1857), жена веймарского канцлера Ф. фон Мюллера 4, 7, 17, 18, 24, 63, 66, 68, 70, 75, 77, 80, 84, 85, 96, 97, 99, 113, 114, 116, 117, 120, 121, 126–131, 145, 147–149, 152, 153, 166–169, 173–177
- Мюллер Жемма фон (ум. 1842), жена А. фон Мюллера, невестка Ф. фон Мюллера 17, 22, 59, 60, 63, 66, 68, 70, 75, 77, 80, 81, 84, 85, 96, 97, 99, 100, 102, 105, 107, 109, 110–118, 198
- Мюллер Иоганн Фридрих фон (1753–1807), отец Ф. фон Мюллера 4
- Мюллер Карл фон (р. 1839), внук канцлера Ф. фон Мюллера, крестник Жуковского 17, 80–83, 96, 97, 113–117, 120, 121, 166–169, 172, 173, 175, 177, 203
- Мюллер см. Мюллер В. фон
- Мюллеры, семейство 78, 79, 88–90, 92, 100, 102, 104, 105, 107, 119, 121, 154, 155, 158, 159
- Наследная великая герцогиня см. Мария Луиза Александрина Саксен-Веймар-Эйзенахская**
- Наследник престола см. Александр Николаевич
- Неандер Август Иоганн Вильгельм (1789–1850), германский протестантский богослов и церковный историк, преподаватель, духовный и научный писатель 139, 141, 217
- Невеста см. Рейтерн Е. фон
- Невестка см. Мюллер Ж. фон
- Невестка см. Рейтерн М. фон
- Нефедьева Александра Ильинична (1782–1845), двоюродная сестра братьев Тургеневых 136, 138, 216
- Николай I (1796–1855), великий князь, с 1825 г. – российский император 17, 32, 34, 36–39, 41, 43, 173, 174, 185, 186, 202, 203, 224
- Никонова Н.Е. 1–27, 179–225
- Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838), государственный деятель, полномочный делегат при совете Царства Польского и попечитель Виленского учебного корпуса 139–141, 217
- Ольга Николаевна (1822–1892), великая княжна, дочь Николая I 75, 76, 155, 156, 220
- Орлов Михаил Федорович (1788–1842), генерал-майор, член Союза Благоденствия 217
- Отец см. Мюллер И.Ф. фон
- Певницкий Иоанн Михайлович** (1798–1863), священник Русской православной церкви в Штутгарте с 1823 по 1852 г. 118, 119, 211
- Петухов Е.В. 3, 26, 184, 218, 219
- Плещеев Александр Алексеевич (1778–1862), композитор-дилетант, тульский помещик 217

- Погодин Михаил Петрович (1800–1875), ученый, писатель, журналист 20, 216
- Полетика Петр Иванович (1778–1849), чиновник коллегии Министерства иностранных дел, дипломат 217
- Принц см. Карл Александр
- Принцесса см. Мария Александровна
- Пруц Роберт Эдуард (1816–1872), поэт, драматург и историк литературы, редактор, профессор Университета Галле 101, 103, 208
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 3, 26, 187, 217, 218, 226
- Пушкин Василий Львович (1766–1830), поэт, дядя А.С. Пушкина 217
- Радовиц Йозеф Мария фон (1793–1853), прусский государственный деятель и публицист 19, 86–89, 140–142, 184, 205, 217
- Радовиц Мария фон (1831–1846), дочь Й. фон Радовица 19, 140–142, 217
- Рапп Альбертина Шарлотта фон (в первом браке Ротберг; 1797–1842), графиня 14, 19, 37–39, 46, 47, 187
- Рапп Жан (1773–1821), французский генерал, муж А.Ш. фон Рапп 187
- Рапп Максимилиан фон (1816–1828), сын А.Ш. и Ж. Рапп 14, 19, 37, 39, 187
- Раупах Эрнст Бенъямин Соломон (1784–1852), писатель и драматург 68, 69, 200
- Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский художник и архитектор 108, 109
- Рейнхард Карл Фридрих (1761–1837), немецко–французский государственный деятель 50, 52, 193
- Рейтерн Герхард фон (1794–1865), немецкий художник, тесть Жуковского 70–73, 86–89, 91–96, 101, 103–105, 108, 109, 128, 129, 163, 164, 194, 204, 205
- Рейтерн Елизавета фон (в замуж. Жуковская Елизавета Евграфовна, 1821–1856), дочь Герхарда Рейтерна, жена Жуковского 11, 90, 92–94, 98–107, 109, 111, 112, 117–123, 125–134, 148, 149, 155–173, 175–177, 185, 204, 205, 223
- Рейтерн Мария (Мия) фон (1822–1847), дочь Г. фон Рейтерна 164, 165, 221
- Рейтерн Шарлотта фон (урожд. фон Шверцель, 1797–1854), жена Г. фон Рейтерна 87, 89, 93, 94, 101, 103, 128, 129, 163, 164, 205
- Рейтерны, семейство 72, 73, 88, 89, 108, 109, 164, 165, 221
- Рекамье Жюльет (1777–1849), светская дама, хозяйка литературно-политического салона в Париже 137–139, 141, 150, 216
- Ретч Фридрих Август Мориц (1779–1857), немецкий живописец и гравер 170, 171, 223
- Ржевуска Каролина (1795–1885), известная своими авантюрами красавица, хозяйка литературного салона 37, 39, 187
- Ример Фридрих Вильгельм (1774–1845), немецкий филолог, секретарь Гёте и издатель его сочинений 4, 148, 149, 218
- Романовская Александра Максимилиановна (1840–1843), дочь великой княжны Марии Николаевны и Максимилиана Лейхтенбергского 202

- Роштейн, неустановленное лицо 63, 66, 199
- Рунге Филипп Отто (1777–1810), немецкий художник-романтик 101, 103, 105–108, 208
- Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874), дипломат, мемуарист, друг семьи Тургеневых 216
- Северин Дмитрий Петрович (1792–1865), дипломат, посланник в Швейцарии, с 1837 г. в Мюнхене 217
- Сестра см. Нефедьева А.И.
- Сид Компеадор (Родриго Диас де Вивар, 1041–1057), национальный герой Испании 67, 69
- Сиркур Адольф де (1801–1879), граф, французский ученый и публицист 140, 142, 217
- Скотт Вальтер (1771–1832), английский писатель 139, 141, 217
- Супруга генерала см. Эглоффштейн Г. фон
- Супруга см. Мария Павловна
- Супруга см. Мюллер В. фон
- Супруга см. Рейтерн Е. фон
- Супруга см. Рейтерн Ш. фон
- Сын см. Жуковский П.В.
- Сын см. Карл Александр
- Сын см. Мюллер А. фон
- Тассо Торквато (1544–1595), итальянский поэт 6, 50, 52, 192
- Тесть см. Рейтерн Г. фон
- Тик Людвиг (1773–1853), немецкий писатель 208
- Толук Фридрих Август Готтре (1799–1877), германский протестантский богослов, преподаватель Университета в Галле 139, 141, 217
- Торвальдсен Бертель (1768 или 1770–1844), датский скульптор 200
- Тургенев Александр Иванович (1784–1845), воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, публицист, друг Жуковского 6, 20, 21, 27, 32, 34, 50–52, 82, 83, 87–91, 93, 95, 108, 110–112, 126–154, 171, 172, 185, 192, 203, 206, 209, 214–218, 226
- Тургенев Николай Иванович (1789–1871), общественный деятель, экономист, идеолог декабризма 136–138, 151, 152, 185, 216–219
- Тургенев Сергей Иванович (1792–1827), дипломат, младший брат Александра и Николая Тургеневых 145, 147, 218
- Тынянов Ю.Н. 10
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, дипломат, консервативный публицист 110, 112, 210
- Убри Петр Яковлевич (1774–1847), дипломат, посол, действительный тайный советник 85–88, 204
- Уваров Сергей Семенович (1786–1855), государственный деятель, в 1833–1849 гг. министр народного просвещения, президент Академии наук 217
- Унгерн-Штернберг Петер Александр фон (1806–1868), русско-немецкий писатель, чиновник 86, 87, 204
- Уткин Николай Иванович (1780–1863), гравёр 194
- Фельзинг Георг Яков (1802–1883), немецкий гравёр на меди 98, 99, 207
- Фердинанд Филипп Орлеанский

- (1810–1842), французский принц 223
- Финк Ф. 5, 26
- Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ 11
- Франц И. 181
- Фрейлиграт Герман Фердинанд (1810–1876), поэт, переводчик, представитель революционной поэзии 1848 г. 95, 97, 101, 103, 207, 208
- Фридрих Вильгельм III (1770–1840), король Пруссии 90, 91
- Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), кронпринц, прусский король с 1840 г. 53, 54, 101, 103, 111, 112, 194, 208
- Фризиани (Фризинья) Паоло (1728–1784), итальянский астроном и физик 62, 65, 199
- Фрич Карл Кристиан Фридрих Вильгельм фон (1804–1892), посол Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского в парламенте во Франкфурте-на-Майне 158, 159, 162, 221
- Фуке Фридрих де ла Мотт (1777–1843), немецкий писатель 53, 54, 194
- Хоффмайстер Карл (1796–1844), немецкий филолог 68, 69, 200
- Цесаревич см. Александр Николаевич
- Цигезар Антон фон (1783–1843), советник великой герцогини Марии Павловны 5, 26
- Чевкин Константин Владимирович (1802–1875), государственный и военный деятель 193
- Чевкина Екатерина Фоминична (урожд. Томатис, 1799–1879), фрейлина, жена К.В. Чевкина 49, 51, 53, 54, 71, 72, 96, 97, 192, 193
- Шатобриан Франсуа Рене де (1768–1848), французский писатель и политический деятель 137–139, 141, 148, 149, 171, 172, 216
- Шванталер Людвиг Михаэль фон (1802–1848), немецкий скульптор и художник 18
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), философ 11, 59, 60, 198
- Шёлль Густав Адольф (1805–1882), археолог, библиотекарь, историк литературы, издатель наследия Гёте 148, 149, 177, 178, 219, 225
- Шиллер Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства 5, 7, 9, 68, 69, 75, 77, 189, 200, 201, 205, 224, 226
- Шиллер Шарлотта Луиза Антуанетта фон (урожд. фон Ленгефельд, 1766–1826), жена Ф. Шиллера 205
- Шлегель Фридрих Вильгельм (1772–1829), немецкий философ, критик 25
- Шлёссель, неустановленное лицо 32, 34, 185
- Шлёцер Август Людвиг (1735–1809), немецкий и российский историк, публицист и статистик 139, 140, 216
- Шлоссер Иоганн Фридрих Генрих (1780–1851), немецкий писатель, переводчик и юрист 199
- Шопенгауэр Артур (1788–1860), философ 24
- Шорн Адельгейда фон (р. 1841), дочь Л. Шорна, мемуаристка 3, 25, 27, 95, 96, 182, 186, 187, 192, 199, 206, 207, 209, 211, 223

- Шорн Людвиг фон (1793–1842), ученый, историк искусства 19, 20, 59, 60, 63, 66–72, 75, 77, 80, 81, 95–102, 104, 105, 108–111, 198, 207, 209
- Шорны, семейство 78, 79, 90, 92, 93, 95, 100, 102, 110, 111
- Шпигель Карл Эмиль фон (1783–1849), унд цу Пекельсгейм, муж Э.В. фон Шпигель 54, 55, 187, 194
- Шпигель Эмилия Вильгельмина фон (урожд. Ротберг 1787–1870), жена К.Э. фон Шпигеля 37, 39, 187
- Шписс Э.Р., немецкий теолог и проповедник 18
- Шрёдер Андрей Андреевич (1779–1858), дипломат, русский министр в Дрездене и при саксен-веймарском дворе 58, 148, 149, 197, 218
- Штарклоф Карл Христиан Людвиг (1789–1850), придворный советник, писатель 48, 191
- Штейн Генриетта фон цу Норд унд Остгейм (в замуж. фон Шорн; 1807–1869), фрейлина саксен-веймарского двора, писательница 20, 59, 60, 63, 66, 67, 69, 71–77, 80, 81, 88, 89, 95–97, 99, 100, 102, 104–107, 109–111, 118–121, 130–132, 142, 143, 148, 149, 154, 155, 198, 201, 202
- Штейн Каролина Октавия Луиза, мать Г. фон Штейн (Шорн) 108, 109
- Штейнле Эдвард Якоб фон (1810–1886), исторический живописец; художник-романтик, представитель движения назарейцев 88, 89, 205
- Штилер Йозеф Карл (1781–1858), известный портретист, придворный художник мюнхенского двора с 1811 г. 37, 39, 187, 192
- Шютце Иоганн Стефан (1771–1839), немецкий писатель и журналист 5, 26
- Эглоффштейн Август Чарльз фон унд цу (1771–1834), первый муж Г. фон Эглоффштейн 4
- Эглоффштейн Августа фон (1796–1862), графиня, поэтесса 101, 103, 191
- Эглоффштейн Генриетта фон (урожд. фон Больё-Марконнэй, во втором браке фон Больё-Марконнэй; 1773–1864), графиня, фрейлина, мать трех сестер Эглоффштейн 4, 35, 36, 41, 43, 45–48, 75, 77–82, 87, 88, 101, 103, 191, 200–202, 204
- Эглоффштейн Каролина фон (1789–1868), графиня, автор литературных и музыкальных произведений, фрейлина великой герцогини Марии Павловны 4, 5, 9, 26, 32, 34–36, 38, 40, 42, 67, 69, 77, 78, 101, 103, 118–121, 157–159, 162–165, 170, 171, 185, 191, 200, 201, 204
- Эглоффштейн Юлия фон (1792–1869), графиня, художница 4, 26, 35, 36, 38, 40, 67, 69, 71, 72, 85, 86, 126, 127, 191, 200, 201, 204
- Эглоффштейн, семейство 4, 48, 118, 119, 130, 131, 185
- Эдлинг Роксана Скарлатовна (урожд. Стурдза; 1786–1844), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, близкая подруга графа Каподистрии 87, 89, 205
- Экендаль Даниэль Георг фон (1780–1857), шведско-немецкий писатель, историк 56, 57, 59, 60, 196

- Эккерман Иоганн Петер (1791–1854), немецкий писатель, секретарь Гёте 4, 63, 66, 68, 70, 75, 77, 80, 81, 193, 195
- Элен Мекленбург-Шверинская (1814–1858), герцогиня, с 1837 г. супруга принца Фердинанда Филиппа Орлеанского 168, 169, 223
- Эмиль, принц Гессен-Дармштадтский (1790–1856) 96, 97, 207
- Юлия** см. Эглоффштейн Ю. фон
- Якоби** Георг Арнольд (1768–1845), государственный советник Саксен-Веймарского правительства, сын философа Фридриха Генриха Якоби 11, 13, 32, 33, 185
- Якоби Иоганн Георг (1740–1814), немецкий поэт, педагог и ученый 11
- Якоби Мария Луиза (урожд. Бринкманн, 1776–1845), супруга Георга Арнольда Якоби, государственно-го советника Саксен-Веймарского правительства, сына философа Фридриха Генриха Якоби 11, 185
- Якоби Фридрих Генрих (1743–1819), немецкий философ 7, 11, 12, 13, 23, 27, 182, 183, 185
- Янушкевич А.С. 8, 10, 26
- Alexander см. Александр I
- Alexandre см. Александр I
- Alexandrine см. Жуковская А.В.
- Ami см. Тургенев А.И.
- Arago см. Араго Д.Ф.Ж.
- Ariost см. Ариосто Л.
- Auguste см. Августа, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская
- Auguste см. Эглоффштейн А. фон
- Beau-règne см. Рейтерн Г. фон
- Beaulieu см. Больё-Марконнэй К. фон
- Beaulieu см. Больё-Марконнэй Э. фон
- Beaulieu см. Эглоффштейн Г. фон
- Belle-fille см. Мюллер Ж. фон
- Benkendorf см. Бенкендорф К.Х.
- Bernhard см. Бернгард К.
- Bertuch см. Бертух Ф.Ю.
- Beust см. Бейст Ф.Ф. фон
- Bielk von см. Бильк фон
- Blank H. см. Бланк Г.
- Bode W. см. Боде В.
- Braut см. Рейтерн Е. фон
- Brougham см. Брум Г.
- Bruder см. Тургенев Н.И.
- Capo d'Istria см. Каподистрия И.А.
- Caroline см. Эглоффштейн К. фон
- Cattaneo см. Каттано Г.
- Chateaubrian см. Шатобриан Ф.Р. де
- Circourt см. Сиркур А. де
- Comte см. Виельгорский М.Ю.
- Cornelius см. Корнелиус П.Й. фон
- Cotta см. Котт И.Г. фон
- Deger см. Дерер Э.
- Dolgoruki см. Долгорукий А.А.
- Eckermann см. Эккерман И.П.
- Edling см. Эдлинг Р.С.
- Egloffstein см. Эглоффштейн Г. фон
- Egloffstein см. Эглоффштейн К. фон
- Egloffstein см. Эглоффштейн, семейство
- Egloffstein Julie см. Эглоффштейн Ю. фон
- Ekendahl см. Экендаль Д.Г. фон
- Emil von Darmstadt см. Эмиль, принц
- Enfant см. Жуковский П.В.
- Enfant см. Мюллер К. фон
- Enkel см. Мюллер К. фон

- Erouse см. Мюллер В. фон
Erouse см. Мюллер Ж. фон
Erbgroßherzog см. Карл Александр
Erbgroßherzogin см. Мария, прин-
цесса Саксен-Веймар-Эйзенахская
- Felsing см. Фельзинг Г.Я.
Femme см. Рейтерн Е. фон
Femme см. Штейн Г. фон
Fille см. Жуковская А.
Fille см. Мюллер Ж. фон
Fille см. Радовиц М. фон
Filleul см. Мюллер К. фон
Fils см. Мюллер А. фон
Fink F. см. Финк Ф.
Fouquet см. Фуке Ф.
Frau см. Мюллер В. фон
Freiligrath см. Фрейлиграт Г.Ф.
Frisiani см. Фризиани П.
Fritsch см. Фрич К.К. Ф.В. фон
Fürsten см. Карл Август Саксен-
Веймар-Эйзенахский
Fürstin см. Мария Павловна
- Gagern см. Гагерн Г.Х.Э.
Galitzine см. Голицын А.Н.
Gemahlin см. Мария Павловна
Gemahlin см. Рейтерн А.В. фон
Gemahlin см. Рейтерн Ш. фон
Generalin см. Эглоффштейн Г. фон
Goethe см. Гёте И.В.
Goethe см. Гёте О.
Göthe см. Гёте И.В.
Grand Duc см. Александр
Николаевич
Grand Duc см. Карл Фридрих
Саксен-Веймар-Эйзенахский
Grand-mère см. Мария Федоровна
Grande Duchesse см. Мария
Павловна
Gries см. Грис И.Д.
Grillparzer см. Грильпарцер Ф.
Gross von см. Гросс фон
- Großfürstin см. Ольга Николаевна
Großherzog см. Карл Август Саксен-
Веймар-Эйзенахский
Großherzogin см. Мария Павловна
Grumach E. см. Грумач Э.
Guizot см. Гизо Ф.П.Г.
Gunderode см. Гюндероде Ш.Г.
Güntherode см. Гюнтероде
- Herder см. Гердер А. фон
Herder см. Гердер И.Г.
Herrscher см. Александр Николаевич
Herzogin von Orleans см. Элен Мек-
ленбург-Шверинская
Hildebrandt см. Гильдебрандт Э.
Hoffmeister см. Хоффмайстер К.
Homer см. Гомер
Humboldt см. Гумбольдт А. фон
Humboldt см. Гумбольдт А. фон
- Immermann см. Иммерман К.Л.
- Jacobi см. Якоби Ф.Г.
Jemme см. Мюллер Ж. фон
Julie см. Эглоффштейн Ю. фон
- Kaestner см. Кестнер Г.К.А.
Kaiser см. Николай I
Kaiserin см. Мария Федоровна
Kaiserin-Mutter см. Мария Федо-
ровна
Kaiserlichen Bruders см. Александр I
Karl Friedrich см. Карл Фридрих
Kästner см. Кестнер Г.К.А.
Kaysaroff см. Кайсаров А.С.
Kebler см. Кеслер
Klenze см. Кленце Л. фон
Klinger см. Клиндер Ф.М. фон
Knebel см. Кнебель К.Л. фон
Köhler см. Кёлер К.
König von Preußen см. Фридрих
Вильгельм IV
König von Bayern см. Людвиг I

- Корр см. Копп И.Г.
 Kraeuter см. Кройтер Ф.Т.Д.
 Kräuter см. Кройтер Ф.Т.Д.
- L'**Empereur см. Николай I
 L'Impératrice см. Александра Федоровна
 Lobanof см. Лобанов-Ростовский А.А.
 Landes Herrn см. Карл Фридрих Саксен-Веймар-Эйзенахский
 Lansdown см. Ландсдаун Г.
 Lieppmann см. Липман Ф.Л.
 Line см. Эглоффштейн К. фон
 Luise von Sachsen Weimar см. Каролина Луиза Саксен-Веймар-Эйзенахская
- M**altitz см. Мальтиц А.П.
 Manzoni см. Мандзони А.Ф.Т.
 Maria Pawlowna см. Мария Павловна
 Marie см. Мария Александровна
 Marie см. Мария Николаевна
 Marie см. Мария Павловна
 Marie см. Мария, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская
 Martersteig см. Мартерштейг Ф.
 Médicis см. Медичи
 Mère см. Мария Федоровна
 Mère см. Рейтерн Е. фон
 Metternich см. Меттерних-Виннебург К.В.Л. фон
 Ministre de la Justice см. Долгорукий А.А.
 Montlosier см. Монлозье Ф.Д. де
 Müller см. Мюллер В. фон
 Mutter см. Штейн К.О.Л.
 Mutter см. Эглоффштейн Г. фон
- N**eander см. Неандер А.И.В.
 Novosiltsev см. Новосильцев Н.Н.
- O**lga см. Ольга Николаевна
 Oubril см. Убри П.Я.
- P**ate см. Мюллер К. фон
 Petit-fils см. Александр Николаевич
 Prince см. Фридрих Вильгельм IV
 Princesse см. Мария Александровна
 Prinzen см. Вильгельм Фридрих Людвиг Прусский
 Prinzen см. Карл Александр
 Prinzessin von Preußen см. Мария, принцесса Саксен-Веймар-Эйзенахская
 Prutz см. Пруцц Р.Э.
- R**affael см. Рафаэль Санти
 Rapp см. Рапп А.Ш. фон
 Raupach см. Раупах Э.Б.С.
 Recamier см. Рекамье Ж.
 Reinhard см. Рейнхард К.Ф.
 Retsch см. Ретч Ф.А.М.
 Reutern см. Рейтерн Г. фон
 Reutern см. Рейтерны, семейство
 Riemer см. Ример Ф.В.
 Roi см. Фридрих Вильгельм III
 Rostein см. Роштейн
 Runge см. Рунге Ф.О.
 Rzewska см. Ржевуска К.
- S**chelling см. Шеллинг Ф.В.Й.
 Schiller см. Шиллер Ф.
 Schloessel см. Шлёссель
 Schlotzer см. Шлёцер А.Л.
 Schöll см. Шёлль Г.А.
 Schorn см. Шорн Л.
 Schorn см. Штейн Г. фон
 Schorn A., von см. Шорн А. фон
 Schorns см. Шорны
 Schröder см. Шрёдер А.А.
 Schuetze см. Шютце И.С.
 Schwägerin см. Рейтерн М. фон
 Schwester см. Нефедьева А.И.

- Schwiegermutter см. Бринкман М.Г.
Schwiegertochter см. Мюллер Ж. фон
Schwiegevater см. Рейтерн Г. фон
Scott см. Скотт В.
Siebel см. Зибель Ф.
Sohn см. Жуковский П.В.
Sohn см. Карл Александр
Sohn см. Мюллер А. фон
Sohn см. Рапп М. Фон
Sourhard см. Зауэрхард
Souveraine см. Мария Федоровна
Souverain см. Карл Август Саксен-Веймар-Эйзенахский
Spiegel von см. Шпигель Э.В. фон
Starkloff см. Штарклоф К.Х.Л.
Stein см. Штейн Г. фон
Steinle см. Штейнле Э.Я. фон
Stieler см. Штилер Й.К.
- Tasso см. Тассо Т.
Tcheffkin см. Чевкина Е.Ф.
Tchevkine см. Чевкина Е.Ф.
Tholuck см. Толук Ф.А.Г.
Thronfolgers см. Александр Николаевич
- Töchterchen см. Жуковская А.В.
Tourgenieff см. Тургенев А.И.
Tourguéneff см. Тургенев А.И.
Tutcheff см. Тютчев Ф.И.
- Ungern-Sternberg см. Унгерн-Штернберг П.А. фон
- Veuve см. Иммерман В.М.
Vitzthum см. Витцтум Э.А.Ф. фон
- Weichmann см. Вихман К.Ф.
Werthern см. Вертерн
Wiasemsky см. Вяземский П.А.
Wielhorsky см. Виельгорский М.Ю.
Wildermeth см. Вильдермет М.М.
Willamoff см. Вилламов Г.И.
Witwe см. Бринкман М.Г.
Witwe см. Иммерман В.М.
Witwe см. Штейн Г. фон
Wolkonski см. Волконский П.М.
Wolzogen см. Вольцоген К. фон
- Ziegesar см. Цигезар А. фон

СОДЕРЖАНИЕ

Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера как памятник литературы и культуры романтизма.....	3
---	---

ПИСЬМА

1. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 15/27 апреля 1828 г. Веймар.....	31
2. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 13/25 мая 1828 г. <Санкт-Петербург>	34
3. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому 6/18 июня 1828 г. Висбаден	36
4. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 30 октября / 10 ноября 1828 г. Веймар	40
5. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 20 ноября / 2 декабря 1828 г. <Санкт-Петербург>	43
6. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 17/29 декабря 1828 г. Веймар.....	45
7. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 23 декабря 1828 г. / 4 января 1829 г. Веймар	47
8. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <13/25 августа 1833 г. Веймар>	48
9. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 2/14 октября 1837 г. Веймар.....	49
10. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 23 мая / 3 июня 1838 г. Берлин.....	53
11. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <26 августа / 7 сентября 1838 г. Веймар>	54
12. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 29 августа / 10 сентября 1838 г. <Веймар>	55
13. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <31 августа / 12 сентября 1838 г. Веймар>	56
14. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <3/15 сентября 1838 г. Веймар>.....	56
15. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <3/15 сентября 1838 г. Веймар>.....	57
16. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <Около 4/16 сентября 1838 г. Веймар>	58
17. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 14/26 сентября 1838 г. Веймар.....	58
18. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 4/16 ноября 1838 г. Венеция	60
19. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 11/23 февраля 1839 г. Веймар	67
20. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 16/28 июня 1839 г. Веймар.....	70

21. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 21 июля / 1 августа 1839 г. Петергоф.....	72
22. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 20 октября / 9 ноября 1839 г. Царское Село.....	74
23. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 6/18 апреля 1840 г. Веймар.....	77
24. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 10/22 апреля 1840 г. Дармштадт	79
25. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 14/26 мая 1840 г. Веймар	81
26. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 5/17 июля 1840 г. Дармштадт	83
27. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 31 июля / 12 августа 1840 г. Франкфурт-на-Майне	85
28. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 8/20 августа 1840 г. Веймар.....	87
29. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 17/29 августа 1840 г. Дюссельдорф.....	90
30. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 27 августа / 8 сентября 1840 г. Веймар	92
31. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 2/14 марта 1841 г. Веймар	95
32. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 2/14 января 1842 г. Дюссельдорф ...	97
33. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 23 февраля / 7 марта 1842 г. Веймар	100
34. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 29 марта / 9 апреля 1842 г. <Дюссельдорф>	103
35. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 13/25 апреля 1842 г. Висбаден	107
36. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 9/21 июня 1842 г. Веймар	110
37. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 19/31 июля 1842 г. Веймар	112
38. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 23 июля / 4 августа 1842 г. Дюссельдорф.....	115
39. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 2/14 ноября 1842 г. Дюссельдорф ...	117
40. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 10/22 ноября 1842 г. Веймар	119
41. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 23 июня / 5 июля 1843 г. Веймар	122
42. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 2/14 июля 1843 г. Эмс	123
43. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 18/30 июля 1843 г. Веймар	124
44. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 23 июля / 4 августа 1843 г. Швальбах.....	125
45. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 22 сентября / 4 октября 1844 г. Веймар	126
46. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 5/17 января 1845 г. Веймар.....	127
47. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 9/21 января 1845 г. <Франкфурт-на-Майне>.....	129
48. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 20 ноября / 2 декабря 1845 г. Веймар	131
49. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 21 декабря 1845 г. / 2 января 1846 г. <Франкфурт-на-Майне>.....	133

50. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 29 декабря 1845 г. / 10 января 1846 г. Веймар	136
51. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 5/17 января 1846 г. <Франкфурт-на-Майне>.....	138
52. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 26 апреля / 8 мая 1846 г. Веймар.....	142
53. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 30 апреля / 12 мая 1846 г. Франкфурт-на-Майне	143
54. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 3/15 мая 1846 г. Веймар	147
55. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 31 мая / 12 июня 1846 г. Веймар.....	150
56. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <2/14 июня 1846 г. Франкфурт-на-Майне >	151
57. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <Вторая половина июня 1846 г. Франкфурт-на-Майне>	153
58. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 6/18 декабря 1846 г. Веймар.....	153
59. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 15/27 декабря 1846 г. Франкфурт-на-Майне	155
60. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 30 декабря 1846 г. / 10 января 1847 г. Веймар	157
61. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <Конец февраля 1847 г. Франкфурт-на-Майне>	160
62. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 24 февраля / 8 марта 1847 г. Веймар	162
63. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 25 марта / 6 апреля 1847 г. Веймар	163
64. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. <Начало июня 1848 г. Франкфурт-на-Майне >	164
65. А. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 31 мая / 12 июня 1848 г. Веймар	165
66. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 31 июля / 12 августа 1848 г. Веймар	167
67. В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру. 8/20 октября <1848 г.> Баден-Баден	170
68. Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому. 13/25 ноября 1848 г. Веймар	172
69. В.А. Жуковский – неустановленному лицу (Г.А. Шёлло?). 11/23 ноября <1851 г.> Баден-Баден	174
Никонова Н.Е., Киселев В.С. Примечания	179
Условные сокращения	226
Указатель произведений В.А. Жуковского	227
Указатель имен	228

Научное издание

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф. ФОН МЮЛЛЕРА
1828–1848

Редактор *Т.В. Зелева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 17.02.2021 г. Формат 60x84^{1/16}.

Печ. л. 15,25; усл. печ. л. 14,18; уч.-изд. л. 13,98.

Тираж 100 экз. Заказ 491.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1